

Луна моего сердца

Глава 1

— Быстрее, госпожа Леонтина! Лорд Кайрис и его гости велели мне найти и привести вас как можно скорее! — задыхалась на ходу распорядительница дома, метресса Меолика. Я по привычке подчинилась, ведь одно время она заменяла мне и сёстрам мать. Та умерла вскоре после рождения Виктории, самой младшей из нас.

Я впервые видела чопорную Меолику такой испуганной, хотя она и прятала страх, таившийся в глубине её голубых глаз за маской озабоченности. Казалось, она с молоком матери впитала почтительность к воле моего родителя, Блентвера Кайриса, младшего лорда в доме Саламандр.

— Что случилось, Мела? — спросила я, еле поспевая. Длинная юбка задевала за ветки кустарников, словно те хотели меня остановить, но я быстро отмахнулась от недоброго знака. Негоже знатной леди из огненного дома, чей смелый девиз, начертанный на воротах и выбитый на стенах комнат замка гласил: “Я лелею добро и изгоняю зло”, бояться грядущих несчастий. Да, и что такого могло произойти?

— Я не знаю мыслей господ, — ответила она и так строго посмотрела, будто мне был не двадцать один год, а семь. Мела носила тёмные строгие платья, за которыми прятала свою худобу, в детстве она напоминала мне ворону, которая ходит вокруг с важным видом и видит все наши шалости. Она не позволяла себе, а тем более нам, дочерям хозяина, никаких вольностей, а уж тем более распутных действий и мыслей. Поэтому, я и любила убегать на свидания к Найтвеллу в лес. Я знала почти все тропы в этой части чащи и при желании могла прятаться и от жениха. Но в том-то и дело, что я этого не хотела.

— Зачем им понадобилась я? — моё удивление было искренним. Как и положено молодой леди, я мало интересовалась чисто мужскими занятиями: политикой и войной. И в глубине души была даже рада, что последнее сражение с Волкодлаками, в котором мы потерпели сокрушительное поражение, осталось в прошлом, пусть ещё и не таком далёком, как хотелось бы.

— Опять витаете в облаках? Солнце уже садиться, а мы ещё не на месте! — тоном учительницы заметила метресса, не сбавляя шага. — Супруга уважаемого лорда должна иметь достоинство. Хоть фигурой Боги не обидели! Благодарите их каждый день за то, что избежите участи непорочной жрицы в храме!

Я промолчала. Спорить с ней — все равно, что подливать масло в лампу: только ярче разгорится. Пусть ворчит! А у меня будет время остыть от ласк Найтвелла. В лесу трава душистая и деревья заслоняют от любопытных взглядов. Тело ещё помнило мягкие руки, сквозь тонкую ткань юбки сжимающие мои ягодицы. Грудь горела от поцелуев: жадных и требовательных, и не будь я из чистого рода, давно бы перешла черту.

Да что там, я стояла к ней вплотную: метресса была сейчас слишком озабочена другим, и её наблюдательность притупилась, иначе она бы заметила, что платье из зелёного драгоманского шёлка безбожно помято, а в чёрных волосах кое-где остались травинки.

Наше поместье, гордо именуемое замком, выросло из-под земли, стоило выйти из леса и подняться на холм. Собственно, таким громким словом это нельзя было назвать при всём желании: неподалёку, в пригороде Трионата, были дома и побогаче, но отец никак не мог смириться, что принадлежит к младшей ветви дома Саламандр, вот и тешил себя иллюзиями.

— Переоденьтесь и спускайтесь в каминный зал! И быстро! — приказала Меолика так, словно была мне матерью, а не пусть и приближённой, но служанкой-полукровкой. Однако что-то в её тоне заставило меня безропотно подчиниться. Завтра я всё выскажу нахалке. Будет ещё мной командовать та, чья мать была обычным человеком, Пришлой из другого мира, понёсшей дитя во время ежегодной мистерии. Полукровка! Женщина без отца — женщина без рода и племени.

Горничные, женщины с примесью крови иномирянки, поговаривали, что она делит ложе с моим отцом. Впрочем, многие это делали, хоть он и скрывал от нас сей факт, памятуя о том, что целомудрие для женщин дома Саламандр — обязательный атрибут. Так же, как умение управляться с огнём и весело смеяться над любой глупостью, но тут я, боюсь, разочаровала его. Отец часто говорил, что идеальная женщина должна быть беззаботной, чтобы дарить мужчине радость и отдохновение от трудов.

— Госпожа, вам помочь? — робко спросила меня Розы, личная горничная. Девчонка всегда казалась младше меня лет на пять, может, тому виной был её невысокий рост и щуплость.

Мне с ней повезло: несмотря на тяжёлую участь землян в нашем мире, она, казалось, совсем не страдала и умела рассказывать смешные истории, от которых у меня болел живот и выступали на глаза слёзы радости.

— Ты знаешь, что за срочность? Зачем я понадобилась отцу и гостям?

— Что вы?! Это не моего ума дело!

— И то верно! Подай мне платье молочно-белого цвета. Да не это, надо чтобы грудь вся была прикрыта! Есть у меня одна мысль.

Но по своей скрытности я не собиралась делиться ей со служанкой. И пока Розы помогала одеться, я со всех сторон обдумывала вероятность. Больше всего мне нравилась та, что вела к алтарному камню.

Отец Блентвера — наш ближайший сосед, второй лорд из рода Феникса, не зря приехал к нам, чуть только рассвело: конечно, они решили не откладывать свадьбу! Именно для этого и нужна им я: чтобы объявить свою волю! Ну и Слава Богам!

— Что это вы разругались? — спросила Розы, застёгивая пуговицы на моём платье. — Никак намиливались с женихом-то?

Горничная была моей поверенной в сердечных делах: я не рассказывала ей всё, но кое в чём поучиться у неё стоило. Когда я спрашивала, сколько за те три года, что она здесь, у неё было мужчин, она, безусловно, привирала, но даже если сбросить половину, получалось приличное число. Отец иногда одалживал её друзьям или соратникам по Ордену Сопротивления. Иногда всем сразу. По мне, так это ужасно, но, видимо, люди устроены иначе, чем чистокровные. Розы говорила, что ей нравилось чувствовать в себе твёрдый мужской член.

— Я не перехожу черту, — ответила я и строго посмотрела на неё.

— И многое теряете! Уж поверьте, это даже лучше, чем мясной окорок, который вы мне давали пробовать в прошлый День Равноденствия, — как ни в чём ни бывало лепетала бесстыдница. — Вы же сами видели: когда меня сношали...

— Хватит! Всё настроение испортила! Это в такой-то день! Пойдём уже!

Мельком бросив взгляд в зеркало и убедившись, что отлично выгляжу, я подала Розы знак, что готова. Шли медленно, чтобы я не выглядела взволнованной и покрасневшей. Отец бы не простил, если б я опозорилась при всех его знакомых!

Пока мы плелись полутёмными коридорами, кричащими о нашей стеснённости в средствах, я предавалась любимому занятию: размышлению.

Розы была права: не участвуя в мистериях, чистокровные дочери, едва им исполнялось шестнадцать, смотрели издали, со специальных площадок на всё действие, от начала и до конца. Человеческие женщины, чьи лоны принимали чистокровное семя во славу наших Богов, укрепляли связь моего народа с этой землёй, делали жрецов искуснее, а воинов храбрее.

Я видела три мистерии, моя младшая сестра и того меньше, мы привыкли к виду чужой страсти. Таковы были наши обычаи, потому как целомудрие не должно произрастать от неведения, но только от добровольного выбора. Это привилегия, которой лишены все человеческие женщины, пришедшие к нам из другого мира, так называемые Пришлые. Те самые, от которых отказалась родная земля.

Поговаривали, что с тех пор, как древние кланы отказались убивать иномирянку на алтарных камнях, Боги отвернулись от нас, предоставив своим сыновьям самим решать проблемы. Нашествие Волкодлаков многих убедило в этом, но новая кровь и сердца, вынутые на сверкающие чистотой ритуальные блюда, уже не могли умаслить старых Богов.

— Госпожа, госпожа! Надо идти, — шептала Розы, стоящая сзади. Я и сама не заметила, как остановилась у тяжёлых дверей каминного зала. Слуги в когда-то блестящих ливреях стояли у входа с непроницаемыми лицами. Полукровки нашего дома хорошо знали правила и не поднимали глаза на дочерей хозяина.

— Я готова, — сказала я чуть слышно в ответ, и Розы, кивнув, подала знак.

— Леди Леонтина Кайрис! — Слуга громко выкрикнул моё имя, и я вошла в залитый светом зал.

Большие сборища я не любила, и то, что предстало моему вниманию, более напоминало военный совет, а не обсуждение брачных договорённостей.

Пятеро мужчин с суровыми лицами сидели в креслах, расставленных полукругом. Я чувствовала себя не в том доме, где я игралась у камина ещё малышкой, а в тронном зале или, как минимум, на тайном собрании, ставившим целью свержение власти имущих.

Всех присутствующих я видела у нас и раньше: отец Найтвелла, ближайший сосед, придирчиво

оглядел меня с ног до головы, будто прикидывал, гожусь ли я для их дома. А ведь он всегда был со мной любезен и говорил комплементы: мол, я умею себя держать и немногословна, как и подобает знатной леди. Чем я его прогневала?

— Подойди ближе, Леонтина, — после паузы, в течение которой лорды осматривали меня с ног до головы оценивающими взглядами, произнёс отец, почему-то уступивший сегодня кресло моему будущему свёкру. Чтобы глава дома сидел не в центре, должно было случиться что-то особенное.

Сердце сжалось от предчувствия дурных вестей, но я подчинилась и присела на стоящий в центре табурет, больше приличествовавший прислуге на кухне, но не дочери хозяина.

Голос у отца был усталым и мягким, я расслабилась и немного успокоилась. Остальные лорды-соседи хранили суровое молчание, но что мне за дело до них? Скорее всего, снова обсуждали дела Сопrotивления, которые никогда не перейдут в реальные действия. И ради этого они вырвали меня из крепких объятий жениха?!

— Разговор предстоит серьёзный, и я жду от тебя внимания, — продолжил отец, поглаживая аккуратную бороду.

Я кивнула, метнув взгляд на лордов. Все, кроме отца Найтвелла избегали на меня смотреть и хмуро оглядывали цветастый ковёр под ногами.

— Ты слишком молода для такого задания, но обязана справиться.

— Конечно, она справится. В конце концов, девочка воспитана в правильной вере и при её уме понимает всю тяжесть нашего положения, — пробасил будущий свёкор.

Я насторожилась. Что ещё за задание? А как же свадьба, намеченная на будущий Праздник Урожая? Я и так устала считать оставшиеся недели.

— Это и впрямь единственный выход, Блентвер, — поддержал другой сосед.

— Единственная надежда, — вздохнул четвёртый лорд и пригладил рукой короткие волосы.

Потом долго говорил отец: о долге и совести, о выпавшей чести и жертвенности, о семье. И о положении моего народа, изнывающего под игом оборотней и огнедышащих летающих тварей. Чем больше я его слушала, тем тусклее казался мне свет масляных ламп, освещающих каминный зал. Тем холоднее становилось вокруг, а огонь в очаге всё больше походил на маленький фитилёк, не способный отогнать наступающую тьму.

Я слушала и не смела спросить: зачем ты говоришь мне то, что я и так знаю? Что вам всем от меня надо?

Разболелась голова, и я уже мечтала только об одном: лечь на хрустящие белые простыни и, накрывшись мягким пледом, пахнущим лесом, заснуть без всяких сновидений. Потом я очнусь, отдохнувшая, и спрошу отца, чего он от меня ждёт. Только бы речь шла просто об отложенной свадьбе! Я боялась худшего: мне всё-таки предстоит стать непорочной жрицей! Но какой в этом толк для Сопrotивления?

— Леонтина! — грозный окрик отца вывел меня из оцепенения. — Ты слышишь, о чём я говорю?

— Не ругай её, Блентвер, — произнёс молчавший доселе пятый лорд. Он усмехнулся в пшеничные усы и добродушно произнёс: — Мужские игры туманны для самого острого женского ума. Переходи к сути, мы все устали за сегодня. Решение ведь принято?

И пятый посмотрел на отца таким взглядом, что на секунду мне почудилось, будто тот съёжился и втянул голову в плечи.

— Конечно, — огрызнулся он. — Надеюсь, собрание не сомневается в моей преданности делу?

Мне хотелось подойти и обнять отца, встать между ним и этими лордами, перешедшими грани приличия и гостеприимства.

— Вот и докажи, — с нажимом сказал “свёкор”. — Каждый из нас многое потерял, у соседей война забрала единственных сыновей. Виланс тоже жертвует дочерью, чем твоя лучше? Мы не требуем всех, только эту!

Лицо отца сделалось мертвенно-бледным, я чувствовала, как в кончиках пальцев рук рождается холод и ползёт прямо к сердцу. Так и есть! Я никогда не выйду замуж, уступлю это право золотоволосым сёстрам.

Отец посмотрел на меня так сурово, что если бы я не сидела, то непременно рухнула бы на ковёр.

Ни за одну провинность, никогда в жизни я не заслужила такого тяжёлого взгляда!

— Леонтина, выслушай и прими как честь! Тебе предстоит поработать на благо страны: собрать для нас кое-какие сведения в стане врага.

Я онемела и не могла поверить сказанному. Неужели они говорят про меня, третью дочь младшего лорда?!

— Но как я попаду туда? И кто мне их расскажет? — осмелилась я спросить. Оставалась надежда, что Боги разом лишили их ума. Всё происходящее казалось мне иррациональным сном, кошмаром без смысла и конца.

— Ты отправишься в составе десяти девушек, которых уже третье лето требуют в знак нашей лояльности и преданности Волкодлаки.

— Я не понимаю, отец. А как же свадьба?

Комната поплыла, я держалась из последних сил.

— Свадьба отменена, — резко ответил “свекор”. — Твоей девственности можно найти гораздо лучшее применение, чем постель моего сына. Ты должна будешь соблазнить Рэва Торгского, предводителя одного из главных кланов рыжих волков.

В глазах потемнело, живот скрутило от боли. Мне не хватало воздуха. Запахи горящих дров и мужского пота вызывали тошноту и грозили лишить сознания. Я перестала храбриться и ускользнула в спасительную тьму.

Глава 2

Первый вопрос, который я задала себе, вынырнув из тьмы забвения: почему выбор пал на меня.

Моя комната, такая знакомая и обычная, вмиг показалась уютной и безопасной, укрытием от всех жизненных бурь, одна из которых уже коснулась краешка судьбы нашей семьи.

В комнате никого не было.

Я лежала в постели и пыталась понять, не приснилось ли мне всё то, что происходило в каминном зале. За окном была ночь, у изголовья кровати тускло светила масляная лампа. Обычно их заполняют каждый вечер, чтобы запаса хватило, если хозяйка вдруг пожелает почитать или помечтать за чашкой ароматного травяного чая.

В моей же топливо было на исходе. Так сколько я спала?

Боги словно услышали ответ на мой вопрос и послали его в облике Меолики, неслышно вошедшей в комнату. Она была словно тень, призрак, молча взявший меня за руку:

— Лежи, не вставай! — произнесла метресса мягко, словно я была тяжелобольной. К горлу подкатил ком: значит, мне ничего не привиделось!

— Что всё это значит? — вяло поинтересовалась я. Язык был как ватный, потрясение ещё не отпустило меня. — Что теперь со мной будет?

— Ты уверена, что хочешь поговорить об этом именно сегодня?

Меолика улыбнулась и погладила меня по лицу, совсем как любящая мать. Не то, чтобы она была злой мачехой из сказок, просто относилась к нам как прилежная гувернантка, но не более того.

Отец, видимо, специально подослал её, чтобы та по-женски объяснила мне новые обязанности. Предложение отложить разговор до завтра было заманчивым, но я не хотела отсрочки приговора, предчувствуя, что тот неизменен. Я села в постели, крепко сцепив пальцы, и приготовилась слушать.

— Отец ждёт от тебя понимания и покорности.

— Я всю жизнь только этим и занималась.

— Так не начинай дерзить сейчас! — тон разговора поменялся: место воспитательницы заняла надзирательница. — Я расскажу тебе подробности, но обещаю не плакать и не заламывать руки. Это ничего не изменит.

— Истерики мне не свойственны, — ответила я холодно. Пусть понимает с кем разговаривает, полукровка!

— Вот и хорошо.

Метресса встала и скрестила руки на груди. Пару мгновений мы мерялись взглядами, она первой отвела глаза и отошла к окну.

— Леонтина, ты войдёшь в число десяти девственниц, которых ежегодно требуют Волкодлаки и отправишься в Вервик — их столицу. О цели тебе уже сказали. Постарайся собрать как можно больше полезных сведений обо всём, что сможешь услышать. Передавать будешь зашифрованным письмом, через одну из девушек. Она сама тебя найдёт, как только ты... проберешься в постель Рэва Торгского.

— Это обязательно? — спросила я, и голос предательски дрогнул.

— Разумеется. Любовница может услышать то, что не сумеет служанка.

— Но почему нельзя отправить кого-то другого?

— Отправляли. В прошлом году и позапрошлом. Никто из них и близко к нему не подобрался. Рэв — фигура непростая, в каждом видит шпиона, он очень осторожен и подозрителен. Такой не поселит в своём доме полукровку, да и чистокровных избегает. Но на тебя, как на образованную и высокородную, может и обратить внимание.

— Откуда ты столько знаешь?

Меолика подошла ко мне и села рядом. Некоторое время она колебалась, а потом, усмехнувшись, произнесла таким горьким тоном, что я удивилась:

— Если ты родилась от человеческой матери, то надо научиться не только раздвигать ноги в нужный момент, но и стать для своего мужчины наперсницей в делах, соратницей, если угодно.

— Я тоже хотела делить ложе с любимым, — запальчиво ответила я. — А теперь надо мной надругается враг, а я буду вынуждена улыбаться ему и кланяться.

— Так улыбайся и кланяйся! Только делай так, чтобы он ничего не заподозрил. Велика важность — девственность потерять!

Сказать, что я удивилась, значило, не сказать ничего. Меолика с детства прививала нам понятие целомудрия. Мы выросли и впитали убеждение, что чистокровные должны отдаться только мужу, после брачного пира. Раньше мне казалось, что Меолика разделяет эту догму.

— Что смотришь? — продолжила она между тем, превратившись из чопорной вороны в женщину. — Думаешь, Блентвер лишил меня невинности? Совсем нет, он был вторым, после своего старшего брата. Они поймали меня на лестнице чёрного хода во время обеденного отдыха господ, оттащили в чулан, несмотря на мои крики, и забавлялись. Конечно, меня не били и не выламывали руки, просто объяснили, что всё равно трахнут. Но если я буду покорной и позволю молодым господам стать мужчинами, уговорят старого лорда оставить меня в доме, а не выдавать замуж за полукровку.

— И ты согласилась?!

Сегодня мой мир окончательно рухнул и придавил меня своими осколками.

— Конечно. Одно дело — жить в доме, подобному этому, носить добротные вещи и совсем другое — горбатиться с утра до ночи на полях или на реке. Это вы с сёстрами родились с золотой ложкой во рту, поэтому тебе меня не понять.

— И что было дальше?

— Они делили меня ещё несколько лет, пока Блентвер не женился и не обзавёлся собственным домом. Он взял меня в качестве распорядительницы.

— Значит, вы спали вместе, пока мама была жива? — это покорило меня сильнее всего.

— Нет. Твой отец был верен жене, согласно брачным клятвам. Так что гнев не справедлив.

— То, что со мной так поступают тоже не справедливо.

— Как раз напротив! — усмехнулась метресса. — Теперь ты поймёшь, что значит угодить господину. Постарайся, чтобы жерва была не напрасной. А теперь, я пришлю Розы, чтобы она помогла тебе раздеться. Выпись хорошенько, завтра мы начнём подготовку. Времени до передачи девушек не много.

— Когда? — только и выдавила я из себя.

— Девять дней.

Я остановила метрессу, когда она уже была на пороге:

— Меолика, — спросила я с затаённым страхом. — Если я справлюсь, что будет дальше? Есть надежда вернуться?

— Лорды говорят, что да. Мне надо идти, Леонтина! Розы сейчас будет здесь.

Все последующие дни меня упорно натаскивали по таким предметам, как чтение карт, политика Илиоса, чистописание и этикет. Я всё схватывала на лету и получала похвалу за похвалой от Меолики и отца, который избегал моего общества и игнорировал умоляющие взгляды.

Каждый вечер я долго лежала в кровати с открытыми глазами и пыталась представить, каково это: быть служанкой в доме врага днём, а ночью позволить ему лишить тебя чести, даже не сделав попытку защититься.

Остальных девять отобранных девушек я не знала лично, хотя часть из них происходила из знатных, но обедневших семей, не имевших возможности дать за каждой из многочисленных дочерей достойное приданное. В этом я подозревала и своего отца, хотя он упрямо прикрывался высокой целью: освободить страну от ига завоевателей, поработивших нас более пятидесяти лет назад.

Чем я могла оправдать своё нежелание участвовать в столь славном деле? Слабостью духа и желанием выйти замуж по любви? Отец и лорды Ордена Сопrotивления уверяли меня, что как только я добуду сведения о расположении арсенала в столице, они устроят мой побег и даже выдадут замуж за Найтвелла. "Мой дом будет счастлив принять в качестве невестки героиню

Сопротивления”, — говорил мне отец бывшего жениха.

Но у меня зрел иной план, как избежать позорной участи наложницы оборотня. И натолкнул его на меня спекакаль Розы, которая должна была передать всё знания и умения о мире плотских утех и постельных развлечений. Горничная с упоением объясняла мне такие вещи, от которых даже я, чистокровная, видевшая мистерию, краснела и смущалась, как малолетняя.

Потом настала пора, когда Розы обязали прилюдно показать своё мастерство. Бесстыдница только кивнула, но по блеску её глаз было заметно, что она радуется и предвкушает особое удовольствие.

Мы с Меоликой расселись в комнате, соседствующей с той, куда вошла Розы. Большое зеркало в стене оказалось прозрачным, и я сидела, словно в театре или на очередной мистерии, одно воспоминание о которых наводило на меня ужас. Я понимала их важность для силы моего народа, но крики девушек, на которых не подействовал отвар забвения, до сих пор стояли у меня перед глазами. Человеческим женщинам было больно от первого резкого проникновения, но распалённые мужчины не желали долгих ласк. И хоть Розы пыталась уверить меня, что всё быстро забывается, я боялась, что то же самое ждёт и меня: грубость, унижение и увечье.

Пока я раздумывала, к горничной уже присоединился незнакомый мне мужчина. Он был ещё молод, но почти лишён мышц, которые скрывал жир, колыхавшийся складками на животе. Лицо, изъеденное оспой, вызывало отвращение.

Мужчина был обнажён, но не возбуждён. Он почти по-женски, прошёл в центр комнаты и сел на кровать, откинувшись назад. Розы словно ждала этого, и подошла ближе. Я любовалась её красивым профилем и старалась не замечать мужчину, между ног которого она присела на колени. На лице Розы не было и тени отвращения, напротив, оно дышало обожанием. Девушка поглаживала внутренние стороны бёдер партнёра, который тем временем наклонился и дёрнул её лиф, порвав платье. Маленькая грудь высвободилась из тесных оков полукорсета, Розы закрыла глаза и подалась навстречу жадно трогавшим её рукам.

Мужчине, видимо, надоела игра и, грубо взяв горничную за волосы, он приблизил её рот к собственному паху. Тут я и заметила, что его член, ранее походивший на сморчок, поднялся и выпрямился. Розы жадно накрыла ствол ртом и принялась насаживаться на него, потирая торчащие соски о бёдра толстяка.

Мне стало дурно, и я несколько раз хотела встать и уйти, но Меолика неизменно удерживала меня, заставляя внимательно смотреть на то, как мужчина, обхватив голову Розы, понуждал её двигаться всё быстрее. Я боялась, что она задохнётся, или он сломает моей горничной шею, но метресса только снисходительно улыбалась, словно мои страхи не имели никаких оснований.

— Зачем мне было на это смотреть? — с ужасом спросила я, когда мужчина кончил Розы прямо в рот, и она принялась глотать белое семя, продолжая с обожанием посматривать на партнёра. Оральные ласки считались среди чистокровных грязными и неприятными, и сложись всё по-другому, я бы никогда не увидела их, а тем более не стала бы им обучаться.

Струйка стекала у горничной по подбородку, и капли падали на одежду, но Розы, казалось, это совсем не смущало. Она отползла и встала, низко склонив голову в знак почтения, словно развалившийся на кровати толстяк был обожаемым правителем. Я с облегчением вздохнула и закрыла глаза, когда девушка, пятясь, покинула комнату.

— Чтобы не бояться и правильно себя вести, — последовал леденящий душу ответ. — Никто не знает, что захочет от тебя хозяин. Надо быть готовой встретить любую его прихоть с радостью. Мужчины не любят строптивых.

— А кого они хотят видеть рядом? Шлюху? — засмеялась я, пытаюсь унять дрожь в теле.

— Отчасти. Тебе надо не только обратить на себя внимание, но и удержать Рэва Торгского подле себя так долго, как сможешь.

— То есть моё возвращение не планируется, верно?

Я встала на ватных ногах и побрела к выходу, не обращая внимания на дежурные протесты метрессы. Она, должно быть, тоже хотела поскорее от меня избавиться, но её мнение было не важным. Гораздо больше интересовало: что скажет отец. Сможет ли он и дальше быть невозмутимым и спокойным, когда я спрошу, почему избегает откровенного разговора? Боятся неудобной правды и женской истерики?

Пройдя полпути до его комнаты, я повернула обратно. Так и созрел мой план.

Разговор с отцом ничего не даст и не отведёт разящего меча, зависшего над моей головой. Я поговорю с ним позже, когда мой план сработает. И не только с ним.

Глава 3

Я решила поговорить с Найтвеллом, а, может, это была уловка, чтобы ещё один раз повидаться с любимым.

Я ждала его на нашей поляне, где ещё пару дней назад мы спасались от жары в тени раскидистого дуба и мечтали о совместном будущем. Тело помнило жадные прикосновения, низ живота сводило от воспоминаний о ласках и в предвкушении сегодняшней встречи, на которую я ставила свою честь. План мой был предельно прост: отдаться Найтвеллу, и тогда меня не отправят в столицу, к оборотням, в качестве дани.

Карманные часы говорили, что любимый опаздывает, но я верила, что у него на то была веская причина. Он ведь не мог меня предать!

Я металась от одного края поляны до другого. Лес в предзакатных сумерках становился всё мрачнее, я так и ждала, что из чащи выйдут слуги, посланные отцом за мной. На этот случай я приготовила план отступления: никто из полукровок не знает и не чувствует лес так, как я.

— Леонтина! — застал меня врасплох голос любимого.

Я оглянулась и оказалась в объятиях Найтвелла. Он держал меня в кольце рук и смотрел в лицо с грустной нежностью. Меня пугал этот прощальный взгляд, полный боли и невысказанного сожаления. Я первая прильнула к его губам, подавив в душе росток сомнения. Это ведь он, мой Най! И он пришёл! Вопреки воле родителя, Ордена и всего мира!

Най всё крепче прижимал меня к себе, я чувствовала его желание и откликалась на него. Остальной враждебный мир остался там, за пределами поляны. Я была жадна в поцелуе, он ведь мог стать последним.

Внезапно Най отстранил меня и заглянул в глаза:

— Прости!

— За что? — улыбнулась я и погладила его по щеке. Сейчас я любила его больше чем когда-либо!

— За то, что не смог отстоять тебя, Лея! — прошептал он и привлёк меня к себе, вдыхая аромат волос, чёрными прядями, рассыпавшихся по спине. Умышленно не стала забирать волосы в причёску, зная, что Най от них без ума.

Я продолжала прижиматься к любимому, вокруг нас сгущались сумерки, предвещая наступление тьмы. Впереди была ночь и только нам решать, какой она станет: тёмной, непроглядной или звёздной с ароматом лесных ягод и шорохами ожившего леса.

— Ты любишь меня, Най? — спросила я тихонько.

— Да, Лея. Но я должен отступить. Мы должны.

— Нет, — прошептала я, заглядывая в его тёмные бездонные, как ночные озёра, глаза. — Не сейчас. Я хочу быть твоей. Здесь и сейчас. Без остатка.

Он смерил меня долгим недоверчивым взглядом, от которого в душу заполз страх. А вдруг оттолкнёт и уйдёт, не оглядываясь?

Вместо этого, он спросил:

— Ты уверена?

— Да. Возьми меня сейчас.

Я отошла на пару шагов и потянула за шнуровку, освобождающую меня от наряда, ставшего теперь лишним барьером между нами. Всё шло, как я того и желала.

— Подожди, я сам.

— Хорошо, — ответила я и доверилась рукам любимого мужчины. Душный воздух был пропитан нашей страстью и нетерпением. Где-то далеко запели цикады.

— Ох уж эти ваши завязки. Ты специально выбрала такое платье?

— Не сердись. Я помогу, — ответила я и негнушными пальцами развязала узлы. Не говорить же мне, что это единственный наряд, который я могла надеть без помощи горничной. Знал бы мой отец, что я сейчас делаю, он бы выкинул из гардероба моих сестёр все платья, шнурующиеся

спереди!

Най привлёк меня к себе, не дожидаясь, пока я справлюсь. Под его натиском они не выдержали, ткань затрещала и освободила меня из плена.

Целуя грудь, я опускалась всё ниже, расстёгивая пуговицы и вдыхая аромат его кожи, который всегда вызывал во мне желание лечь на спину, раздвинув ноги. Задрав нижнюю юбку, я так и поступила.

Най оголился до пояса и лег между ног. Он покрывал поцелуями мою обнажённую грудь. Желание стало нестерпимым, жгучим и мучительным.

— Любимый, пожалуйста, сейчас! — иступленно просила я, запустив пальцы в его жёсткие кудри.

Мужская рука легла мне на промежность. Тонкая ткань трусиков была единственной преградой между ней и моим молящим о проникновении лонем.

— Какая ты влажная, — зашептал Най и одним движением избавил меня от ненужного белья. — Погоди секунду.

Я смотрела, как он избавился от остатков своей одежды. Его член был небольшим, но таким желанным. Я поймала себя на мысли, что хочу, чтобы он вошёл в меня грубо и быстро, без всяких нежностей. Разбил в кровь ставшую ненавистной девственность и белым семенем утвердил свои права на меня.

Небо над головой было усыпано звёздами, новорожденный месяц проливал свой скудный свет на поляну. Я бы предпочла безлунную ночь, до того мне было не по себе. Я лежала обнажённой в ночном лесу, готовясь изменить свою судьбу и отвечать за последствия выбора. Промелькнула мысль, что по-хорошему надо бы рассказать о своём плане Найтвеллу, но сейчас я изнывала от вожделения и решила оставить объяснения на потом.

Я прикрыла глаза и сглотнула слюну, с нетерпением ожидая любимого.

— Иди ко мне, — повторила я призыв и тут же почувствовала тяжесть его тела. Твёрдый и горячий член коснулся моего лона, я подалась ему навстречу, желая быстрее слиться с мужчиной в едином порыве страсти.

Резкая боль кольнула меня, я испуганно отпрянула и вскрикнула. Найтвелл отстранился, на его лицо находилось в тени, я не видела глаз, но боялась, что он разочарован.

Боль отпустила так же быстро, как и возникла.

— Зачем ты провоцируешь меня? — спросил любимый хриплым голосом. — Клянусь, я оставлю тебя нетронутой. По крайней мере, там.

В душе зашевелились недобрые предчувствия, мне стало холодно.

— Что ты имеешь в виду?

Он притянул меня к себе, погладил по спине, его нежный поцелуй в шею развеял тревогу, и я прошептала, целуя в ухо:

— Я всё вытерплю. Возьми меня быстрее, прошу. Не обращай внимания на крики.

— Хорошо.

Я снова почувствовала его губы на шее, на этот раз поцелуй был долгим и чувственным. Должно быть, останется след, но потом это будет лишним доказательством нашей лесной страсти. А когда через месяц, у меня прекратятся регулы, нашим отцам не останется ничего иного, как поженить неразумных влюблённых.

— Повернись на живот, — приказал Найтвелл, прервав мои постанывания.

Я не стала спорить. В конце концов, какая разница, как лишиться невинности. Найтвелл более опытен в таких делах, я решила просто довериться ему.

От поцелуев горела спина, наконец, твёрдый член, о котором просто молило моё тело, упёрся в промежность. Я прогнулась в спине, чтобы облегчить любимому проникновение. На миг он отстранился, чтобы тут же вернуться, только теперь его член стал мокрым.

— Раздвинь ноги, — сказал он, и я снова подчинилась, уже не понимая, почему он медлит. — Ты точно, не против?

— Нет, пожалуйста, возьми меня, — пролепетала я, одурманенная единственным желанием — почувствовать его в себе.

— Расслабься и не дёргайся. Я дам тебе передохнуть.

Член коснулся моей промежности, но тут же ушёл выше, найдя себе другую цель. И снова меня пронзила боль, Найтвелл навалился всем телом, но я лишь крепче сжала ягодицы, стараясь освободиться от объятий, ставших тисками.

— Пожалуйста, прекрати, — застонала я, чувствуя, как головка члена растягивает меня.

Ещё немного, и он победит.

— Нет, я не хочу!

— Замолчи! — ответил Найтвелл и снова сделал попытку взять меня силой.

Я поняла, что просто так не вырвусь, что он вовсе не собирался лишать меня девственности, а просто решил попользоваться напоследок. Среди чистокровных мне встречались девушки, практиковавшие с женихами такого рода проникновение до свадьбы и не считавшие себя после этого обесчещенными. Но я была не из их числа.

Силой мне не вырваться, поэтому я пошла на хитрость: решила выложить Найтвеллу свой план.

— Нет, — простонала я. — Я должна понести от тебя.

— Что?

Я ощутила свободу, Найтвелл резко отстранился.

— Сегодня благоприятный день, — сказала я, продолжая лежать. Боль стихала. — Стань моим первым и единственным мужчиной. У меня есть травы, они укрепят во мне твоё семя. Ты ведь любишь меня, правда?

Я обернулась и посмотрела на мужчину. Недоумение в его взгляде сменилось разочарованием. Моё сердце замерло.

— Ты просто идиотка!

Найтвелл молча натянул брюки, накинул рубашку, второпях перепутав пуговицы. Мне стало невыносимо холодно. Поднялся ветер, я накинула на плечи шаль, предусмотрительно принесённую из дома. Хотелось плакать, но я сдержалась, понимая, что только разозлю Найтвелла ещё больше.

— Куда ты? — задала я дурацкий вопрос, только чтобы прервать тишину и растопить лёд, возникший между нами.

— Домой. Ты тоже одевайся, я выведу тебя из леса, но дальше пойдёшь сама. Ни к чему, чтобы нас видели вместе.

Я всё ещё надеялась, что всё получится.

— Ты обиделся? Но по-другому, нам не разрешат быть вместе. — Я встала и, придерживая на груди шаль, подошла к Найтвеллу и попыталась прижаться, как делала это раньше, когда мне было плохо и больно. Я чувствовала себя виноватой, что не посветила его раньше в свои планы.

— Мы не можем быть вместе, — сухо ответил он и отстранился. — Я думал, ты всё понимаешь. Девственность больше тебе не принадлежит, ты не можешь ей распоряжаться по своему усмотрению. Одевайся, надо вернуться домой, пока тебя не хватились.

Я поняла, что проиграла. И мешочек с измельчёнными травами, зашитый за пояс, сегодня не пригодится. Как и в ближайшее время.

Мне ничего не оставалось делать, как отвернуться и сесть на смятую одежду, больше не чувствуя холода, сожаления или боли. Я словно одеревенела.

— Сама вернись. Не беспокойся.

Найтвелл посмотрел по сторонам, кинул на меня последний нерешительный взгляд и облегчённо выдохнул, словно все его проблемы разрешились сами собой:

— Ты уверена?

— Я знаю эту часть леса лучше тебя.

— Ну, тогда прощай. Я любил тебя, Леонтина, и не моя вина, что всё так вышло.

Он сделал шаг в моём направлении, но в последний момент передумал и, махнув рукой, скрылся в лесу, так и не обернувшись.

Я смотрела ему вслед и ждала, что Най вернётся. Скажет, мол, передумал, и мы будем бороться, но понимала, что он сделал свой выбор. Все сделали выбор, кроме меня. Я не имела на него права.

Только сейчас, в ночном лесу, наполненном запахами листьев и трав, я окончательно осознала, что моя судьба решена, и пути назад отрезаны.

Так оно и вышло, спустя три дня я ехала верхом по южной дороге, ведущей в Вервик. Родные попрощались со мной, пролив скупые слёзы. Накануне было сказано много патристических речей, но суть оставалась прежней: меня принесли в жертву. Совсем, как Пришлых из иного мира. И я ехала на первую в своей новой жизни мистерию, где я уже буду не свидетелем, а бесправной игрушкой для утоления чужой похоти.

Глава 4

Всю дорогу я вспоминала родной дом, но не потому, что мне там было хорошо, а чтобы не думать о будущем, таящем в себе крах всех мечтаний. Повторяла про себя наставления ордена и метрессы Меолики: имена связных и помощников, иерархию Волкодлаков, похожую на армейские чины, и конечно, заклинания, которые я должна использовать и перечень трав с магическими свойствами. Везти с собой заготовки было бы подозрительно.

Волкодлаки избегали магии, полагаясь на силу, быстроту и выносливость. И запахи, благодаря которым они могли отличать страх противника от ярости, почуять злой умысел или задумываемую подлость. Так что в их присутствии мне придётся контролировать даже мысли.

Но пока я и трое сопровождающих слуг ехали по знакомым местам, где прошло моё детство, где я встретила юность и Найтвелла. Воспоминание о нём отозвалось болью в груди. Как он легко от меня отказался! И что ещё хуже, хотел напоследок попользоваться, словно девку-полукровку.

После той ночи я его больше не видела, и это к лучшему, иначе наговорила бы гадостей, выплюнула обвинения прямо в лицо. Может, то, что я не вышла за него — к лучшему? Как он мог, любя меня, так просто отдать на поругание, если не на смерть? Я этого не понимала. Ответ напрашивался сам собой, горький и неутешительный — он меня никогда не любил. Хотел поиметь, породниться с моим домом, но не более того.

Дорога пошла под уклон, знакомые места остались позади, как и все мои надежды. Что печалиться о человеке, которого я больше никогда не увижу? В том, что не вернусь, я почти не сомневалась. Шпионка с меня так себе, лгать я ненавижу, так что всё закончится раньше, чем думает Орден.

Рози собрала мне в дорогу котомку слухов, которые по её мнению, могли пригодиться. Один из них раскрывал самую главную тайну — почему выбрали меня. Не одна из девушек, посланных ранее, не достигла цели. Никто из высокопоставленных оборотней не брал их себе в качестве постоянных наложниц, поскольку те были недостаточно знатны или привлекательны в глазах захватчиков. Оборотни вообще предпочитали своих волчиц всем иным расам.

Меня пугали невиданные раньше Волкодлаки. Девушке моего положения не позволялось сопровождать отца в поездках, чтобы не вызывать кривотолков. А к нам захватчики не заглядывали. Да и зачем: война давно окончилась, а жили мы, по их меркам, в таком захолустье, что не стоило тратить на нас время.

Знали ли они об Ордене Сопротивления, куда входили лорды, снискавшие себе славу при дворе бывшей столицы? Или их не заботили шпионские игры и игрушечные заговоры, ни один из которых и близко не потревожил Совет стай?

Во время длинных переездов, сменяющихся краткими привалами, я размышляла о многом. Смотреть по сторонам не хотелось, да и красочных пейзажей вокруг не наблюдалось. Таинственный лес чернел справа, вдалеке, меня так и подмывало пришпорить коня и скрыться между вековых деревьев, но я понимала, что это бесполезно и безответственно. Людей и поселений почти не встречалось, двигались мы в объезд, чтобы не привлекать внимания.

На исходе дня, когда от долгой поездки в седле у меня ломило всё тело, мы прибыли на место встречи с другими девушками, в неприметное поселение на триста домов, обнесённое каменным забором. Стража посмотрела на свёрнутую в рулон бумагу, протянутую моим слугой. Я заметила печать дома Саламандр. Нас пропустили без лишних вопросов.

Жутко хотелось спать, но, словно назло, перед тем, как остановиться у двухэтажного дома, мы проехали почти через весь городок. Каменное строение выглядело основательно, сразу было видно, что его хозяин не бедствует. Слуга громко постучал в дверь, и та тут же приотворилась. Статная немолодая женщина в тёмном платье пытливым взглядом окинула нас, немного задержавшись на моем лице, и громко проговорила:

— Проходите!

Её голос напоминал карканье вороны, таким он был грубым и резким. Слуга помог спешиться и я, подобрав юбки, первой вошла в светлую прихожую.

— Зачем на улице сняла капюшон? — тут же получила я выговор от седовласой дамы, открывшей нам дверь. — Лишние глаза в твоём деле — только помеха. Привыкла, небось, красоваться перед кавалерами!

Я не успела возразить, как она продолжила:

— Теперь твоей красоте будет иное применение, — и хрипло засмеялась, обнажив ряд желтоватых,

но крепких и ровных зубов. Я заметила у неё на поясе связку ключей и сразу смекнула, кто передо мной.

— Негоже распорядительнице дома так разговаривать с гостями. Тем более с чистокровной.

Слуги притихли, они знали, какой высокомерной я могу быть, если задеты мои честь и достоинство, но, с другой стороны, дерзить людям, приютившим нас, я считала верхом невоспитанности.

Метресса обернулась и удивлённо посмотрела на меня, словно видела впервые, а потом снова рассмеялась и приказав слугам ждать здесь, повела меня по деревянной леснице с высокими ступенями.

Держалась она как чистокровная, должно быть, была дочерью отца нынешнего хозяина дома от человеческой женщины или даже от полукровки. А, может, она была продана в этот дом ещё в детстве? Те, в ком кровь Пришлых смешалась с чистокровной, более прочих завидовали знатным леди.

— Вот ваша комната, госпожа. — Метресса открыла дверь ключом из связки на поясе и распахнула её, пропуская меня внутрь. Комната была большой и богато обставленной. Я даже постеснялась своей пыльной обуви и стала к стене, чтобы не наступить на светлый ковёр с длинным ворсом.

— Горничная сейчас придёт, в соседней комнате — ванная. Слуги уже греют воду. Вы, конечно, устали с дороги.

— Спасибо, — пролепетала я, опустив глаза. Мне было стыдно за мою вспышку внизу. В конце концов, проведя весь день в седле, я могла наткнуться на гораздо более скромный приём и была бы рада даже ему. А тут — огромная кровать с балдахинами!

— Я могу идти, госпожа? — В голосе метрессы зазвучала насмешка. А вот этого я была спускать не намерена!

— Почему вы смеетесь надо мной? — спросила я с вызовом, глядя в бесцветные глаза полукровки.

— Мою глупую голову вдруг посетила занятная мысль: это ведь вы здесь чистокровная, а там, куда едете, станете такой же грязью, как и мы. А может быть, и кем похуже.

Метресса поклонилась и, не говоря больше не слова, удалилась, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна и на какой-то миг могла больше не притворяться, чтобы сохранить лицо. Прислонившись к стене, я медленно спозла вниз и, уткнувшись в колени, наконец дала волю слезам. Не было смысла сердиться на метрессу этого дома: в её словах красной нитью проходила горькая правда.

Однако долго предаваться горю я не могла, у меня отняли даже это право. Нет, фактически никто бы не осудил, если б горничная застала девушку, отправляемую к оборотням в качестве служанки или рабыни, в расстроенных чувствах. Но меня с детства учили не показывать эмоции перед прислугой. Те, в ком тела кровь иномирянков должны считать нас чуть ли не Богами и не помышлять о мятеже.

Только чистокровная раса способна удержать под контролем магию Дольнего мира. Стоит Пришлым получить к ней доступ, и они разрушат всё вокруг, оставив после себя безжизненную пустыню. Особенность нашей магии заключалась в том, что она была обоюдоострой. Применишь заклинание, и чем оно сильнее, тем больше потребуется отдать взамен. Подчас, самого дорогого. Именно поэтому, мы не смогли остановить захватчиков, как объясняли мне отец и нанятые им учителя.

Новые расы, как оборотни и огнедышащие, привлекали Пришлых на свою сторону лозунгами: мол, все мы живём здесь, и имеем равные права, а сами теснили нас, чистокровных.

— Госпожа, вам нехорошо? — услышала я мелодичный голос и очнулась от тяжких раздумий.

Надо мной склонилась девушка, молодая, щедушная и миловидная; веснушки, рассыпанные по щекам и рыжие локоны придавали ей простодушный вид. Казалось, она ни в чём не знала отказа и пила из чаши довольства всю свою пока недолгую жизнь. А ведь, наверняка, прошла через наши мистерии. И не озлобилась.

— Госпожа, ванна готова, — продолжила девчушка и смущённо потупила взор.

— Спасибо. Это то, что мне сейчас нужно, — ответила я как можно дружелюбнее и поднялась с пола. — Сколько тебе лет?

— Девятнадцать исполнилось, — тихо ответила она, не поднимая глаз и зарделась, будто сказала

что-то неприличное.

— Не бойся меня, я никого не обижу. Помоги раздеться. Как тебя зовут?

— Виклина, госпожа.

Мне стало жаль девушку, она явно смущалась, помогая мне освободиться от дорожного костюма. Я же почувствовала облегчение, избавившись от тяжести платья и полукорсета, сдавливавшего грудь.

— Дальше я могу сама.

— Что вы, госпожа, как можно?! Я сделаю вам массаж, я умею, — залепетала Виклина, её глаза вмиг наполнились слезами. Мне хотелось подойти и обнять её и, если бы я не знала, что это напугает служанку ещё больше, я бы так и поступила.

— Только не плачь, хорошо? Я не смущаю тебя?

Девушка отрицательно качнула головой и успокоилась.

— У госпожи прекрасное тело. Ваш супруг будет доволен, — сказала Виклина, раздевая меня. Я пропустила замечание мимо ушей, не желая вдаваться в подробности.

При виде ванной, наполненной горячей водой, спина заняла ещё сильнее, а кожа начала зудеть. Дома я привыкла мыться каждый день, да не в тазиках, а погрузившись по шею в отвар из верлеска — травы, растущей под ольхой с северной стороны. Она придаёт коже здоровый вид и оставляет приятный аромат.

Но сейчас верхом мечтаний была даже простая горячая вода. Стоило мне улечься, как Вика принялась легонько массировать мне плечи. Давно мне не было так хорошо и спокойно!

— Ты полукровка? — спросила я, чтобы и дальше слушать её убаюкивающий голос.

— Нет, госпожа. Я издалека.

— То есть из другого мира?

Виклина вздохнула.

— Если не хочешь, не рассказывай. Только не плачь! Я понимаю, что пройти через мистерию нелегко, — начала было я и осеклась. Откуда мне знать, каково это: девственнице-иномирянке быть отданной на забаву незнакомым мужчинам? Впрочем, возможно, всё впереди. Впору опять начать лить слёзы.

— Нет, я совсем не огорчена, госпожа. Мне здесь лучше.

Виклина как раз доливала из чана горячей воды, так что я могла видеть её лицо. Она не выглядела удрученной, хотя, видимо, пережила не мало. Поймав мой удивлённый взгляд, девушка продолжила:

— Жили мы бедно, на грани голода. Я бы и так отправилась торговать собой, чтобы прокормить мать и сестёр, и моими клиентами стали бы совсем не благородные господа. Я сама вызвалась на алтарь, чтобы волхвы взяли семью на прокорм. Готовилась к смерти, а получила вторую жизнь.

— Тебе было больно? — задала я вопрос, который вертелся на языке.

— Да, но не долго. Я и в прошлой жизни привыкла к боли, а здесь меня ждали хорошая чистая одежда и еда вдоволь. К тому же я скоро выйду замуж.

— Замуж? — Я удивилась.

Пришлых редко сватали, отдавая предпочтение полукровкам. Предназначение иномирянок было в служении господам из чистых и рождении им потомства. Некоторые чистокровные держали подобных детей при себе и потом удачно выдавали замуж или женили на таких же полукровках. В пришедших из других миров не было способности к магии, их не щадили и с ними не считались.

— Да, госпожа, — Вика снова покраснела, и чтобы это скрыть усердно занялась размешиванием воды в ванной. — Рихмер — почти чистокровный, его прабабка была, как я.

— И он сам предложил тебе брак?

— Да, госпожа. Мы полюбили друг друга, — тихо ответила Виклина и, завернув меня в огромное полотенце, помогла промакнуть волосы.

Я понимала её смущение, за расспросами о чужом невероятном счастье забывались собственные

проблемы.

Тем временем горничная натёрла меня массажным маслом и принялась расчёсывать влажные волосы. Это был поистине прекрасный вечер, о таком после дня пути я и мечтать не могла.

— У госпожи густые и блестящие локоны, словно у королевы. Супругу повезёт с вами.

Виклина, сама того не желая, вернула меня в жестокую реальность. На это раз я не смолчала:

— Ты ведь знаешь, куда я еду. Какой супруг! Нас везут не для этого, — ответила я резко и закусила губу, чтобы не расплакаться. Последние дни стоили мне расшатанных нервов.

— Простите, пожалуйста, — испуганно залепетала служанка. — Я сама не знаю, что несу. Мне кажется, что у такой как вы, всё непременно сложится хорошо.

— С чего ты взяла?

Я резко встала и поверх рубашки для сна натянула халат. Мне хотелось, чтобы горничная поскорее ушла и оставила меня наедине с печалью и бессильным гневом.

— Не сердитесь, госпожа, — присела в поклоне Виклина, показавшись мне ещё более хрупкой. Злость улетучилась, девушка совсем не виновата в плохом настроении гостьи и её несчастьях.

— Прости и ты меня. Просто всё так навалилось в одночасье.

— Мне оставить вас?

— Нет, расскажи что-нибудь ещё. И встань с колен, наконец! Вот, иди сюда, присядь рядом.

— Как можно?!

— Можно. Я почти такая же, как ты. Или скоро ей буду.

Виклина осторожно опустилась на край постели, но соблюдая приличное расстояние до меня, словно так ей было легче.

— Позвольте, я скажу?

— Конечно.

— Не перечьте мужчинам. Я понимаю, что вам это будет тяжело, да только так их больше разозлите. Ведь если захотят взять, и силой принудят, да ещё ударят после. А за согласие, глядишь, и пожалеют!

— Ты предлагаешь мне стать шлюхой и обслуживать всех, кто меня захочет?! Лучше уж сразу в петлю!

— Нет! Простите, госпожа, я волнуюсь. Найдите одного, того, кто сможет вас защищать от других и полюбите его, искренне, от всей души.

— Разве можно влюбиться по своему желанию?

Я встала и отошла к окну. За занавеской была безмятежная лунная ночь, летом они особенно прекрасны и будто созданы для ласки и страсти. Снова мне вспомнился Найтвелл.

— Можно. Найдите в нём хорошие черты и восхищайтесь ими. Вы обязательно полюбите, а уж не потерять от вас голову любому будет сложно.

В глазах девушки было такое восхищение, что я не стала ничего добавлять и растолковывать глупышке про оборотней и их нравы. Иные иллюзии слишком сладки, чтобы их разрушать.

Заснула я в эту ночь быстро и проспала без всяких сноведений. Наутро я простилась со слугами и присоединилась к спутницам и отряду, взявшемуся доставить нас до места передачи Волкодлакам.

Только теперь, сидя за завтраком вместе с остальными избранницами, я отчётливо осознала, что леди Леонтина Кайрис умерла вчера ночью. А та, что проснулась, была девушкой без фамилии, звания и без будущего. Возможно, даже без имени.

Глава 5

Так же, наверное, думали и остальные девять девушек, украдкой смахивающих набежавшие на глаза слёзы. За весь день мы не перекинулись и парой слов, потому как наша охрана пресекала праздные разговоры и торопила коней, чтобы отряд успел вовремя. Мы ехали верхом больше восьми часов, это изматывало физически. Повозки или экипажи только затруднили бы и замедлили наше движение. Таким образом, каждая была предоставлена собственным мыслям, страхам и отчаянию.

На следующую ночь мы остановились на постоялом дворе, который специально был очищен от посетителей к нашему прибытию. Леса и дороги Трионата остались позади, как и соседнего округа Дестера. Завтра мы выедем на широкий тракт, ведущий прямо в новую столицу, логово Волкодлаков.

Поужинав в общем зале жареным поросёнком и запив его красным как кровь мадриггйским вином, я хотела только одного: скорее подняться к себе и заснуть, чтобы больше ни о чём не думать хотя бы до рассвета. Но этим планам не суждено было сбыться.

Одна из девушек, с тонким, чуть заметным, шрамом на щеке, сунула мне в руку записку и подмигнула. Она была единственной из нас, кто сохраняла бодрость духа и подбадривала, как умела особо опечаленных. Мне она сразу понравилась, наверное потому, что я понимала: для того, чтобы так себя вести перед лицом страха и неизвестности нужно обладать изрядной силой духа. Шрам на щеке говорил о том, что пережить его обладательнице довелось немало.

Я умираю от желания поближе с ней познакомиться и послушать её историю, девушка была мне не знакома. Впрочем, с приходом в наш мир новых рас-завоевателей, старым пришлось затаиться и прекратить большую часть балов и увеселений, на которые раньше съезжался весь округ. Многие связи были потеряны, а знакомства прекращены. Поэтому мы общались только с соседями, изредка приезжающими с недолгими визитами.

Однако теперь, когда мы перестали быть дочерьми своих отцов, самое время эти связи восстановить.

— Леонтина, — зашептала сидящая рядом Кларисса, старшая дочь лорда Виланса, одного из тех, кто объявил мне волю Ордена в каминном зале моего бывшего дома. Она была непривлекательна и несдержанна на язык, жениха в её двадцать два года так и не сыскалось. Словом, идеальная кандидатура для “отряда десяти”, как я про себя нас называла.

— Что такое? — спросила я как можно спокойнее. Иначе потом от неё не отвяжешься. В придачу к длинному носу она обладала ещё и изрядной долей любопытства.

— Что это тебе зеленоглазая дала? Ну та, что со шрамом?

— Солонку, — отрезала я и, отвернувшись, усиленно принялась делать вид, что голодна.

— Ты дуру-то из меня не делай! Я видела, что записку!

— Тогда зачем спрашиваешь? — шикнула я на неё. — При всех читать нельзя: увидят охранники — отберут.

— Зачем им это? Их дело — доставить нас всех живыми и невредимыми к месту встречи с оборотнями, а наши страдания и переживания им до луны.

Кларисса была, как обычно, права, меня мучило любопытство: зачем девушке со шрамом понадобилось писать незнакомым? Но я не хотела читать записку в присутствии любопытной соседки.

Может, девушка со шрамом и будет связной между мной и Орденом? Но ведь сначала я должна добраться до ... как его там? Рэва Торгского.

Мне специально не показывали его портрет и не говорили, как он выглядит, чтобы эмоции при встрече были неподдельными. Я знала только, что он, по нашим меркам, не молод.

— Ну, так что там? — прервала мои мысли Кларисса.

Я развернула смятый клочок, на котором твёрдым красивым почерком было написано: “Привет! Меня зовут Феонита.” И внизу, под именем, знак в виде решётки. Так подписываются в северных землях. Значит, незнакомка была оттуда.

— Из дома фейри, что ли? — брезгливо поморщилась Виланс, она выглядела так, будто наелась кислых ягод, растущих на Заболотье. — Так ведь, эти... людovolки просили без изъяснов?

— Без наследственных болезней, если быть точными, — ответила я и улыбнулась через стол написавшей записку девушке. Кларисса потянула меня за рукав и зашептала:

— Не смотри на неё, они же завораживают так, что себя не упомнишь. Всё сделаешь, как хотят.

— Это сказки, — ответила я, как можно тише. Феонита сидела напротив и чуть правее, она сосредоточенно доедала десерт, будто не было ничего важнее, чем суфле в её тарелке. — Иначе бы мы давно победили.

Я первой поднялась со своего места и прошла к погасшему в ожидании холодных осенних вечеров камину. Он, конечно, не чета тому, что был у нас дома, но всё лучше быть здесь, в тишине, чем сидеть за общим стол в шумном зале. За мной увязалась Кларисса, чему я была даже рада, а то опять примусь печалиться и раздумывать о несправедливости. Или, что ещё хуже, окажусь во власти страха, поднимающего голову, по мере приближения к цели путешествия, как змея из высокой травы.

— Сюда идёт, — зашептала она мне, показывая взглядом на дверь.

— Ну и хорошо, надо держаться вместе.

Феонита впорхнула в каминный зал, как порыв весеннего ветра. Она была спокойной, благожелательной, и излучала сдержанное довольство собой и миром, что раздражало и одновременно вызывало лёгкую зависть.

— Добрый вечер! — сказала девушка, растягивая слова и пристально вглядываясь в нас.

— Ты плохо слышишь? — догадалась я.

— Да. Это всё из-за травмы в детстве, — ответила она, не смущаясь. Глаза у неё и впрямь были чудесные: яркие, как драгоценные камни, в обрамлении густых и чёрных ресниц. Даже шрам не портил её красоты.

— А как же целители? — встряла любопытная Кларисса. — Они на что?

— Я должна была умереть, как и мама. Они принесли много жертв, чтобы отобрать меня у Хель. Богиня смерти уже расправила надо мной чёрные крылья.

— Меня зовут Леонтина, — сказала я, чтобы переменить тему. — А это Кларисса. Фамилии, я думаю, уже не имеют значения.

— Верно, — улыбаясь, ответила девушка.

— Зачем ты написала записку? — Кларисса была похожа на охотничью собаку, которая не собиралась упускать загнанную дичь.

— Ты была не просто подавлена, как прочие, а в ужасе, — ответила Феофана, смотря мне прямо в глаза. — Я умею читать эмоции. Особенно сильные.

Кларисса попятилась и спряталась за меня на всякий случай.

— А ты разве не боишься? Ведь никто не знает, что нас там ждёт. Обрато никто не вернулся и писем не писал.

— Я не верю, что нам хотят зла. Попросили девственниц, относительно здоровых, не склонных к обморокам и истерикам. И притом обязательно из чистокровных. Вряд ли нас ждёт смерть...

— Ты полагаешь, мы едем в качестве невест?

— Почему бы и нет? — пожала плечами Феофана.

— А что, очень может быть, — вышла вперёд Кларисса, услышав о возможности брака. Она даже перестала сторониться северянку из дома фейри, и я понимала её и где-то даже поддерживала. Дома давно перестали надеяться на то, что найдётся чистокровный, желающий взять замуж некрасивую девушку не первой свежести. Она, наверное, уже и сама перестала ждать, а тут замаячила надежда, зазвучал призывный манок.

— Потому что у них есть свои женщины, — разбила я их брачные планы и мечты о красивой свадьбе. — И те вряд ли хотят сидеть с нами за одним столом. И уж, конечно, не признают, как равных.

В этот момент мне вспомнилось лицо распорядительницы дома, под крышей которого я провела прошлую ночь. Она была права: мы для людоволков — недорасы, побеждённые, слабые. Грязь. А как

поступают с женщинами поверженных известно каждому.

— Кто из нас троих прав, покажет время. Уже завтра к обеду мы будем в Вервике, — сказала я, и мои спутницы замолчали, словно поминая недавно почивших. Говорить больше никому не хотелось.

Новая столица встретила нас серой строгостью домов и хмурой опрятностью заполненных прохожими улиц. Ещё у городских домов мы спешили и расселись по приготовленным к нашему приезду трёхместным самодвижущимся экипажам. Они были под стать городу: крепкие, невзрачные и закрытые от любопытных глаз.

Дорогой мои спутницы: Феонита и даже быстроглазая Кларисса молчали, подавленные высокими стенами, окружающими город. Я смотрела в окно, пытаюсь составить независимое от сплетен и предрассудков впечатление.

Людоволки напоминали бы обычных граждан моего округа, если б их не выдавали глаза, на дне которых то и дело вспыхивал жёлтый огонь. Раса оборотней отличалась стройными и сильными телами, роста они были среднего или чуть выше, лица с выступающими скулами казались высеченными из камня. Одеты они оказались тоже не в шкуры животных, как утверждала молва, а вполне себе цивилизованно. Ну, почти: брюки и рубашки были свободного кроя, от рыжих и серо-чёрных цветов рябило в глазах.

Я представляла себе мужчин с длинными волосами, на деле же оказалось, что они стриглись коротко. У многих виски были высвечены сединой, хотя на вид оборотням нельзя было дать больше сорока зим. Старых или больных я не заметила вовсе.

Женщины носили длинные простые платья спокойных цветов, украшенные лишь блестящими чёрными поясами, плечо каждой было заковано в браслет, в котором сверкали жёлтыми и зелёными глазами большие и малые камни.

— А волосы у их женщин жидкие, — со злорадством заметила Кларисса, словно озвучивая мои мысли.

— Они очень грациозны, — вставила Феонита, её музыкальный голос хотелось слушать ещё и ещё и неважно, что она говорила. — Смотрите, какие плавные движения! И это при такой толпе!

Улицы становились уже, грязнее, народ на них малочисленнее. Я догадалась, что мы оказались на окраине города и, значит, почти доехали до цели.

Экипаж, и без того тащившийся неспешно, вовсе остановился. Кучера у нас не было, карета, как заведённая карусель, двигалась по заданному пути. Двери распахнулись, мы восприняли это, как приглашение выйти, и впервые ступили на мостовую Вервика.

Больше нас ничто не связывало со знакомым миром, оставшимся далеко позади: на пыльных дорогах, в дубовых рощах и в мирных особняках, где мы провели большую часть жизни в окружении таких же безмятежных соседей и гостей. Стоило экипажам въехать в столицу, охрана незаметно покинула нас.

Мы застыли в опустевшем крошечном переулке перед высоким домом со шпилем, устремлённым в хмурое, затянутое облаками небо. Ставни первого этажа были наглухо закрытыми, несмотря на приближающийся полдень. Дом производил впечатление застёгнутого на все пуговицы господина, не вмешивающегося в чужие дела и не позволяющего никому лезть в его собственные.

Наконец, двери дома отворились, и из него вышла худощавая и высокая женщина средних лет, в чёрном платье до колен. Тоже застёгнутом и строгом, как и сам дом.

— Так, ваш багаж приехал раньше хозяек. Мы привыкли к дисциплине. Заходите и видите себя тихо! — голосом командира сказала она и, встряхнув копной каштановых волос, указала в сторону двери. На её запястье чернела неразборчивая надпись, обвивающая, подобно браслету.

Переглянувшись, мы поспешили подчиниться и оказались в длинном коридоре. Пахло травами и прелой листвой. Свет масляных ламп, развешанных по стенам не оставлял теням ни шанса. Мебели почти не было, не считая высокого комода. Ручки, открывающие ящики, выглядели как круглые выпученные глаза чудовища, привыкшего питаться молодыми девицами, переступившими порог.

— Проходите в первую комнату направо, — проговорила женщина-оборотень. В её присутствии я робела и желала только одного: быстрее избавиться от чересчур внимательного взгляда, которым она окидывала каждую из нас. Я хотела скорее узнать, зачем нас сюда привезли. Любая правда лучше смутных подозрений.

В комнате пахло сильнее. Ароматическая лампа на длинном столе, какие ставят в кабинетах состоятельные лорды, горела зелёным огоньком и почти не дымила.

— Встаньте в шеренгу, я вас поближе рассмотрю! Перед диваном, там свет будет падать как надо.

Мы снова подчинились, и женщина, которая так и не представилась, начала медленно ходить, заложив руки за спину, придирчиво осматривая каждую из нас и что-то бормоча себе под нос на неизвестном наречии.

Чем ближе она подходила ко мне, тем больше я чувствовала удушающий аромат яблок и прелой листвы. Как назло, напротив меня она задержалась чуть дольше, чем у остальных. Я не смела поднять глаз и была рада, когда довольно хмыкнув, женщина двинулась дальше.

Закончив осмотр, она, наконец, перешла к объяснениям:

— Я рада, что все здоровы и благополучно добрались. Выша выносливость ещё не раз пригодится. И нам, и вам самим. Итак, от своих тряпок избавьтесь, они больше не пригодятся. Сегодняшнюю ночь проведёте в двух комнатах, там и найдёте своё новое одеяние. Сами разделитесь на две равные группы. Первая задача — убрать комнаты. Тряпки и швабры получите у экономки Виры, она главная над вами. Если пожалуется на кого — накажу, вам лучше не знать, как. И забудьте о своём высоком положении дома, пока что вы стоите на низшей ступени в нашей иерархии.

— Зачем мы здесь? — спросила стоящая рядом Феонита. Я была готова провалиться сквозь землю от нахлынувшего страха. Сейчас эта дама-оборотень подойдёт ближе и снова начнёт на меня смотреть так, будто я окорок в мясной лавке! Но та не сдвинулась с места и осталась на пороге, скрестив руки на груди.

— Большинство будут выбраны в дома одиноких мужчин в качестве прислуги. В основном, как экономки и распорядительницы. И разумеется, если ваш хозяин того пожелает, будете делить с ним ложе. наших женщин осталось немного, и редко кто из них может родить. Некоторым, наиболее достойным, повезёт пройти через Обряд плодородия и в случае удачных родов, это поднимет вас на несколько ступеней в нашей иерархии. Вы будете свободными, как мы, рождённые вервольфами. Больше вопросов не задавайте. Марш наверх! Вас уже ждут. Завтра пройдёте проверку чистоты крови и отбор.

Значит, уже завтра. Времени у меня оставалось немного, сегодня ночью требовалось собрать бересклей, я видела его неподалёку. Но как незаметно уйти и не заблудиться на незнакомых улицах? А если меня остановят и спросят, кто я и почему ушла? А ещё надо приготовить отвар, который сделает меня привлекательной в глазах этого Рэва Торгского. Но для этого понадобятся его волосы. Где же я их достану, если даже не знаю, где он живёт и как выглядит?!

Эти и другие вопросы крутились в голове, пока мы поднимались наверх, переодевались в безликие платья, чуть прикрывающие колени и обувались в мягкие тапочки из кожи, только с закрытой пяткой. Волосы пришлось на волчий манер завязывать в хвост и прятать под косынку. Я с тоской окинула взглядом любимые и красивые платья, которые больше не надену.

Потом нам раздали тряпки, метлы и швабры, и началась наша первая работа. Шла она так себе, под присмотром и окриками Виры, полноватой полукровки в третьем поколении. Она с нескрываемым злорадством наблюдала за нами, раздавала советы и замечания. Почему-то особенно она невзлюбила меня.

Постоянно награждая меня окриками и выговорами за нерадивость и нерасторопность, она в конце концов вырвала метлу у меня из рук и принялась показывать, как надо убираться и одновременно не поднимать облако пыли вокруг себя. Я молча кивнула, занятая своими мыслями. Выметать начисто я и не собиралась, мне предстояли более важные задачи.

— Что ты застыла? Давай, снова покажу, — проворчала она и, взявшись за метлу, произнесла так, чтобы слышно было только мне: — До рассвета ещё далеко, Леотина. Впереди много тёмных ночей.

Я чуть было не выронила щётку из рук и механически ответила на пароль:

— Будем надеяться, что им всё же наступит конец.

Вира кивнула и громко сказала:

— Да отойди ты в сторону, мы сейчас все будем в пыли! И не думай, что сможешь отлынивать: я буду стоять рядом! Давай, пошла!

Надзирательница так сильно толкнула меня в спину, что я чуть не упала на грязный пол. Поймав сочувствующие взгляды девушек, я приняла обиженный вид и встала подальше, куда и велели.

Большое трёхстворчатое окно у дальней стены, куда отошли мы с Вирой, было распахнуто настежь, и я наконец могла вдохнуть свежий воздух полной грудью. После пыли и затхлости комнат, в которых нам предстояло сегодня ночевать, он показался мне чуть ли не сродни лесному или

сельскому.

— Смотри, показываю ещё раз! — полукровка снова выхватила у меня метлу и быстро сунула в руку мешочек. — Там волосы и ногти того, кого нужно. Это, мне сказали, точно понадобится. Котёл в кухне, ночью проведу. Что ещё?

— Травы бересклей и стелицу.

Она еле заметно кивнула и прибавила громко:

— Ну вот, другое дело! А то метёт так, будто назло! Иди к остальным! Живо! Всем работать! Нам ещё стёкла мыть!

Теперь, когда я обрела добровольного помощника, предстоящая задача вовсе не казалась такой уж невыполнимой. Всё должно получиться. Теперь меня волновало только одно: как бы заочно перестать испытывать страх и отвращение перед тем, кого я должна соблазнить.

Глава 6

В моём воображении Рэв Торгский был высоким и сильным, с отталкивающим выражением лица. Зверем: жестоким и равнодушным. Да, война давно закончилась, и интересующий меня мужчина занимался политикой, но от этого слаще не становилось.

Уже к полуночи, когда дом и его обитатели спали, я под бдительной охраной Виры приготовила зелье. Маленький ковш с мутно-белым содержимым дымился и дурно пах, но я была уверена, что рецепт верен. Когда волнуясь, то могу допустить ошибку в составлении отвара, а в эту ночь я слишком устала и была ошарашена последними событиями. Признаться, в глубине души была бы только рада вообще не прибегать к зелью. Отвар не только внушит оборотню симпатию ко мне, как к женщине, но и во мне возбудит желание нравиться ему. А вот этого я как раз и не хотела.

Ещё не хватало, чтобы мне были приятны его липкие взгляды! Я отдамся ему и буду делить с ним ложе сколько потребуется, но он не получит ни капли моего сочувствия или желания. А потом придёт и время мести!

Утром я встала с головной болью. То ли это было побочное действие выпитого отвара, то ли я просто устала, переволновалась и не выспалась, но чувствовала себя отвратительно. Кровать была жёсткой и узкой, одежда такой грубой, что царапала кожу. Настроение скверное, даже притворяться не осталось сил.

Четверть часа нас везли в самоходных закрытых экипажах по улицам и площадям на окраинах города. Дорога петляла, и от нечего делать я смотрела в окно и пыталась запомнить путь, каким мы ехали, однако быстро запуталась в одинаковых домах и бесчисленных поворотах. Небо хмурилось, по земле стелился туман.

Я была благодарна Клариссе за её молчание, она казалась притихшей, ехала с опущенными плечами, уставившись невидящим взглядом перед собой. Феонита пыталась бодриться и делать вид, что всё не так плохо. Время от времени она начинала разговор, но мы его не поддерживали, и девушка быстро замолкала.

Экипажи остановились у двухэтажного здания с побеленными стенами и множеством окон. Нас встретила та же женщина, что и вчера, и сделала рукой знак следовать за ней.

— Надеюсь, вида крови никто не боится? — бросила она на ходу и иронично улыбнулась.

Первый этаж с его белыми стенами и полупустыми коридорами, лоящими наши гулкие шаги, напоминал лазарет. Иногда нам навстречу попадались оборотни, куда-то спешащие с дымящимися отварами или чёрной грязью в небольших ковшах. Все они были одеты в тёмно-зелёные костюмы, напоминающие мужские пижамы.

— Не сторонитесь их, это наши лазари. Сейчас вы пожертвуете им по несколько капель крови, и мы быстро распределим вас по домам, — она вынула круглые карманные часы и добавила: — У меня сегодня ещё много дел этажом выше.

Безликая комната стала тем местом, где длинной тонкой иглой у нас сцедили кровь на стеклянные кругляшки. Я еле заметно вздрогнула, когда острый конец впился в кожу плеча, чем вызвала кривую ухмылку лазаря — молодой девушки с золотистыми глазами, похожими на кусочки янтаря. Я помню, как отец возил нас погостить к Северному морю, и как я собирала эти камушки, хранящие внутри себя солнце.

Кругляшки с дрожащими на их поверхности алыми каплями унесли в соседнюю комнату, куда скрылась и наша провожатая. Мы остались абсолютно одни, словно оборотни потеряли к нам интерес. Тоскливо потянулись минуты.

— Что такое обряд Плодородия? — спросила девушка с тёмными кудрями и веснушками. — Я так поняла, каждая из нас обязана родить им....

— Посмотрим, — хмуро откликнулась другая, с молочно-белой, почти прозрачной кожей. — Всё равно обратно пути отрезаны.

В этот момент вернулась наша наставница, имени которой мы до сих пор не знали, она не сочла нужным представиться, видимо, полагая, что скоро навсегда с нами распрощается.

— Всё хорошо, лазари подтвердили отсутствие в ваших жилах примеси крови Пришлых. Теперь, можно заняться отбором.

— А как он будет проходить? — спросила Кларисса. Мы обступили наставницу и с замиранием сердца ждали ответа.

— Для начала вас разберут по домам те, кому приглянётеся. Пока будете только распорядительницами. Через пять дней, когда лазари определят троих наиболее подходящих для обряда Плодородия, эти девушки отправятся сюда: их будут готовить к церемонии. В первую ночь полной луны каждую из них по очереди оплодотворят трое мужчин. Родившую здорового ребёнка ждёт достойная награда.

Я была потрясена и обескуражена. Сходные чувства, судя по лицам, обуревали и стоящих рядом девушек. Мало того, что этих “счастливиц” ждёт самая настоящая мистерия, так они ещё и понесут неизвестно от кого! Что может быть хуже, чем когда твоего ребёнка не признает его отец?! Только самой не знать, от кого зачала!

— А остальные? — слышался робкий голос сзади.

— Остальные будут обслуживать своего хозяина. Если, конечно, он того пожелает.

Теперь моя цель приобрела несколько личный характер: я должна была любой ценой избежать участи “избранной”. Не только ради страны, но и ради самой себя!

— Рэв, расслабься, мы не в Совете! — проговорил Храмер, с улыбкой развалившись в соседнем кресле. — Смотри какие! Это только первая тройка.

Рэв посмотрел сквозь стекло на девушек, которые накануне прибыли из своей глухомани в качестве дани. Если бы не чёртовы правила, то ноги бы его здесь не было! Но Совет чётко дал понять, в чём долг каждого гражданина, а тем более, одного из лидеров клана, перед своей стаей: оставить здоровое, сильное потомство и главное — успеть воспитать его.

Он уже устал твердить всем, что у них с Асейей обязательно будут дети: Луна меняла лики, а его волчица не могла зачать. Как не смогли понести от него и другие, ещё до встречи с нынешней спутницей.

Рэв никому в этом не признавался, но давно смирился с тем, что бесплоден. Волк не боялся потерять Асейю, она в любом случае осталась бы, он был в этом уверен, но открыто признать, что ты обильно цветущее дерево, которое не принесёт ни единого плода, стало бы ущемлением его гордости.

— Смотри, вон та, рыжая, с конопушками? Не? — Храмер продолжал подначивать его. Будучи лучшим другом, с которым они плечом к плечу прошли недавнюю войну, видели победу и делили её плоды, Храмер позволял себе такой насмешливый тон, который Рэв никогда бы не стерпел бы от прочих. — Мы заслужили их! Так бери и пользуйся!

— У меня есть Асейя, — проговорил Рэв вполголоса, оглядываясь на тех, кто сидел поодаль. Волкам первой волны, к которым принадлежали и они с Храмером, позволялось выбрать себе девушек первыми. Всего-то и надо, что подойти к прозрачному стеклу и нажать на рычаг с номером девушки, тем самым утверждая свои права на неё.

Рэв, не раздумывая, отрицательно покачал головой. Первая тройка девиц его не впечатлила. Он вообще сомневался, что способен пожелать какую-нибудь из десяти.

— Так никто у тебя волчицу не отнимает. Закон не запрещает иметь местных девок, если всё будет по обоюдному согласию.

— А ты не забыл, друг, что пока их и трахнуть нельзя? До выборов трёх девушек для обряда, — рассмеялся Рэв, проводя рукой по коротко стриженным волосам. — А вдруг та, которую я захочу, как раз и попадёт в их число?

— Есть лазейка, в прямом смысле, — и понизив голос, собеседник продолжил: — Ты слышал о мистериях местных?

Рэв кивнул. Ему рассказывали об этих оргиях без смысла и цели, и о кровожадных богах этого края. Слава Фенриру, они все повержены: и древние расы, и их идолы!

— Так вот, — ухмыльнулся друг, когда Рэв движением руки отказался и от второй тройки девушек, — местные шлюхи, называющие себя чистокровными, позволяют женихам себя трахать до свадьбы. Но не обычным путём. Ну, ты понял!

— Что за мерзость?!

— Вот и я о том же! У них там разработано не хуже обычного отверстия. Так что бери любую, ставь на четвереньки и пользуй хоть до рассвета. Они даже постанывать будут от удовольствия.

— А ты не сочиняешь?

— Клянусь Луной, нет! Смотри, вышли последние! Определяйся, я выберу сразу после тебя.

Рэв вздохнул и подошёл ближе к стеклу. В пустой светлой комнате стояли четыре девушки, каждая из них была по-своему привлекательна: тёмные густые волосы, красивые глаза... И всё-таки, местные красавицы вызвали отвращение. Каждая из них была неравноценной заменой павшим товарищам по стае.

Прожив семьдесят четыре года, он ещё успел захватить конец войны, помнил тех, кто не вернулся с полей сражений, оставшись там с перебитым хребтом. И даже если милостивый Бог-волк Фенрир соизволит подарить ему положенные вервольфам сто пятьдесят лет жизни, он всё равно не забудет зверств местных рас, их проклятых алтарей, на которых живьем сжигали его сограждан!

— Выбрал? — нетерпеливо спросил подошедший Храмер. — Мы все ждём!

Мужчина оглянулся на двух сидевших поодаль, как и полагалось по иерархии, Волкодлаков. Их глаза горели жёлтым огнём, выдавая нетерпение. Что ж, хватит размышлять о прошлом и заставлять товарищей ждать!

Рэв ещё раз окинул взглядом девушек. Взгляд зацепился за ту, что стояла слева, поодаль от остальных. Черноволосая — единственная, кто завязала хвост на волчий манер, а не распустила локоны, желая обольстить их необычной для вервольфов густотой. Пожалуй, чуть полновата. Его Асейя худоцава и поджара, как и полагается настоящей волчице!

Оборотень мельком посмотрел на остальных и вновь вернулся к черноволосой. Она явно не желала здесь быть! Тогда зачем приехала?

Мужчина медленно прошёлся вдоль стекла, чтобы стать напротив девушки с хвостом. На её лице мелькнул страх и тут же пропал, плечи расправились, взгляд стал дерзким. Она показалась Рэву интересной, загадочной, в ней чувствовалась внутренняя борьба.

Впрочем, что ему за дело до чужих метаний? Рука потянулась к рычагу номер три, мужчина уже хотел выбрать зеленоглазую девицу с покорным взглядом. В его доме достаточно свободных полукровок, всё это проверенные люди, прекрасно ладящие между собой и выполняющие работу незаметно для взгляда хозяина. Конфликты ему не нужны, он слишком устал от строптивцев. Да и любовница из волков стоит десятерых таких “недотрог”!

И всё же он снова взглянул на стоящую с краю девушку. Стекло не давало учуять запах, но ему вдруг стало её жалко. Молодая, конечно, глупая, попади такая хоть даже к Храмеру — сломает, не думая. Ладно, значит, так тому и быть. Рэв нажал на рычаг номер четыре.

— Поздравляю, дружище! — похлопал его по плечу друг. — Смотри, какая грудь! Загляденье! Но больно нервная, мне по душе та — зеленоглазая! И шрам её не портит.

— Только помни об обряде Плодородия! Нужно дождаться выбора троих, а уж потом...

— Да знаю, знаю. Ты сам помни, о чём я тебе говорил. Не упускай шанса! И Асейе своей смотри не проболтайся. Знаю я твою маниакальную честность! Женщинам не всё надо говорить, для их же блага! Удачи, брат!

— И тебе!

Рэв поднял руку в знак прощания и вышел, не дожидаясь своего приобретения. Ясмина будет готовить девушек около часа, а ему ещё надо успеть в Совет. Пусть девица ждёт его дома, а лучше вообще не показывается на глаза. Рэв волчьим нюхом чуял, что она нарушит его устоявшуюся жизнь, принесёт в идеальные порядок и расписание хаос.

Мужчина поёжился как от холодного ветра и пешком направился в центр. Надо бы остыть и выкинуть девчонку из головы, забыть о её существовании. В конце концов, через пять дней её, может, заберут на подготовку к обряду. Породистая, сильная, видно, что волевая — такая родит годного волка, а обряд придаст ей выносливости.

В душе защемило тоской. Так всегда бывало, когда он понимал, что радости отцовства ему не видать. Надо бы позвать вечером Асейю, он давно её не видел, любовница умела его смешить и радовать, как никто иной.

Мужчина усмехнулся и зашагал быстрее, обгоняя кланяющихся прохожих и выкинув обеих женщин из головы.

Глава 7

“Как избежать обряда Плодородия?” — всё время прокручивалось в моей голове, пока я стояла в белой комнате напротив широкого зеркала. Мы не видели тех, кто нас выбирает, а значит, всё было зря: приезд сюда, зелье, жертвы — нынешние и будущие.

Я чувствовала себя жуком-белокрыльником. Мы с сёстрами в детстве часто забавлялись, ловя заметных среди травы крупных насекомых и несмотря на их жалкие попытки сбежать, прикалывали острой иглой к доске неповоротливые тела. Жук трепыхался, распускал молочного цвета крылья, отчаянно боролся с пронзившей его сталью, не понимая, что всё кончено.

Раздался скрежет, и к моим ногам из норки-отверстия в боковой стене по еле заметной траншее в полу подкатился блестящий шарик размером с куриное яйцо. Я вздохнула: наставница хорошо объяснила, как будет проходить отбор. Это значило только одно: я, бывшая леди из дома саламандр, обрела хозяина. Слово вещь или Пришлая из человеческого рода, не владеющая магией и не имеющая никаких прав.

Я подняла круглый металлический предмет, он был ещё тёплым. Вслед за этим осталось безучастно наблюдать, как подобные шарики подкатились и к остальным трём девушкам. Мы обменялись секундными взглядами с Феонитой, она ободряюще улыбнулась одними губами, зелёные глаза смотрели с лёгкой грустью.

Началась наша новая жизнь. Я надеялась, что отвар сработал, а если нет, то у меня будет ещё пять дней на то, чтобы попытаться перейти к другому Хозяину. Я не представляла, как справлюсь и не хотела сейчас об этом думать. Главное, пять дней я в неприкосновенности.

Нас отвели в соседнюю комнату без окон, с затхлым запахом пыли, ряды низких лавок и невзрачные шкафы вдоль стен — вот и всё её скудное убранство. Вдесятером мы переоделись в чистые платья — близнецы тех, что были на нас до этого, только пахнущие лавандой и мятой. Мокасины, как называли кожаные закрытые тапочки, казались очень удобны по сравнению с моими туфлями со шнуровкой и застёжками. Новые платья тоже были мягкими и приятными на ощупь.

Очень смущала длина одежды — по колено. Первое время я стеснялась, подобные фасоны позволительны только в детстве, когда они лишь подчёркивают невинность ребёнка, ещё не вступившего в пору взросления. Красивых поясов нам не досталось, как и браслетов с горящими, словно глаза хищников во тьме, камнями, вероятно, они были привилегией женщин-оборотней. Тем не менее, даже леди из чистого дома не отказалась бы примерить такую красоту.

Я думала о чём угодно, только бы не возвращаться мыслями к отбору и его возможным последствиям. Феонита и Клариссия, с которыми мы сдружились за последние дни, тоже были молчаливы и сосредоточены. В комнате стояли духота и тишина, мы старались переодеться молча и неспешно, словно могли задержать время.

— Сейчас вас развезут по новым домам. Служите исправно, не перечьте хозяину и не дерзите! — попрощалась с нами наставница у порога храма для обрядов. Мне показалось, она прятала мудрую и понимающую улыбку, будто могла разглядеть в нашем будущем что-то хорошее. Возможно, мне просто хотелось в это верить.

Хорошего расставания с девушками, толком, и не получилось. Я всё прокручивала в голове, чтобы сказать пусть не утешительного, но ободряющего, да так и не нашла слов. Слишком мало было известно о той жизни, какую нам предстоит вести, о её радостях и проблемах. Даже о том, встретимся ли мы с девушками вновь.

Меня высадили первой. Кларисса взмахнула рукой, Феонита кивнула и спокойно улыбнулась, на смущённые взгляды остальных я ответила лёгким наклоном головы и, не оглядываясь, шагнула на мостовую, заполненную прохожими.

Меня уже ждали. Женщина маленького роста, худая, как птичка после зимовья, почти девочка, поприветствовала меня и взяла из рук нехитрую поклажу, в которой было сменное бельё, ночная рубашка и принадлежности для мытья. Это всё, что разрешили взять из прошлой жизни.

— Здравствуй! — сказала я, но девчушка лишь покачала головой и прикрыла свободной рукой рот. В молчании мы поднялись на крыльцо небольшого дома с серыми стенами, над входной дверью вместо таблички с именем была прикреплена небольшая овальная пластина, хорошо натёртая и блестящая. На ней крупными незнакомыми мне знаками было выгравированы символы, разделённые на две части.

— Приехали, госпожа! — услышала я низкий женский голос прежде, чем столкнулась нос к носу с его обладательницей: высокорослой и молодой женщиной, не старше тридцати пяти. Её большие руки были крепкими, кожа на них грубой и шершавой, она схватила меня чуть ли не в объятия и

развернула к свету масляных ламп, делавших широкую прихожую светлой и уютной. В расцветке мебели, аккуратно расставленных на комоды необходимых мелочах и даже в тонком аромате лаванды, витавшем в воздухе, чувствовалась заботливая женская рука.

Я вздохнула свободнее и расслабилась: значит, мой хозяин не одинок и не нуждается в женском внимании.

— Да вы красавица! — тем временем сказала приветствующая меня женщина. — Проходите! Я введу в вас в курс дела. Меня зовут Боана Видлен, мы с мужем здесь как бы за главных, пока хозяина нет дома. Да не стойте там! А за вещи не беспокойтесь, Иветта отнесёт наверх, в вашу комнату. Девушка она расторопная и послушная, даже хорошо, что немая: меньше болтает, больше работает.

Боана увлекла меня в прохладную гостиную и, не дав вымолвить ни слова, усадила на диван.

— Хозяин пока не возвращался, — добавила она многозначительно и выразительно посмотрела на меня. Я обрадовалась предоставленной мне передышке перед встречей с оборотнем, но виду не подала. Мне очень хотелось знать, как его зовут, однако спрашивать в лоб не стала, пусть думают, что я всё и так знаю.

— Можете называть меня просто по имени, — продолжила Боана, присаживаясь напротив в кресло с высокой спинкой. — Вы же теперь наша распорядительница. Сейчас мой супруг освободится и тоже подойдёт познакомиться. Если у вас будут какие-то просьбы или замечания прислуге, передавайте их через нас.

Пока она тараторила, я краем глаза изучала обстановку гостиной. Мебель, даже картина над камином, изображавшая ручей в лесной чаще, были подобраны с большим изяществом.

— А это всё мы с мужем выбирали. Вкусы волков нам известны, — продолжила Боана, заметив-таки мой интерес. — Вера Асейя одобрила, а хозяин очень дорожит её мнением.

— Кто это? — решила я спросить. В конце концов, нужно потихоньку начинать ориентироваться в иерархии оборотней.

— Это подруга нашего хозяина, — подмигнула мне Боана, теребя белый передник. — Вера, значит, оборотень. Чистокровная, то бишь. Ну, как вы, только здесь.

— А вы кто?

— Ой, говорите мне “ты”. Я полукровка во втором поколении. Моя бабка была Пришлой, — искренне улыбнувшись, всплеснула руками женщина. Мне стало чуть теплее от такого приёма. — Вы озябли? Хозяева не любят жары, поэтому дома всегда прохладно. Я сейчас на вас плед наброшу.

И игнорируя мои попытки протестовать, она в два счёта куда-то сбегала и вернулась с плюшевым пледом, в который и закутала меня, как ребёнка после купания. Боана мне сразу понравилась, внутренним чутьём, которому привыкла доверять, я определила в ней человека незлобного и заботливого. Двигалась и говорила она так быстро, что я едва успевала за ней, но в её руках всё спорилось и получалось, словно само собой. Я почувствовала себя неумехой.

— Можно спросить? — решила я на разговор, когда молчаливая и хмурая служанка в светлом платье, похожем на моё, подала на подносе горячий чай. Боана знаком отпустила её и сама принялась ухаживать за мной.

— Конечно, госпожа. Нам с Томасом вы можете доверять. Я понимаю, что вы расстроены и боитесь. Только мы здесь уже лет десять в слугах, платят исправно, никто не обижает. Да и кому обижать-то? Хозяин занимает высокий пост в Совете Стаи, да и на тренировках пропадает, его и дома не бывает сутками. А вера Асейя последнее время приходит всё реже.

Боана оглянулась по сторонам и добавила:

— Впрочем, это не наши дела. Спрашивайте, не стесняйтесь. Здесь ничего такого нет.

— Как его зовут? — задала я главный для меня вопрос и с замиранием сердца приготовилась услышать ответ. Сейчас я узнаю: сработал ли отвар. Или...

— Вам не сказали? — улыбнулась Боана, сверкнув рядами белоснежных зубов, достойных самой знатной леди в бывшей столице. — Так вот, знайте: вам повезло. Хозяин очень добрый, хотя сразу и не подумаешь. Рэв Торгский его зовут, слышали небось?

“Рэв Торгский”, — повторяла я про себя, как заклинание, когда добралась до своей новой комнаты. И чем больше я это делала, тем сильнее ненавидела обладателя имени. Он представлялся мне

уродливым и жестоким лицемерным мерзавцем, способным на любую низость. Например, воспользоваться девушкой в стеснённых обстоятельствах.

Оборотень не постеснялся участвовать в выборах чистокровных, словно они иномирянки, принесённые в жертву родными. Я опешила, насколько поразительно было наше сходство с Пришлыми! Верно говорят, Боги отказались от наших. Настала пора новых рас. Таких, как эти оборотни: они теперь хозяева жизни, их Боги могущественнее. Правда всегда на стороне сильного.

И от осознания этого я ненавидела хозяина ещё сильнее! В моём воображении он был монстром, и именно с с этим существом мне и предстояло сегодня увидеться. До ужина оставалось два часа, а я уже жалела, что вынуждена бездельничать. Боана с Томасом милостиво настояли на отдыхе и взяли на себя обязанности метрессы.

Хозяин должен был явиться до ужина и, переодевшись, подождать свою даму. Боана уверила, что он захочет меня видеть и советовала выпасться и прийти в чувство, чтобы с одной стороны не робеть, а с другой — показать себя с лучшей стороны. Что это значило, она так и не сказала.

Оставшееся время я провела сидя на табурете за столом и смотря в небольшое зеркало. Не для того, чтобы убедиться в собственной привлекательности, в данную минуту мне было совершенно всё равно, посчитает ли меня чужой мужчина достойной его постели. Я хотела удостовериться, что в моих глазах нет отвращения, прежде всего к себе, за ту роль, которую я буду вынуждена играть.

Часы в холле пробили шесть раз.

— Госпожа Леонтина, — через некоторое время послышался за дверью голос Боаны. — Хозяин просит вас спуститься в кабинет.

Я, словно бесчувственная кукла, встала и вышла в коридор.

— Да вы совсем не отдохали, — растерянно проговорила бывшая распорядительница. — Хорошо хоть не плакали. Хозяин не любит слабости.

Я промолчала, в душе послав оборотня туда, откуда он явился в нашу страну.

— Куда идти?

— Я вас отведу, — вздохнула Боана, бросив на меня украдкой обеспокоенный взгляд.

Мы спустились по боковой лестнице и оказались в коридоре, ведущем в дальнее крыло дома, которое было не видно с улицы. Толстый ковёр под ногами смягчал звуки шагов, и казалось, что биение моего сердца слышно каждому на расстоянии метра.

— Вон та дверь, — показала рукой Боана и понизила голос до шёпота. — Постучитесь и как дождётесь ответа, входите. Только голову опустите и не поднимайте глаза на хозяина, пока он вам не позволит. Да смотрите, без позволения не присаживайтесь. Ну, помощи вам Луна!

Я кивнула и безучастно посмотрела вслед удаляющейся распорядительнице.

Мне хотелось скорее покончить с этой противной формальностью, поэтому, не колеблясь ни секунды, я постучала в указанную дверь.

— Войдите! — тут же откликнулся мужской голос, заставив меня вздрогнуть. Столько в нём было суровости, что вся решимость, накопленная мной за недолгое время пребывания в этом доме, миг покинула меня.

Но стоять и робеть за дверью было бы глупо и странно.

Я повернула ручку и вошла в просторную светлую комнату, одну из стен которой занимал книжный шкаф, заполненный толстыми фолиантами и тонкими брошюрами.

Воздух был напоён вечерней прохладой, сочившейся из приоткрытой створки окна. Мне стало зябко. Даже не поднимая глаз, я почувствовала на себе колючий холодный взгляд.

Так и подмывало поднять голову и посмотреть на стоящего у окна, пригвоздить к месту ледяной волной презрения. А потом высказать всё, что я думаю об их ежегодной жатве. Как можно с чистой кровью, напитанной древней магией этой земли, обращаться, как с не имеющей особой ценности?!

— Как тебя зовут? — сказал он наконец. Резкий тон его голоса меня коробил, я снова ощутила себя белокрыльником, пригвождённым к доске. Я больше не могла играть роль безропотной сиротки.

— Леонтина, — ответила я спокойным тоном, подняв голову и решившись наконец посмотреть на того, кто должен был стать моим первым мужчиной.

Вопреки ожиданию, он не был безобразен, скорее напротив, от этого мужчины веяло силой, как физической, так и той, которая заставляет трепетать от страха вызвать неодобрение. Я оробела и растерялась, снова опустив глаза, но тут же списала всё на действие отвара.

— Когда ты отвечаешь на мои вопросы, надо добавлять “хозяин”. В ближайшие пять дней ты находишься у меня в качестве распорядительницы. Это очень ответственная должность, я привык, чтобы дом содержался в порядке. Меня всегда должны ждать ужин и свежая постель. Тебе понятно? Отвечай!

Мужчина говорил спокойно, и всё же в его тоне, чуть хриплым голосе чувствовалась угроза. У меня подкашивались ноги, к горлу подкатывал противный ком.

— Моё имя тебе, полагаю, уже известно, — оборотень сел за стол, но тело было напряжено, как перед прыжком. Мне сейчас бы пригодилась помощь Феониты, считающей чужие эмоции!

Стало страшно до тошноты, хотя, казалось бы, с чего вдруг? Мне открыто не угрожали и тем не менее, взгляд у оборотня был тяжёлым, пригвождающим к месту. Рассмотреть его мне так и не удалось, взглянуть в глаза я не смела. У меня создавалось впечатление, что я нахожусь в клетке с крупным хищником, который принюхивается ко мне и прикидывает: поиграть или сразу придушить.

— Ладно, не бойся так! Тебе здесь недолго оставаться, я и сам не в восторге от нашего соседства.

Он подошёл совсем близко и поднял мой подбородок, заставив взглянуть в лицо. Первым инстинктивным желанием было отпрянуть, но силой воли я подавила его.

Оборотень был немолод, мне не солгали. Выдавали его серебряные нити волос на висках и усталость, затаившаяся в глубине голубых глаз, холодных, словно гладь зимнего озера и таких же обманчиво безопасных, подобно первому непрочному льду. Мужчина как мужчина, может, чуть и отличающийся чертами лица от наших лордов!

— Зачем мы вам нужны? — выплюнула я прямо ему в лицо, а сама силилась не отвести взгляд. Не обманывайте себя, — так и хотелось сказать мне. — У чистокровных женщин нет и не будет хозяев, кроме законного супруга!

Но моя спесь тут же слетела, как осенняя листва с помёрзшего за ночь клёна.

— Я думаю, тебя обязательно отберут для обряда Плодородия. Это хорошая судьба для каждой из вас.

Он смерил меня взглядом полным презрения. В глазах мелькнул жёлтоватый отблеск ярости. Усилием воли стряхнув вновь завладевший душой страх, я выплеснула ему в лицо всю горечь моего положения:

— Для вас и вам подобных, хозяин, это, безусловно, хорошо. Но не для девушек, которых используют для деторождения без их на то воли. Они даже не будут знать отцов своих детей!

Он подошёл очень близко, мне хотелось съёжиться под взглядом чужака.

— Разве это не то, что так называемые “чистокровные” делают с Пришлыми? Может, пришла пора ответить за грехи своего рода?

— Иномирянки совсем другие... — начала было я, но закончить не успела.

Оборотень с силой оттолкнул меня, так, что я почти отлетела к двери. У меня горели щёки. Я понимала, что хожу по краю. Ещё немного и его ярость выплеснется наружу. Я видела это не только во взгляде оборотня, но и в его сжавшихся кулаках, мышцах рук, вздыбившихся под рукавами рубашки, едва доходившими до локтей. Казалось, его тело хотело меняться, внутренний зверь жаждал вырваться наружу и разорвать меня или, что ещё хуже, покалечить. В воздухе пахло предчувствием беды. Я обречённо закрыла глаза.

И в одно мгновение гроза обошла стороной. Сильные руки взяли меня за плечи и хорошенько встряхнули. Мне не оставалось ничего иного, как открыть глаза и снова принять бой. Или то, что оборотень для меня уготовил.

— Надеюсь, ты не собираешься демонстративно лишаться чувств? Предупреждаю тебя сразу: лучше и не пытайся!

Рэв Торгский подсмеивался надо мной, но глаза оставались колючими, далёкими, равнодушными.

— Конечно, нет, — ответила я, вложив в слова как можно больше достоинства.

— Так у тебя ещё и короткая память? Добавляй: хозяин. И не заставляй меня больше об этом

напоминать. Для твоего же блага. Поняла?

Оборотень сказал это тихим голосом, но мне показалось, что от его тембра зазвенели бокалы за стеклянной перегородкой в шкафу у дальней стены.

Мелькнула мысль и дальше продолжить игнорировать его приказ, тем самым, приблизить наказание, а может и смерть — билет от бесчестья. Но инстинкт выживания восставал против подобной выходки: я понимала, что нас просто так не отпустят, не позволят умереть, не выполнив должного.

— Поняла...хозяин, — ответила я, опустив глаза. Мне надо будет всё хорошенько обдумать и расспросить Боану о тех, кто был прислан до меня. В прошлом году или ранее.

— Иди к себе, сегодня не смей спускаться. У меня будут важные гости. И начинай отвыкать от праздности. Ты здесь не только как женщина, но и, главным образом, как служанка.

— Хорошо, хозяин, — безучастно ответила я, глядя в пол. Я больше не чувствовала на себе его взгляда. Решившись посмотреть, поняла, что мужчина отвернулся к приоткрытому окну и делал вид, что меня здесь нет.

Ушла я совсем иной девушкой, чем та, что полчаса назад переступила порог кабинета хозяина дома.

Я чувствовала себя опустошённой, к глазам подступили слёзы. Мир рушился. Да, я представляла, что меня ждут унижения и подчинение, но реальность оказалась жёстче. В ней не было смысла в борьбе и сломленной воле, героизме и самопожертвовании, моя судьба — быть рабыней равнодушного хозяина. Он явно не собирался воспользоваться мной, как женщиной, а значит, моё присутствие в этом доме напрасно. Дальше кухни, комнат для прислуги и гостиной меня не пустят, никакими планами не поделятся.

С одной стороны, это радовало. А с другой... Я чувствовала себя товаром не первого сорта, который приобретают из жалости или чтобы отвязаться от навязчивого продавца. Дома поклонники осыпали меня комплиментами и восхищались красотой волос, которые так оттеняли белоснежный тон кожи, походкой и годеливой осанкой.

Здесь же мне дали понять, что я недостойная, из варварского племени с отсталыми обычаями и верованиями. Конечно, людоволки более развиты в плане всяких бытовых мелочей. У них даже есть постоянный доступ к воде, которую не надо греть перед купанием. Но это не значит, что наша магия и алтарные камни — пережиток бессильного прошлого. И я собиралась в скором времени это доказать. Ему и, прежде всего, себе самой.

Глава 8

Рэв стоял у окна, подставив разгоряченное лицо вечернему ветру, и злился. Подобное чувство он уже испытывал. Давно, будучи молодым волком, он как-то раз долго преследовал крупного оленя и в конце концов загнал обезумевшую жертву до белой пены. Олень упал замертво, украв у охотника чувство полной победы.

Сейчас Рэв злился на Ямину, занимавшуюся распределением вновь прибывших девушек. Это она сладкоголосыми речами уговорила его пойти навстречу Совету Стаи и явиться на отбор в этом году. Как-то же до этого обходились без его присутствия?

Злился волк и на выбранную девушку, которую вынужденно ввёл в свой дом. Она раздражала его высокомерными речами и пафосными глупостями. А сколько гордости во взгляде, такая спину гнуть не станет, пока не запугаешь! Словно правда была на её стороне. Можно подумать, она приехала сюда как хозяйка или уважаемая гостья! От этой девчонки, державшейся со спокойным достоинством королевы, жди неприятностей и склок в собственном доме.

Да и осторожность не повредит. Прибывшая из земель побеждённого врага не так проста, как хочет казаться. Теперь придётся тщательнее шифровать послания наместникам в другие города, а лучше совсем забрать дешифратор на работу. В каждом из поверженных городов тлеет зерно заговора. Конечно, эти смешные тайные общества с их игрушечными тактиками и стратегиями давно известны Совету, и не разгоняют их только потому, что так легче контролировать заговорщиков. Пусть древние расы обманываются иллюзией возврата к прошлому, не понимая, что их падение было предрешиено задолго до прихода в Дольний мир новых сильных и могущественных видов.

Асейе лучше вообще не показывать новую служанку: снова заведёт разговор о том, что ей давно пора переехать в этот дом на правах хозяйки и упрекнёт Рэва в нерешительности.

Ему нравилась подруга и при других обстоятельствах, не будь он так уверен в собственном бесплодии, уступил бы её просьбам и намёкам на свадебный обряд. Та же Ямина и все целители в голос утверждали, что при переходе через портал произошли сбои в работе организма и скоро всё восстановится, но с тех пор минуло пятьдесят лет, а их волчицы беременели всё реже и рожали слабое потомство. В отличие от местных девок, будто впитавших все соки этой поганой земли!

Храмер как-то обмолвился о делах, разбираемых целителями: мол, за полукровками будущее. Рэв отказывался это признавать и считал глупым мифом. Ведь если его друг прав, то им придётся жить и создавать семьи с местными женщинами, а не со своими волчицами. Следующие поколения волков не будут такими же, как рождённые от чистой крови.

Однако, как показали два минувших года практики давно позабытого обряда Плодородия, в течение которых появились на свет новые сильные особи, смешение родов было на пользу Волкодлакам.

В дверь тихонько постучали.

— Кто там скребётся? — раздражённо спросил Рэв, не поворачивая головы.

— Это я, хозяин, — послышался голос Боаны. Она умела казаться незаметной и незаменимой, была верна ему лично и приютившему их с супругом дому.

Рэв оглянулся и посмотрел на экономку. Женщина, как обычно, стояла, опустив голову в знак почтения, хотя он давно разрешил ей оставить эти формальности, когда поблизости нет чужих глаз и ушей.

— Что тебе? К приходу веры Асейи всё подготовлено?

— Да, хозяин. Ужин будет подан в малую гостиную, слуг я отправила по своим комнатам. Вам точно не будет нужна моя помощь?

Рэв кивнул и перевёл разговор на другую тему:

— Лучше скажи, как тебе новенькая?

— Леонтина? Мне показалось, что она хорошая воспитанная девушка. Бедняжка очень боится.

— Боана, ты помнишь, что вы с Томасом бежали от таких, как она? Разве чистота крови оправдывает смерти на алтарном камне? Или оргии без смысла и цели?

Рэв снова почувствовал себя охотником, учувявшим близкий запах лакомой добычи.

— Она не виновата... — начала было экономка, но поймав взгляд хозяина, пробормотала, поклонившись: — А впрочем, вы как всегда правы, хозяин. Магия, применяемая без контроля,

только портит эту землю и развращает всех живущих на ней. Отнимает у судьбы право на естественный ход вещей.

Рэв довольно улыбнулся и чуть расслабился, отпустив наполнявшую его после встречи с черноволосой девкой ярость.

— Надолго она не задержится, но, боюсь, пока девушка здесь, у тебя прибавится забот. Приставь к ней надежных слуг, есть у тебя кто на примете?

Боана на секунду задумалась и уверенно кивнула:

— Сделаем, не беспокойтесь. Дом ей нельзя покидать, а уж здесь проследить легко. Она и так всем, как бельмо на глазу.

— Это только на пять дней. Её наверняка изберут для обряда Плодородия. Ступай, мне надо поработать.

Рэв подошёл к столу и сел в кресло. Здесь он чувствовал себя защищённым, закрытым в скорлупе трудолюбия и хладнокровия, которую не смогли пробить ни одна из его женщин.

— Позвольте, хозяин? — замялась Боана почти у самой двери.

— Что такое?

Рэв был недоволен вторжением в мысли, направленные в привычное рабочее русло. Надо было ещё раз посмотреть многостраничный договор с огнедышащими союзниками по минувшей войне. Пора вносить кое-какие поправки и договориться об общем управлении. Разделение Илиоса на два лагеря дольше продолжаться не может, это чревато столкновением интересов и новой войной, которая истощит обе стороны на радость завоёванным расам.

— Если можно, оставьте Леонтину для себя. За два года из тех девушек, кто прошел через обряд Плодородия, мало кто роды пережил. Жалко её: красивая, молодая, образованная и, видно, не дурочка. А что строптива, так она просто боится вас. Если вы дадите добро, я её постепенно подготовлю.

Боана замолчала и вопросительно посмотрела на Рэва.

— Иди уже, я сам разберусь, кого и для чего мне оставить, — ответил тот с внешним спокойствием и проводил глазами экономку, пока за ней не закрылась дверь. Потом с досадой отшвырнул перо и снова подошёл к окну.

Вечерняя свежесть охлаждала голову и остужала мысли. Слова экономки нашли отклик в глубине души Рэва, и это его взбесило. Как будто он и без неё не знал, как следует действовать в таких случаях! Переговорить с Ясминой, обронить слово друзьям в Совете, и дело сделано. Про девушку все забудут, вычеркнут из списков, лазари отнесут её пробы крови как неподходящие для обряда. И всё!

Девушка поступает в его полное распоряжение. Навсегда. Кровь древних рас связана невидимыми нитями с этим миром, на такой почве может и прорасти чужеродное семя. Вдруг это его шанс на отцовство?

— Что за глупости! — сказал Рэв громко и в раздражении сел за стол.

Сама мысль прикоснуться к дочерям врага всегда была ему противна. Тем более, девчонка не согласится, а брат её силой Рэв бы не стал. Женщины сами искали с ним встреч наедине и все как на подбор: сильные, смелые, пылкие. Они на всё были согласны, чтобы доставить удовольствие выбравшему их мужчине. И в тоже время такие не просто постельная утеха, но и соратницы, подруги жизни.

Мысли снова свернули к черноволосой девице, час назад дрожавшей от страха в этой комнате. Что-то было в ней такое, что цепляло и притягивало, оборотню бы хотелось увидеть горячку у своих ног, умаляющую о ласке. Будь она поприветливее и поговорчивей... А впрочем, она враг и дочь врага. И годится только для одной цели — родить сильного воина. А дальнейшая её судьба пусть заботит Ясмину.

— Хозяин, вера Асейя ждёт вас в малой гостиной! — прервала его думы вошедшая Боана.

Рэв хмуро кивнул и, вскочив на ноги, быстрым шагом направился на встречу со своей женщиной.

Как только Рэв вошёл в круглую комнату, он увидел свою волчицу. Асейя, тряхнув рыжими

локонами, поднялась с подушек и томно направилась к нему. На его женщине было надето облегающее домашнее платье с глубоким вырезом и росписью на широких рукавах. Такое она носила только по особым случаям.

Ведь знала, что он любит её такой: прирученной и в то же время раскованной. Горевших на низком столике свечей было недостаточно, чтобы рассмотреть выражение лица его постоянной женщины. В воздухе витал лёгкий аромат осенних яблок.

Рэв прикидывал: Асейя вполне могла злиться, что любовник надолго отодвинул её на задний план, полностью отдавшись работе. А могла и забеспокоиться. В зависимости от её настроения, вечер будет томным и приятным или испорченным скандалом.

— Рэв, любимый! — и волчица обвила тонкими руками его шею. Глаза поблёскивали жёлтым огнём, значит, она испытывала сильные эмоции. Вот только, какие?

— Я рад видеть тебя, — коротко сказал Рэв, наблюдая за её реакцией.

— Я уже боялась, что не позовёшь.

— Не придумывай! От тебя не пахнет страхом.

Асейя улыбнулась и потёрлась носом о его щёку:

— А чем от меня пахнет? — проворковала она и, отстранившись, принялась медленно развязывать пояс. Платье слетело с худых плеч и обнажило смуглое тело. Свечи в высоких канделябрах бросали на её кожу отсвет, делая Асейю почти богиней Луперкалией из древних сказаний, которая возлегла с Фенриром и подарила ему крепких и здоровых близнецов.

Рэв ощутил непреодолимое желание овладеть этой женщиной, утвердить над ней свою власть, словно всё, что сейчас произойдёт было для них впервые. Он в два счёта оказался рядом, сгребая смеющуюся Асейю в свои объятия. Её длинная шея так и манила оставить на ней следы.

Время остановилось, замерло, будто комната, устланная шкурами зверей, стала центром Мира, местом для соития. Воздух сгустился, нюх Рэва обострился в несколько раз. Мужчина видел перед собой только её — свою волчицу — раскинувшуюся на полу с призывно разведёнными ногами.

Оборотни не склонны к нежностям во время секса, к долгим прелюдиям и ласковым перешёптываниям. Рэв перестал себя сдерживать и, проведя рукой по влажной промежности своей женщины, подтянул её за бедра к себе. Краткий стон окончательно затмил ему разум, пробудив звериную часть натуры.

Он вошёл резко, намеренно причиняя страдания извивающейся под ним рыжеволосой бестии. Её взгляд был замутнён вожделием и минутной болью, переходящей в удовольствие.

— Чёртов ублюдок! — простонала женщина, закусив губу так, что на ней выступили капли крови. Это только распалило Рэва, как и её призывные подмахивания бёдрами в бешеной скачке страсти.

— Соскучилась по траху? — проговорил он, наклонившись и впившись губами в шею. Асейя застонала и крепче прижалась к нему. Член скользил внутри её, влагалище хлопало и сжималось, приближая разрядку. Волчица уже металась, забыв правила игры и полностью отдавшись инстинкту, требующему завершения акта излитием семени в готовое понести чрево.

Рэв тоже чувствовал близость разрядки, но прежде хотел насладиться своей властью над женской природой. Он чуть замедлил темп и заглянул Асейе в лицо, ожидая увидеть в её глазах нетерпение и мольбу о продолжении.

Но вместо рыжеволосой и скуластой девы-волчицы на него смотрела черноволосая служанка с певучим именем. Её затуманенные страстью чёрные, как бездна Нижнего мира, глаза блестели колдовским огнём. Густые волосы разметались змеями, словно охраняющими хозяйку во время ритуала, тело слепило белизной, хоть и было горячо, как кипящее озеро высоко в горах.

Рэв опешил и хотел отстраниться, но девушка обхватила его ногами и не пускала, одновременно наращивая темп так, что он потерял контроль и принялся долбить её с новой, неизведанной ранее силой.

— Будь ты проклята, ведьма! — прорычал он, изливаясь в тугое лоно, а в ответ услышал только ехидный грудной смех.

— Ты принадлежишь только мне, — прошептала черноволосая ему в ухо за секунду до того, как он отключился.

Глава 9

Сознание вернулось мгновенно, так, словно Рэв вынырнул из толщи чёрной воды, не дающей вздохнуть и осознать себя живым. Сначала вернулись запахи: гари, воска, женского пота и соития. Вокруг было тихо, но обмануть оборотня сложно: он слышал лёгкое дыхание рядом. Женщина пребывала в глубоком сне.

Оборотень резко открыл глаза, вернувшись в полутьму круглой комнаты собственного дома. Он лежал на спине, на шкурах, на которые он опрокинул Асейю, обернувшуюся черноволосой демонией. Он чувствовал холодную ярость, желание обратиться и разорвать глотку девушке, чтобы она захлебнулась собственной кровью. И вместе с черноволосой его покинет желание повторить всё вновь.

Рэв резко развернулся и схватил лежавшую рядом за горло. Он посмотрит ей в лицо, увидит, как ведьма корчится, а потом одним махом раздавит шейные позвонки.

Женщина захрипела и принялась царапаться. Рэв мгновенно отпрянул и пару раз моргнул, чтобы убедиться в правдивости увиденного.

— Что с тобой? — отдышавшись и прокашлявшись, заскулила женщина. Асейя отползла к дивану и жалобно всхлипывала. Он чувствовал, что его любимая плачет, и готов был сам завывать от стыда и сострадания.

— Прости, пожалуйста, я не хотел... Мне приснился кошмар, — бормотал он, обнимая её содрогающиеся плечи и глядя спутавшиеся пряди волос. — Прости...

— Что тебе привиделось? — спросила Асейя, окончательно успокоившись и заглянув ему в лицо. Рэв порадовался, что свечи почти прогорели. Зрение оборотней было острым, но лишь в обличии зверя.

— Так, ересь всякая. Будто я лежу на поле сражения среди торжествующих врагов. И всё, что я могу сделать напоследок, попытаться убить одного из них, — соврал Рэв, удивляясь, как это гладко у него вышло.

— Ты слишком много работал последнее время. Нельзя так себя загонять.

Сочувственный взгляд женщины и её нежные прикосновения окончательно успокоили оборотня. Конечно, она права! Сказались волнения последних дней, когда в Совете разгорелись жаркие споры по поводу предложения огнедышащих стать во главе нового объединённого правительства, оставив Волкодлакам охранительные функции и надзор за порядком.

— Это всё Драконы, — начал Рэв, готовясь произнести заготовленную для заседания речь.

— Это всё ведьма! — неожиданно прервала его Асейя. В её голосе слышалась неприкрытая неприязнь. — Та, что сегодня вошла в твой дом.

Рэв чуть заметно вздрогнул. Неужели он сказал что-то лишнее? Память отказывалась воспроизвести последние мгновения их с Асейей соития, будто кто намеренно стёр воспоминания из головы.

— Только не притворяйся, что не знаешь, о ком я говорю!

— Я не собираюсь оправдываться перед тобой, вера, — одеваясь, холодно произнёс Рэв. Он обошёл вокруг, зажигая масляные лампы, прикреплённые к стенам. — Не тебе оспаривать приказы Стаи. И даже не мне.

— Не морочь мне голову, Рэв! Совет состоит из твоих друзей и сотоварищей. Они сделают всё, чтобы угодить тебе. Поэтому и подсунули молодую кобылку, которая только и может, что раздвигать ноги и рожать ублюдков! Это потому что я не могу зачать, да? Ну что, ты уже опробовал новенькую?

Асейя запахивала платье, её руки дрожали, а пальцы никак не могли завязать узел на поясе.

Рэва так и подмывало ответить:

— Да, именно поэтому.

Но он молчал, насуплено наблюдая за сборами любовницы. Женские истерики кого угодно выведут из равновесия, но оборотень, входящий в число Первого круга не должен поддаваться эмоциям. Ладно ещё спросонья!

Одиннадцать сотоварищей, заставших конец войны и теперь сидящих рядом в Совете, понимали его

лучше, чем любая из женщин. Никто бы не осудил, если бы Рэв вдруг решил оставить девчонку себе, в качестве утехи, разумеется.

Асейя не собиралась униматься, думая, чем бы больнее его зацепить. Слова и обвинения сыпались на Рэва как первый весенний град.

— Даже не отрицаешь! А ещё говоришь, что хочешь детей только от меня!

— Не придумывай, — спокойно сказал оборотень, присев за стол и принявшись за остывший ужин. Спорить с женщиной на голодный желудок опасно для здоровья. Раздражительность — неподходящая слабость для воина, даже бывшего. — Я такого не говорил. Я хотел бы, чтобы матерью моих детей стала ты, но переживу, если мне родит другая.

Асейя замолчала. Рэв предчувствовал новые обвинения, но больше не собирался на них отвечать.

— Поешь вместе со мной, — предложил он, глядя на молча плачущую женщину. Слава Фенриру, что у неё хватило самообладания не продолжать бессмысленный разговор. — И прекрати лить слёзы! Я тебе не изменял и не планирую.

— Ты избавишься от неё? — спросила Асейя, присев рядом и заглядывая Рэву в глаза.

— Я так думаю, — коротко отрезал тот. — Она мне и самому противна.

В душе Рэва шевельнулось глухое раздражение на самого себя и задающую вопросы Асейю. Если не хочешь знать правду, не провоцируй!

— Я обязательно понесу, может быть, даже после сегодняшней ночи, — вкрадчиво прошептала волчица, прильнув к его руке. — Воздержание пошло тебе на пользу. Ты был такой пылкий!

— Да, я как мальчишка или девица лишился чувств, — усмехнулся Рэв и внутренне вздрогнул, вспоминая свои видения, казавшиеся такими правдоподобными. — Ладно, извини, но тебе пора. Мне нужно выспаться, а с утра пораньше отправлюсь в Совет.

— Когда мы увидимся? Не заставляй меня снова ждать две недели!

— Асейя, я не знаю, правда, когда у меня будет время. Надеюсь, что дней через пять-семь.

— Я буду ждать, — прошептала женщина, цепляясь за его руку. Рэв провёл по её волосам и отошёл к выходу. Обернувшись на пороге, он добавил:

— И больше никогда не говори мне, что делать со слугами. Это пока ещё не твой дом.

Асейя побледнела и хотела что-то добавить, но Рэв не стал слушать и отправился напрямик в кабинет. Настроение было окончательно испорчено. Оборотно казалось, что стоит закрыть глаза, и снова привидится тот кошмар.

Так и подмывало подняться наверх и проверить, спит ли его подопечная. Он слышал, что по ночам они творят свои мерзкие обряды и варят колдовские зелья. Ведьмовства в своем доме он не потерпит!

Но, с другой стороны, если она спит, то может неправильно его понять и своим визгом перебудить весь дом. Лучше её вообще не видеть! А оставшиеся пять дней провести у друзей или в клубе.

Рэв вошёл в кабинет и, открыв створку шкафа, где хранилось горячительное, налил себе полный бокал обжигающего горло местного пойла и опрокинул залпом. Приятное тепло разлилось по жилам, оно обещало забытьё и крепкий сон без кошмарных видений. Мужчина захлопнул дверцу и направился к себе в комнату. На сегодня он сделал достаточно, а завтра будет завтра.

Я проснулась рано утром в хорошем, бодром расположении духа. Солнечный свет, проникающий через большое просторное окно, придавал комнате свежий и ухоженный вид.

Апартаменты, выделенные мне под временное жильё, были не хуже спальни в родном доме, если не брать во внимание простоту обстановки. Зато у меня под рукой находилось всё самое необходимое: стол с туалетными принадлежностями, слишком большая для одного, но удобная кровать, книжный шкаф, заполненный пособиями по ведению хозяйства и брошюрами для развлечения. Среди них я и откопала тонкую книжницу с картинками, от которых меня бросило в дрожь. На них были изображены обнажённые мужчины, занимающиеся сексом с женщинами в различных позах. Последние выгибали спины, глаза красавиц были прикрыты, каждая, отдаваясь любовнику, наслаждалась процессом.

Конечно, на мистериях я не раз видела соитие и вживую, но на картинках мужчины порой вытворяли с женщинами такое, что благонаправной девице из чистого рода знать и практиковать не

полагалось. Я с отвращением пролиставала ещё несколько страниц и засунула книжку в самый дальний угол шкафа.

А вот большая ванная, соединенная с комнатой меня порадовала. Горячая вода ненадолго смывала тревоги и страхи.

Благодаря новой одежде, я совсем не нуждалась в помощи горничной и большую часть времени проводила в добровольном уединении.

Так потекли мои дни. Глубокой ночью я, соблюдая все предосторожности, выскальзывала через дверь, выходящую на тихую улочку заднего двора, и собирала необходимые для отвара Вожделения травы и коренья. К счастью, все они росли неподалёку, в городском парке, находившемся за два квартала от дома оборотня.

На случай, если меня остановит на улице патруль, была готова легенда: я, не выдержав угроз и оскорблений хозяина, решила на побег, но заблудилась.

Собранные сокровища хранились в погребе, я делала несколько кладок в разных углах, на случай обнаружения одной из них.

Всё выходило гладко, вот только решиться на последний шаг: приготовить и выпить свою половину зелья, а оставшуюся подлить в вино или чай оборотня, я не решалась. После этого дороги назад не будет: нас будет тянуть друг к другу с непреодолимой силой, сравнимой только с голодом. И эта тяга приведёт обоих в одну постель. А потом она исчезнет без следа, оставив после себя тяжёлый шлейф стыда.

Первые два дня я добросовестно пыталась разобраться в новой для меня роли распорядительницы, но быстро поняла, что влезать в заведённый и отлаженный Боаной процесс управления хозяйством не следует. Добрая женщина слушала мои глупые предложения по обустройству дома или распределению обязанностей прислуги, кивала и ободряюще улыбалась, а потом делала по-своему. И мне оставалось только признать, что у неё всё выходит гораздо лучше. Боана краснела и довольно улыбалась, когда я ей об этом говорила.

За такую честность и отсутствие гордыни экономка хвалила меня больше, чем я того заслуживала, потому что высокомерная леди внутри меня просто ждала своего часа, чтобы отыграться за униженное положение по всей форме. И желательно на том, кто и был в нём виновен. На моём хозяине.

Я не видела его уже два дня, но оборотень не оставлял моих мыслей днём и снов ночью. При свете солнца я дрожала от страха от одного упоминания его имени, а, лежа в кровати, перед тем, как забыться, пыталась представить, что я почувствую, когда он обнимет меня. А если вместо самой скупой ласки, меня ждёт грубость и побои?

В ответ на мои расспросы Боана улыбалась и говорила, что он неприметно скоро появится. В очередной раз, когда я ходила за экономкой с блокнотом в руках, и как прилежная ученица записывала все её распоряжения, она попыталась выяснить моё мнение насчёт нашего хозяина. Я отвечала односложно и неохотно, и распорядительница, оглядевшись по сторонам и убедившись, что нас не подслушивают, взяла меня за руку и сказала:

— Вы, госпожа, не обижайтесь на меня, лучше сами поразмыслите, когда окажитесь одна. Я уверена, что при вашем благоразумии, вы придёте к тем же выводам, что и я.

Боана замаялась, а потом продолжила, глядя в глаза и всё так же не отпуская моей руки:

— Попробуйте понравиться хозяину. Как женщина. Возможно, если он возьмёт вас под своё покровительство, жизнь здесь покажется вам вполне приятной.

— Под своё покровительство?! — хмыкнула я и отняла руку. — Теперь это так называется? Почему я должна предлагать себя совершенно незнакомому человеку?

Я, конечно, знала причину, но решила проверить: уж не одна ли это из “добровольных” помощниц, милостиво выделенных для шпионки-любовницы Советом.

— Потому что иначе вас ждёт смерть. А, может, и вашего ребёночка.

— У меня нет детей! — отрезала я, поджав губы.

Сейчас она либо откроет свои намерения, либо снова замолчит. Так ли проста стоящая передо мной женщина, старающаяся копировать одежду людоволков и во всем им угождать?

— Так ведь будут. Вас для этого и привезли. А станете дерзить хозяину, он отправит вас на обряд

Плодородия. Вы же сами, наверняка, слышали, что это значит.

Боана так строго посмотрела на меня снизу вверх, что я почувствовала себя гораздо меньше её по росту, опыту, знаниям и уму.

— Как знаете, госпожа. Я просто хотела вам помочь, но если это лишнее, простите глупую женщину, которая лезет не в свои дела.

Экономка чуть заметно кивнула и поспешила покинуть тесный переход между крылом для прислуги и кухней. Я осталась одна и побрела назад, желая только одного: поскорее запереться наверху, в своей комнате и не входить оттуда, пока не решится моя судьба.

На очередном повороте я столкнулась нос к носу с Сильвией, той самой худой, как жердь строгой и молчаливой служанкой, с вечно поджатыми губам, которая в мой первый вечер здесь подавала в гостиную чай. Она чуть заметно склонила голову, однако я успела заметить на её лице злобную ухмылку, от которой по коже забегали мурашки.

Я почувствовала себя в безопасности, только когда добралась до своей комнаты, расположенной отдельно от прочих, в небольшом закутке, который устроен так, что если не знать о нём, то запросто пройдёшь мимо и не заметишь. Но и здесь меня ждал сюрприз.

Дверь была не заперта, хотя я точно помнила, что закрывала её ключом, весь день висевшим вместе с прочими на связке, крепящейся к поясу. Первая мысль, которая пришла мне в голову, испугала и одновременно обрадовала: кто кроме оборотня имел доступ ко всем помещениям? Значит, всё случится сейчас. Зато не придётся готовить отвар и можно не притворяться, изображая несуществующую страсть, а просто уступить силе и обстоятельствам. Слабое оправдание, но лучше, чем никакого. Прикрываться служением Родине я не собиралась, лицемерие было мне чуждо.

Вздохнув, я аккуратно, стараясь не скрипеть, повернула ручку и оказалась внутри. Тишина давила на уши, во рту пересохло.

— Кто здесь? — выдавила я из себя, не отходя от двери, чтобы в случае опасности быстро покинуть комнату. Хозяин дома не стал бы прятаться от своей рабыни. Значит, меня посетил кто-то иной, явно с дурными намерениями! Иначе зачем вообще скрываться?

Ответа я не дождалась и решилась на отчаянный шаг: пройти и самой отыскать незваного гостя или следы его недавнего пребывания. С первого взгляда всё было как и прежде, в ванной я тоже никого не обнаружила.

Только перевела дух, и взгляд коснулся письменного стола, за которым я обычно по поручению Боаны проводила подсчёты расхода хозяйственного мыла и прочих банных принадлежностей во всём доме. На гладкой тёмной поверхности белел прямоугольник письма, запечатанного в конверт.

Его оставили строго посередине гладкой полированной столешницы, будто автор послания совсем не торопился, а наоборот, был вызывающе аккуратен.

Я осторожно взяла белокипенный конверт и повертела в руках, страшась заглядывать внутрь незапечатанной тайны. Гадать, кто оставил это послание, можно было весь остаток дня. От конверта пахло розаном — дешёвой ароматической водой, продающейся на местных рынках и способной маскировать запах пота.

Внутри на дорогой бумаге, которой пользовался хозяин дома, были написаны неровным женским почерком две строчки. Буквы плясали перед глазами, тот, кто писал, явно делал это с трудом, не заботясь о каллиграфии:

“Немедленно переходи к выполнению плана. Завтра вечером хозяин будет дома. Один. Действуй!”

Глава 10

Мне сделалось страшно, ужас холодной и склизкой змеёй залез под платье. Мурашки, как живые существа, бегали по спине и груди, заставляя дрожать руки, держащие послание анонима.

Я не боялась неведомого соучастника или его угроз, которыми дышало письмо-приказ. Страшило иное: неотвратимость и близость события, ради которого я и приехала сюда. Раньше я старалась не думать о нём, справедливо полагая, что этот день ещё не скоро, а может, ему и вовсе не суждено будет настать.

Но больше откладывать было нельзя, а я пока не представляла, как добиться того, чтобы этот грубый оборотень с презрительным взглядом смог обратить на меня внимание. Конечно, если не брать во внимание план с зельем. Как бы мне ни хотелось найти другой выход, я понимала: его не существует, и времени на раздумья больше нет.

Вздохнув и мысленно примирившись с необходимостью не спать полночи и довести начатое до конца, я спустилась в большую гостиную, откуда доносился голос Боаны, бойко с кем-то разговаривающей. Я полагала, что её собеседником мог быть муж Томас или садовник Джимми, поскольку только с ними она позволяла себе улыбаться и смеяться, отставив на время всякую строгость.

Но стоило мне подойти ко входу в гостиную, как улыбка исчезла с её лица, уступив место растерянности. Я не видела собеседника метрессы, поскольку того скрывала полуприкрытая створка двери. Мне стало не по себе и захотелось повернуть назад, хотя я понимала: поздно.

— Простите, что помешала, — пролепетала я, опустив глаза и почувствовала себя пригвождённой к доске бабочкой с невзрачными крыльями, которую люди считают за вредителя и оттого не щадят. Мне так хотелось, чтобы тот, чей тяжёлый взгляд ощупывал меня с ног до головы, прогнал бы бесцеремонно вторгшуюся непрошенную гостью с глаз долой. И я бы снова смогла дышать и чувствовать, связно мыслить и просто существовать где-то рядом, в тени.

— Иди сюда, как там тебя зовут...

— Леонтина, — повинувшись приказу, чуть слышно ответила я и пошла на зов, всё так же смотря под ноги. Меня подмывало вскинуть подбородок и испепелить чужака взглядом, но мысли сделались вязкими, как слюна во рту.

— Постараюсь запомнить, — хмыкнуло чудовище в облике оборотня. — Боана, можешь идти и проследи, чтобы нам не мешали.

— Конечно, хозяин, — с готовностью откликнулась экономка, и я невольно поймала её подбадривающий взгляд.

Дождавшись, пока она уйдёт, оборотень, обращаясь ко мне, постарался придать голосу обманчивую мягкость, но это у него выходило плохо. Тот, кто привык командовать, не обучен виртуозно лицемерить.

Я подняла глаза на мужчину, скупым жестом указавшего на диван. Сам же он устроился в кресле напротив и тоже уставился на меня изучающим взглядом. Его глаза сейчас были бесконечно усталыми и немолодыми, они излучали холодный интерес и насмешку.

Сколько длилась наша дуэль, я не поняла, очнувшись только, когда он, ухмыльнувшись, спросил:

— Что, так тебе нравлюсь?

— Нет, — ответила я коротко, не теряя его взгляда, хотя это и стоило мне больших усилий.

— Ты мне тоже. И это к лучшему. Я так понимаю, ты не жаждешь попытать счастья в качестве жертвенной девы на обряде Плодородия? Что ж, я знаю, как этого избежать! Ты довольно привлекательна для определённых мужчин, и каждый из троих готов предложить перейти к нему в дом. Я даже позволю тебе самой выбрать будущего хозяина.

У меня внутри всё оборвалось. Дальше я плохо понимала, что этот самодовольный оборотень мне предлагает. Запомнилась только его ухмылка и ледяной взгляд голубых глаз, неотступно следящий за мной. Казалось, что этот облечённый властью мерзавец понимает, в какую ловушку меня загнал и наслаждается собственной задумкой.

Я очнулась и покачала головой. Как мне хотелось стереть с его скуластого лица довольство, маскирующееся под личиной заботы. Ненависть к хозяину дома прожигала меня. В этот момент я ощутила желание быстрее приступить к приготовлению оморочного зелья, чтобы он горел мной и не допускал даже мысли отдать кому-то, словно надоевшую, но ещё годную вещь.

— И что же тебя не устраивает? — вернул меня в гостиную ледяной тон оборотня. Он нахмурился, а взгляд метал молнии.

— Я не хочу быть игрушкой, — ответила я тихо, будто говорила сама с собой, озвучивала те мысли, в которых долго не могла признаться. Я не хочу жертвовать собой. Даже ради страны!

— Тогда не надо было приезжать! А раз явилась в Вервик — подчиняйся и не говори так, словно твоё мнение кого-то интересует. Опять не добавила “хозяин”.

Он встал и приблизился, от мужчины веяло мощью и огромной силой воли, я понимала: сломать меня будет несложно. Я уже почти пала духом под натиском двух сил, тянущих меня в разные стороны: Ордена Сопrotивления и хозяина дома. И ненавидела их обоих!

— Почему вы обращаетесь со мной, как с грязью? — спросила я, задрав голову, чтобы взглянуть противнику в глаза. Руки вцепились в подлокотники, словно я боялась, что зверь, таящийся внутри него, выдернет меня из кресла.

Оборотень так и поступил. Я оказалась в его руках, крепко державших меня за плечи. Хватка не ослабла, пока мы оба не оказались у окна. Он держал меня за шею, больно повернув лицом к дневному свету.

Я смотрела в его лицо, скрытое тенью, но от меня не ускользнули страх и промелькнувший в глазах интерес.

— Ты мне только мешаешь. Даю время до завтра и если не получу согласие, отправишься к лазарям. Готовиться к обряду, — ответил он и, отпустив меня, не оборачиваясь, вышел прочь из гостиной.

До позднего вечера я находилась будто в бреду: безропотно выполняла поручения хозяина дома, то и дело пытавшегося едкими замечаниями вывести меня из себя, слушала наставления по хозяйству от Боаны и машинально просматривала счета за месяц, пытаюсь определить источник излишних трат.

И только когда дом затих, погрузившись вместе с его обитателями в глубокий сон, я решила высунуть нос за порог. Ночь была тёмной, как и полагалось в день молодого месяца. Шумели, о чём-то негромко переговариваясь, тополя, растущие вдоль домов на нашей улице. Они представлялись мне часовыми, стерегущими от жадных взоров, сокровища, таящиеся за плотно закрытыми, несмотря на летнюю духоту ставнями окон.

Вервик был городом, отгороженным не только от чужих глаз, но и от любопытства обычных прохожих, наводнявших его улицы днём. Волкодлаки ревностно охраняли тайны своих домов и их обитателей даже от взглядов соседей. “Всё должно быть пристойно и в мыслях, и в делах”, — вот девиз города людоволков. Мне нравились их понятия о чести и достоинстве, подобие братства не по крови, но по духу. Что бы ни делалось за прикрытыми дверьми так там и оставалось, и не было в этом ни капли пошлости или бессмысленной жестокости.

Я видела: хозяин дома не раз хотел меня ударить, и была поражена, что, несмотря на это, тот не переходил черту, установленную им самим. Когда он бесцеремонно хватал меня за руки, желая выставить прочь из комнаты за то, что позволила себе иметь собственное мнение, идущее вразрез с принятым у оборотней, я ловила себя на мысли, что мне приятны мимолётные прикосновения сильных рук. Безусловно, это действие отвара, который я выпила накануне нашей первой встречи, и тем не менее, полностью отделаться от ощущения всполохов в груди, вызванных его присутствием, мне не удавалось. Тяга к мужчине намного старше казалась противоестественной.

Хозяин дома пах лесом, оставшимся позади, куда мне больше не было дороги. Меня съедала тоска по шуму крон его деревьев и прохладе, таившейся под раскидистыми дубовыми ветвями, где мы так любили с Найтвеллом придаваться нашим маленьким запретным радостям.

Как он там, мой бывший жених? Думает ли обо мне или уже утешился в объятиях одной из местных чистокровных красавиц? Образ любимого потускнел в моём сердце после его неожиданного предательства. Я всё реже вспоминала о нём.

Ночная духота была нестерпимой, хотелось снять платье и искупаться. Я так и решила сделать, но после того, как покончу с приготовлением отвара Вождения. Коренья и листья всех необходимых ингредиентов были аккуратно сложены в мешотчатую сумку, которую слуги носят с собой, когда посещают местный рынок или лавку. В пергаментную бумагу я завернула пара волос с головы того, кто и должен стать моим первым любовником.

Эта мысль кольнула не хуже кинжала: ещё пару месяцев назад я была уверена, что выйду замуж девственной и окроплю брачное ложе, засыпанное белыми лепестками роз, своей первой кровью, смешанной с семенем любимого. А теперь, я надеялась, всё будет быстро. А потом я постараюсь отомстить за свою сломанную судьбу.

Раздумья оборвались, как и тропинка, закончившаяся на берегу небольшой реки, плавно несущей свои воды на юг. Я прислушалась: стояла тишина, изредка прерываемая песней соловья. Погони не было. Вода так и манила окунуться и смыть с себя лицемерие, которое сопровождало меня в стенах дома и города, но я помнила о долге.

Разложив на камнях сухие ветки вперемешку с порванной бумагой, я закрыла глаза и сосредоточилась. Тео откликнулось не сразу, но отрешившись от внешнего мира, я вскоре почувствовала тепло на кончиках пальцев рук. Дар дома саламандр ещё теплился во мне.

Подушечки пальцев чувствовали жар. Открыв глаза, я увидела на них маленькие язычки огня. Костёр получился славным, пламя горело не сильно, но и этого было достаточно для правильного приготовления зелья. Это было очень важно: одно неверное движение, не вовремя брошенная щепотка травы, и результат будет совершенно другим. Самое опасное, что никто не знает точно, каким именно.

Я ещё раз повторила про себя последовательность, с которой надо бросать в медный стакан с кипящей речной водой составляющие зелья. Липкий пот катился по спине, сердце билось в горле, руки дрожали, однако я продолжала делать то, ради чего пришла сюда. Сегодняшняя ночь будет переломной, или всё напрасно.

Вода в медном стакане забурлила. Я досчитала до семи и принялась бросать в неё травы, бормоча под нос: Анахит, Велес, Сердоцит... Ночь замолчала, разом лишившись звуков. Перед глазами поплыл туман, протягивая щупальца к воде. Мне стало дурно от запахов костра, смешанных с ароматом прелого сена и степного луга, которыми веяло от оранжевой жидкости в высоком стакане.

Сквозь тошноту, подкатывающую к горлу, я всё же заметила: настой должен быть красноватым и никак иначе! Правда, я никогда раньше не практиковалась в приготовлении отвара Вожделения: слишком сложными и запутанными были указания по его подготовке. Но сейчас я была в себе уверена как никогда.

Проверить действие отвара можно только выпив свою половину, а дальше останется только ждать. В конце концов, это не самый болезненный способ покончить с собой.

Хватило на шесть глотков, я отставила стакан и, перетерпев тошноту, слила оставшуюся половину в заранее принесенный стеклянный флакон, точь-в-точь такой в какие разливают снадобье от нервов. Их всегда держат при себе впечатлительные особы, чтобы не устраивать истерик на пустом месте. На это я и собиралась сослаться, если кто-нибудь обнаружит зелье раньше, чем оборотень его выпьет.

Мне сделалось дурно. Мир вокруг изменился: громче зашумела листва, растущих у кромки воды плакучих деревьев, острее стали пахнуть кусты сирени. В воздухе разлилось предчувствие беды. Я вдруг поняла, что должна немедленно попытаться скрыть следы недавней магии, еле ощущавшиеся в разлившемся повсюду аромате горьких трав.

Как могла я разбросала золу от остывшего костра, надёжно припрятала в кустах флакон и мешочек из-под трав и корней, но этого было мало. Сердце колотилось, как несущаяся не разбирая дороги, горная лань. Сейчас меня застанут на месте преступления, и уже будет не оправдаться!

Я обнаружила, что срываю с себя одежду, небрежно бросая её на траву. Он приближался, секунды утекали, как вода сквозь песок, но каким-то новым чутьём я поняла: надо отвлечь оборотня. Почему-то я была уверена, что это именно мой хозяин.

Мысли скакали галопом. Он не следил за мной с самого начала, иначе не позволил бы пить зелье. У меня созрел безумный план.

Вода была тёплой и приятной, я окунулась в неё с головой, чтобы создать видимость долгого купания. Страх не было, голова работала на удивление ясно. Досчитав до пяти, я вынырнула и, стараясь не смотреть на гостя, стала выходить на берег.

— Что ты здесь делаешь? — Сколь тщательно я ни готовилась к нашей встрече, а всё-таки вздрогнула, будто и впрямь не предугадывала его появления.

— Я... купалась.

А сама продолжала стоять, не решаясь посмотреть на того, с кем теперь связана правом первой ночи. Мне стало нестерпимо холодно, и я была готова на всё, только бы поскорее прекратить этот спектакль. Сделалось так противно от самой себя, что я уже собиралась рассказать оборотню правду о цели своего прибытия в Вервик.

Но хозяин больше не спрашивал. Неужели всё случится именно здесь?

— Зачем? — услышала я его холодный тон, и поняла: бесполезно. Такой никогда не поддастся женским чарам, всегда останется рассудительным сухарём. Я чувствовала себя как на допросе. Собственно, это он и был.

Решение созрело и, откинув тяжёлые мокрые пряди волос назад, я посмотрела на оборотня так, словно это был мой последний взгляд. Моя последняя ночь.

Глава 11

Рэв смотрел на свою подопечную взглядом надзирателя, стараясь не давать воли разгульным мыслям, так и норотившим пробиться сквозь предрассудки и отвращения к сородичам девушки.

Без одежды она особенно хороша, гораздо лучше, чем можно было себе представить. Белоснежная, почти прозрачная кожа так и манила дотронуться и оставить следы засосов на шее и полной груди. Сжать бы её до боли, чтобы чистокровная молила о пощаде, которую никогда не получит.

— Что ты здесь делаешь? — повторил он тихо, прекрасно понимая, что девушка расслышала. Она вовсе не пыталась прикрыться и не визжала от страха от того, что чужой мужчина застал её врасплох. Наоборот, стояла по колена в воде, отбросив назад мокрые пряди и вздёрнув подбородок, словно королева, недовольная непрошенным вторжением. Или лунная богиня, разгневанная на то, что в её дела вмешался смертный.

— Я купалась.

Рэв почувствовал, что сейчас обратится и убежит прочь от прекрасного видения, по иронии судьбы принявшего вид чужеродной девки. Или сделает шаг навстречу и накажет своенравницу, подмяв её прямо здесь, на мелководье. Он забудет обо всем: долге, обещании не трогать девушку до окончания отбора для обряда Плодородия, о рыжеволосой Асейе и о своём презрении к рабыне.

— Выходи и одевайся. Дома поговорим. Думаю, тебе пора вернуться к лазарям.

Девушка вздрогнула и сделала нерешительный шаг на встречу. В глазах обнажённой наяды появился страх, который она попыталась скрыть, не понимая, что от неё пахнет испугом. И еще — женской силой, готовой покориться мужскому приказу.

Рэв чувствовал в себе неудержимое желание причинить ей боль. За всё, что эта черноволосая ведьма ему делала: соблазняла красотой, являясь во сне и преследовала наяву.

Но силой воли мужчина удержал себя на месте. Негоже превращаться в насильника! Он ненавидел варваров, берущих женщин помимо их воли, потому что они были слабаками и трусами. Много ли чести в праве сильного? Гораздо приятнее видеть в глазах волчицы страсть, сжигающую её изнутри, дрожь женщины, одержимой возбуждением, готовой преклонить колени и признать его хозяином. И всё только ради того, чтобы заслужить ласку на одну ночь. Или один час.

— Я жду, — произнёс он сухо и отвернулся, чтобы дать возможность девушке спокойно одеться, а себе — перевести дух и вернуть ясность мысли.

— Простите меня, хозяин, — услышал он в её голосе мольбу и, не веря своим ушам, повернулся. Леонтина стояла на берегу, переминаясь с ноги на ногу и комкая в руках одежду. Девушка больше не походила на богиню, скорее на провинившуюся провинциалку. С опущенной головой, смотря себе под ноги, она сбивалась и заново начинала говорить, глотая слова и делая паузы, словно разговор давался с трудом. Это явно не было заранее срежиссированным спектаклем.

— Не отдавайте меня никому, пожалуйста!

Рэв ощутил прилив дикой радости и тут же устыдился своего ликования. Зачем ему нужна эта девчонка? Разве только так, на один вечер? Весьма приятный вечер...

— Я сказал: одевайся! Что ты здесь делала? В твоей комнате есть ванная и горячая вода. Специально хотела меня выманить?

— Да, — ответила она, снова потупив взор. От неё запахло смущением и горечью, Леонтина вздохнула. В её имени Рэву чудилась грустная музыка, тихая и в то же время сильная мелодия, способная пробудить дремавшие в каждом мужчине первобытные инстинкты. — Я люблю открытую воду. И чтобы лес шумел. А ещё мне страшно.

Девушка посмотрела на Рэва и отбросила одежду прочь.

— Пожалуйста! Вы ведь сами выбрали меня и всех девушек, значит, моё место здесь, — произнесла она тихо и замолчала, не отводя взгляда, в котором читалась решимость и отчаяние тонущего.

— Я не могу оставить тебя просто так, — Рэв колебался, борясь с соблазном. Стоило протянуть руку, и вот она, живая и трепетная, готовая на всё, чтобы остаться. От неё пахло покорностью — приманка для любого оборотня, изысканное блюдо всякого мужа.

— Я знаю, — девушка сделала шаг навстречу и снова с мольбой заглянула в глаза. — Вы не хотите меня, хозяин?

В этой фразе и тем тоном, которым она была сказана, Рэв уловил насмешку и кокетство. Конечно, она всё знала о его терзаниях. Ведьма и есть! Они все такие!

Что ж, он накажет её так, как она и не предполагает. Вовремя вспомнились слова Храмера, сказанные им в зале выбора и его совет: воспользоваться девушкой, не лишая её главной для обряда ценности. Тем более, той наверняка не привыкать!

— Так почему ты хочешь стать моей? — задал он последний вопрос, чтобы заставить умолкнуть проснувшуюся совесть.

Черноволосая сирена засомневалась, а потом выпалила:

— Потому что должна покориться вам, — и неожиданно для Рэва опустилась на колени, склонив голову: — Я вручаю себя вам, отныне и на всю жизнь. Прошу принять меня без всяких обязательств с вашей стороны, хозяин.

Я чувствовала, что не владею собственным телом, превратившись в стороннего наблюдателя. По жилам текла не кровь, а расплавленное масло, сжигавшее меня изнутри.

Но оборотень не пил зелья, а значит, вряд ли пожелает связываться со вчера ещё непокорной служанкой. Эти соображения коснулись края сознания, но я лишь мысленно равнодушно пожала плечами, отчего-то уверенная в своей силе обольщения. Наша магия сама находит способ исполнить волю заклинателя.

Хозяин молчал, а я не смела поднять головы. Мокрые волосы облепили спину, плечи, закрывали тяжёлыми жгутами лицо. В этот момент я и впрямь желала, чтобы Рэв Торгский согласился, и в то же время боялась этого до спазмов внизу живота.

— Я принимаю, — был дан ответ, и сердце сжалось, как маленькая птица перед коршуном. Я закрыла глаза, вся обратившись в слух. Еле слышимый шорох рядом, и вот уже мою шею сдавили тисками мужские руки. От неожиданности я вскрикнула и уставилась снизу вверх в его глаза, поблёскивающие голубым огнём. Хватка ослабла, но я всё никак не могла вздохнуть полной грудью.

— Раз решилась, не вздумай сопротивляться.

— Не буду, — еле слышно ответила я, сглотнув вязкую слюну. — Вдруг нас увидят?

— Что увидят? Как я трахаю свою служанку?

Я замолчала, пристыженная и возбуждённая.

Хозяин обошёл меня кругом, разглядывая, словно шлюху в борделе.

Не успев сообразить, что мне делать, я оказалась прижатой лицом к колючей траве. Я дрожала не то от страха, не то от нараставшего возбуждения. Пара секунд, и крепкие руки легли на мои бёдра, поднимаясь всё выше, пока не достигли ягодиц. По телу разливались жаркие волны, рождающиеся там, где оборотень по-хозяйски смело и настырно лапал меня, словно проверяя реакцию.

Раньше в мыслях мне представлялось, что первое соитие с чужаком будет проходить по-иному: подчиняясь чужой воле, я буду представлять себя в объятиях Ная. Но образ жениха испарился из моей головы, вытесненный оборотнем с посеребрёнными висками.

Я полностью потеряла контроль над своими чувствами, и то, что вчера ещё казалось отвратительной обязанностью, сегодня превратилось в сладкую муку, длящуюся слишком долго. Тело жаждало проникновения, внизу живота разлилось напряжение.

Хозяин молчал и на какую-то долю минуты отстранился, что вызвало у меня стон разочарования.

— Я сейчас, — прохрипел он над моим ухом. — Не оборачивайся.

Секунды тянулись невыразимо долго, но наконец я почувствовала на себе тяжесть мужского тела и призывно подняла таз навстречу упирающемуся в промежность члену. Я так желала скорее почувствовать его в себе, что начала ерзать и постанывать. Лёгкий укус в плечо вызвал крик боли, тут же сменившейся спазмом внизу живота.

Жадные поцелуи в шею только усиливали мои страдания.

— Пожалуйста, хозяин, — молила я, но тот не спешил, скорее всего, намеренно затягивая прилудию. Я чувствовала его твёрдый член не маленьких размеров, и тем не менее без всяких сомнений мечтала только о том миге, когда он ворвётся в меня.

— Все вы шлюхи, — усмехнулся лежавший на мне мужчина, больно сдавив грудь. И через мгновение

влажный член уткнулся между моих ягодичек и стал растягивать меня совсем не там, где я ждала его.

— Не лежи бревном, — услышала я горячий шёпот сзади. — Не впервой же.

Я боялась пошевелиться от резкой боли, пеленой опустившейся на глаза. Металась, не помня себя от страха, но хозяин медленно продолжал проникать внутрь, пока бедра не коснулись моих ягодичек. Он затих, давая мне отдышаться. Боль ушла, слезы катились по щекам, я снова начала дрожать.

— Какая ты тугая! — прошептал он и принялся медленно двигаться. — Давай же, подмахивай тазом.

Я с ужасом ждала возвращения боли, но вместо неё меня заполнила нарастающая нега. Я закрыла глаза и попыталась двигаться навстречу мужскому органу, сношавшему мою узкую дырочку с такой силой, что я боялась умереть от разрывов прямо здесь, на молодой зелёной траве и земле, ещё не согретой летним солнцем.

Я лежала, придавленная телом оборотня и ждала, пока это закончится. Внутри всё горело огнём, я постоянно теряла ритм, но казалось, мой любовник этого совсем не замечает. Его руки шарили по моему лицу, больно оттягивали голову, намотав на кулак мокрые пряди волос.

И я, понимая женским чутьём, чего он добивается, стонала и двигалась быстрее, преодолевая дискомфорт и боязнь, что он проникнет ещё глубже. Я ловила себя на мысли, что в своё время надо было позволить Найтвеллу любить меня в последнюю встречу таким же образом. И хоть в этом насолить насаживающему сейчас меня на член, как на огромный кол, оборотню.

— Молодец! — Я ощутила грубый поцелуй на шее. — Не останавливайся! Вот так...

Только теперь я осознала, что мы наконец двигаемся в едином ритме, и мне даже немного приятно. Движения хозяйского члена отзывались горячей волной, возникающей внизу живота и разливающейся по телу. Я крепче прижималась спиной к груди мужчины, наши скользкие от пота тела слились в одно, и это было приятно: ощутить себя частью другого существа. Сильного, с крепким мускулистым телом и бесстыжими руками, небрежно лапающими мою грудь.

Бешеный ритм страсти, которую я, если и не разделяла, то потворствовала ей, достиг апогея. Пара сильных толчков, и я почувствовала, как семя хозяина заполняет меня, и от этого хотелось плакать. Наверное, сходное чувство переживают участницы мистерий, считающие, что их обсеменяют Боги.

Я одновременно испытывала радость женщины, уверившейся в своей привлекательности, и стыд, от того, что только что извивалась под мужчиной чужого вида и хотела его. Внизу живота скопилась тяжесть, тело жаждало продолжения.

Хозяин лег на спину рядом и тяжело дышал, я же затихла и осталась на животе с разведёнными ногами: осквернённая и втопанная в грязь. Я должна была испытывать отвращение к оборотню, использовавшему меня и одновременно оставшемуся верным клятве беречь мою девственность, но мало того, что в душе не было ненависти к затхватчику, в какой-то степени я была ещё ему и благодарна.

Если он пообещал принять меня как женщину, то так и сделает. Наше соитие на траве — только начало. Рэв Торгский, как меня уверяли все вокруг, всегда держит слово. По крайней мере, я угодила ему и даже приспешникам Ордена.

— Довольна? — насмешливо спросил хозяин, тихонько шлёпнув меня по ягодичке. Его рука спустилась к промежности, что вызвало у меня тихий стон.

— Да, — с придыханием ответила я и затихла, ожидая продолжения. Но к моему неудовольствию, его не последовало. Ни поцелуев, ни доброго слова, ни простого участия.

— Пойдём в дом, — голос хозяина вновь сделался чужим и официальным. Мы молча оделись и отправились вверх по тропинке, прочь от берега и примятой тяжестью наших тел травы со следами белого семени.

Я обернулась и окинула прощальным взглядом реку, вскользь взглянув на то место, где спрятала флакон с зельем. Я обязательно за ним вернусь, но позже.

Хозяйская рука коснулась моей, заставив вздрогнуть.

— Обопрись на меня, тут крутой подъём, — проговорил оборотень, и я безропотно подчинилась. Отныне это моя судьба: быть ведомой, утехой и рабыней. Мужчина, несколько минутами ранее жестоко терзавший мою девственность, вдруг стал заботливым и предупредительным. Он бережно придерживал меня, помогая забраться наверх, туда, где начинался короткий путь к его дому.

А потом отпустил меня и зашагал рядом, как случайный попутчик. Насупленное молчание служило

сигналом, что хозяин о чём-то раздумывает. Я надеялась, что о моей дальнейшей судьбе и в то же время боялась спросить прямо.

Мы почти добрались до цели, когда Рэв тронул меня за плечо:

— Посмотри мне в глаза и скажи: это у тебя впервые?

Я с радостью выполнила приказ и не отводя взгляда, ответила:

— Да.

— Почему не сказала?

Я пожала плечами, опустив глаза, и тихо промолвила:

— Боялась...

— Иди к себе и отдыхай. Завтра можешь не спускаться раньше обеда. Боану я предупрежу, — усталым голосом произнёс хозяин. — Я постою пока здесь.

На пороге двери, ведущей в заднюю часть дома, я расслышала, как он ругнулся вполголоса:

— Проклятый Храмер!

Обернуться я так и не решилась, тенью проскользнула наверх, в спасительную темноту комнаты, и, не раздеваясь, как подкошенная рухнула на разобранную ко сну кровать. Силы вдруг оставили меня и хотелось только одного: забыться и уснуть. А когда я проснусь — приму ванну с отваром череды. Вода смывает следы моей похоти, так и прикосновения чужих грубых и сильных рук, которых мне так не хватало сейчас. А после чистая и отдохнувшая, вернусь к своему плану.

С этими мыслями я и провалилась в чёрный сон.

Глава 12

Весь следующий день я не видела хозяина. Боана сказала, что он ушёл рано утром, пока я ещё спала. В какой-то мере, это меня даже обрадовало, потому что я не знала, как буду смотреть ему в глаза и что в таких случаях надо говорить.

Распорядительница дома только понимающе улыбалась, видя мою рассеянность и неразговорчивость. От всего этого мне было ещё более неловко: почему-то не хотелось выглядеть в глазах метрессы доступной и корыстной. Раньше бы меня не волновало, что думают слуги-полукровки, но теперь, почти став равной им, я, наконец, разглядела, что мы не так уже и отличаемся.

Эта мысль поначалу привела меня в ужас. Я воспитывалась с твёрдой верой в собственное божественное происхождение, и дар, которым каждая из нас наделена с рождения, был лишним тому доказательством. Полукровки обладали им в меньшей степени, а Пришлые и вовсе походили на безголосых птиц, вся красота которых без способности к пению пропадала зря и годилась только для зачатия более удачных особей.

Оказавшись по другую сторону, я впервые почувствовала бессильную ярость, желание царапать ногтями стену, отрицая, что та сделана из камня и не поддастся жалким попыткам сломать её. Я теряла свой дар.

Огоньки пламени больше не желали плясать по кончикам моих пальцев. Всё, что я смогла сделать — это добиться ошутимого покалывания и покраснения ладоней. Меня словно обескрылили, отняли то, чем я гордилась и благодаря чему считала себя особенной, аристократкой крови и госпожой земли Илиоса.

Ныне же я не имела права делать вид, что чем-то отличаюсь от Пришлых. Значит, дело не в происхождении, и легенды о чистоте крови — не более чем красивые сказки? Мой мир рушился, а я ничего не могла с этим поделать. Оставалось только наблюдать и прикидывать, смогу ли построить на руинах дом прочнее прежнего.

— Госпожа, не хотите ли попить со мной чай?

Предложение Боаны прозвучало дико и странно: метресса была самой энергией, заключённой в тело женщины. Она не терпела праздности и полагала, что предаваться раздумьям и мечтам можно и во время уборки или полировки мебели. Распорядительница не гнушалась делать то, с чем вполне могли справиться остальные слуги.

— Чай? — повторила я, удивлённо смотря на женщину. Даже тряпка, которой я стирала пыль со статуэток на каминной полке, казалось, приросла к рукам.

— Конечно, но не здесь, — Боана оглянулась по сторонам. — А знаете что, Леонтина, лучше прикажите подать его наверх, в вашу комнату. Я сама за госпожой поухаживаю, если вы, конечно, не против.

Добрая женщина делала вид, что я и впрямь распорядительница этого дома, а не чисто номинальная, жалкая фигура. О чём она хотела со мной переговорить?

— Хорошо.

Горничная Сильвия вошла так быстро, будто специально ждала под дверью. Или подслушивала. Она хмуро кивнула и удалилась выполнять распоряжение, предварительно одарив меня уничижительным взглядом. Я её понимала: разница в наших положениях была минимальной, но она вынуждена мне подчиняться.

— Почему вы обращаетесь со мной как с хозяйкой? — спросила я Боану, когда дверь моей комнаты закрылась за нами. Женщина хитро улыбнулась, так что под глазами пролегли лучики морщин и произнесла:

— Надеюсь, вы принесете свет в этот дом.

— Что это значит? — чтобы скрыть смущение я отпила из чашки ароматный напиток со сливками.

— Только то, что сказала. Вы сможете родить, Леонтина, я же вижу. Во мне больше древней силы, чем в некоторых чистокровных. И поэтому я хочу предупредить вас: вера Асейя — подруга хозяина — сделает всё, чтобы вы попали в число отобранных для обряда Плодородия. Она-то зачать не может. Решающий день для вас — завтра.

— Зачем мне это знать? Вам какой с этого прок?

— Может и есть, — вздохнула Боана. На мгновение мне почудился странный блеск в её глазах, но стоило моргнуть, как они снова излучали лишь желание помочь ближнему. Метресса напоминала мне сваху, старающуюся угодить обеим сторонам.

Я же боялась только одного: что Боана и есть та связная, которая должна помочь мне безопасно шпионить за делами хозяина. Не хотелось бы разочароваться в её верности и преданности дому.

Тем временем экономка с присущей ей ловкостью вынула из кармана тёмного платья матерчатый мешочек, пахнувший хранящимися в нём травами. Я испугалась, но виду не подавала: он точь-в-точь походил на те, в которых я прятала высушенные стебли и корешки, необходимые для приготовления отвара Вожделения.

— Что это? — сухо спросила я, стараясь казаться равнодушной.

— Я думала, вы мне скажете.

— Откуда мне знать?

— Разве чистокровные не разбираются в травах?

Я встала и отошла к окну, словно хотела избежать пронизательного взгляда Боаны. Мне казалось, она всё знает, и почему-то хочет вырвать признание. Значит, хозяину пока не сообщила.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не сердитесь, госпожа. В подвал, конечно, мало кто заходит, а по углам и вовсе не заглядывают, но всё же место для тайн ненадёжное.

— Вы мне угрожаете?

— Нет. Наоборот, я хочу вам помочь. Это ведь я вчера подсказала хозяину, где вас искать в столь поздний час, — Боана продолжала улыбаться и смаковать остывший чай.

Я чувствовала себя птицей, попавшей в тщательно замаскированные силки, все попытки которой вырваться приводили лишь к тому, что петля на ноге затягивалась всё сильнее.

— Присядьте, Леонтина. Я объяснюсь.

Я подчинилась и заставила себя опуститься на стул со спокойным выражением лица. Просто вежливое любопытство, не более.

Боана посмотрела в сторону, собираясь с мыслями и, решительно отставив пустую чашку, продолжила серьёзным тоном:

— Наши цели совпадают, а на методы я готова закрыть глаза. Вы хотите стать женщиной хозяина и остаться в этом доме, я же настаиваю на том, чтобы вы прошли и через обряд Соединения. Он дарует женщине беременность. И все будут довольны.

— Почему именно я?

— Так больше никому, — отмахнулась Боана, всем видом показывая, как её раздражает моя наивность. — Вера Асейя не родит ему, как не смогли и другие волчицы, а наши девушки, возвращенные на родной земле, хорошо носят детей Волкодлаков. Ты ведь готовила отвар Вожделения? Значит, тоже хочешь остаться с хозяином. Да это и правильно. Разумно. Такая девушка, как ты, и нужна Рэву. Умная, скромная, умеющая добиваться своего.

— Вы так стараетесь для хозяина, что можно подумать, сами к нему неравнодушны.

— Прекрати! Не знаешь — помалкивай! Мы с Томасом сбежали от чистокровных, а Рэв дал нам защиту и дом. Не выгнал и не выдал, ещё и поверил в нашу искренность, несмотря на то, что терпеть не может древнюю кровь. Поэтому не думайте, госпожа, что я позволю вам или ещё кому причинить вред хозяину. Все заклинания мне известны.

— Это меня и удивляет. Вы совсем не так просты, Боана, как хотите казаться. Для полукровки ваши познания в древней магии слишком обширны.

Я пристально посмотрела на распорядительницу. Женщина усмехнулась:

— Значит, либо я наблюдательна, либо что-то ещё. Например, я не совсем та, кем вы меня считаете. Так бывает. Нам всем дороги собственные иллюзии.

Боана улыбнулась и продолжила прежним, дружелюбным тоном:

— Пойдёмте вместе уберёмся в подвале. Это давно пора было сделать, да всё руки не доходили. Заодно я расскажу вам о вере Асейе. Она явится сегодня посмотреть на вас.

Я вздрогнула, не готовая к такому повороту событий.

— Да не бойтесь так. Если что, я буду рядом. Ваша встреча неизбежна, и тёплой она не будет. Пойдёмте вниз, хватит бездельничать!

С этими словами Боана решительно вышла из комнаты, оставив дверь открытой. Я поняла, что она не намерена шутить, и мы действительно отправимся вниз уничтожить спрятанные мешочки с собранными травами.

Больше мы не обмолвились и парой фраз, пока не окончили работу и не сожгли в баке на заднем дворе, в горе мусора мои тайные припасы.

То ли от долгой физической работы, к которой мое тело пока не привыкло, то ли от постоянного нервного напряжения, но под конец дня у меня разболелось левое бедро, словно его обожгло кипятком. Боль становилась всё острее, пока я не начала хромать.

— Что с вами, госпожа? — подозрительно уставилась на меня Боана. — Вы же должны быть здоровой. Так ведь прописано в договоре между Волкодлаками и Древними.

— Просто оступилась вчера, — соврала я, и распорядительница, понимающе улыбнувшись, кивнула.

— Вам бы лучше пойти к себе и начать готовиться к вечеру.

— Что это значит?

— Просто приведите себя в порядок. Вера Асейя будет провоцировать вас на ссору, желая доказать хозяину, что вы истеричка и не достойны находиться в его доме.

Выслушав неутешительные новости, я похромала наверх, в душе проклиная и хозяина, и его женщину, для которых являлась диковинным зверьком. Задремавшая было неприязнь к оборотню вспыхнула с новой силой. Я была почти готова надерзнуть обоим, если они возьмутся проверять мои нервы на прочность. И будь что будет!

Но все планы мести выветрились из головы, стоило мне раздеться в ванной комнате. На верхней трети левого бедра расплзлось алое пятно. Оно было идеально круглой формы, будто кто приложил мне к ноге раскалённое дно стакана. И горячим, как пламя костра.

Я отдёрнула руку и принялась поливать пятно ледяной водой из стоявшего на столике кувшина, пока ногу не свело судорогой. На какое-то мгновение мне показалось, что жжение прекратилось, но стоило вытереться махровым полотенцем, как оно возобновилось с прежней силой.

Это было невыносимо, словно зубная боль, не дающая ни минуты покоя. Я металась по комнате, не находя себе места и думая только об одном: как избавиться если не от пятна, то хотя бы от той боли, которую оно причиняло.

Терпеть сил не оставалось. Я выскользнула в коридор в белой тунике, которую надевала перед сном. На кухне в шкафу хранились лекарственные порошки, спасающие от мелких недугов.

Проходя мимо зеркала, я машинально взглянула на отражение и сама испугалась. Бледная, с растрёпанными чёрными волосами, в белом одеянии до колен я напоминала привидение замученной в застенках пленницы.

Кухня представляла собой большое и светлое помещение. В этом царстве сковородок и булькающих кастрюль я наткнулась на единственную спасительницу Эосию — чаровницу, владеющую магией ароматных приправ и сладких порошков со сливочным кремом, которые так полюбились мне в этом доме.

Повариха была низкоросла и некрасива, шрам на нижней губе придавал её лицу и вовсе отталкивающее впечатление. Однако бывшая Пришлая была добра со всеми, даже со мной, чистокровной дамой, по началу не удостаивающей её благосклонного взгляда.

— Вам плохо, госпожа? — обеспокоенно спросила она грудным голосом, отрываясь от готовки.

— У меня голова болит, — вымолвила я, стараясь говорить обычным тоном. Без примеси паники и страха. — Есть средство, чтобы быстро прийти в норму?

— Конечно. Сейчас.

Сполоснув руки под краном и вытерев их о чистый передник, Эосия прошла к дальнему шкафчику и

открыла верхние створки.

— Почему ты одна? — спросила я, выпив порошок, растворённый в стакане такой холодной воды, что сводило зубы.

— Так это я над новым десертом тружусь. А на ужин всё давно готово.

— Понятно, — я встала со стула, на который опустилась сразу, как вошла. Чтобы только не упасть. Боль мгновенно утихла, но меня начало клонить в сон. — Спасибо большое! Не знаю, что бы я делала без тебя!

— Да что вы, госпожа, — улыбнулась повариха и снова вернулась к кастрюле, помешивая ложкой жидкость, пахнущую как сливочная карамель. — Просто Луна набирает оборот. Вот и хозяин тоже сегодня головной болью маялся. Порошок из толчёных корней сирени хорошо помогает, а главное, быстро. Вам бы сейчас прилечь. Не беспокойтесь, как Луна силу наберёт, так все недомогания уйдут.

Кивнув, я молча, по чёрной лестнице, где было мало шансов повстречаться с кем-либо, добралась до своей комнаты. Она казалось мне оплотом, убежищем, где можно передохнуть и поразмыслить о своей дальнейшей судьбе.

Но открыв дверь, я поняла, насколько ошибалась. На чёрной поверхности письменного стола меня ждал пустой флакон — близнец того, что я спрятала вчера на берегу реки. Послание, написанное тем же почерком, что и прошлое, гласило: "Больше никаких проволочек. Хозяин уже выпил приготовленный отвар. Дело за тобой!"

Глава 13

Я так и не придумала, какую в отношении хозяина избрать тактику. После всего случившегося предлагать себя повторно не позволяла гордость. Я полагала: он и так понял, что я готова на всё.

Однако до оглашения результатов выбора лазарей остался один день. Послезавтра будет поздно. А что если хозяин больше не притронется ко мне? Наше соитие не считается настоящим лишением девственности, так что формально я, как и прежде, пригодна для обряда Плодородия.

Эта мысль страшила сильнее прочего. Да и действие зелья, приготовленного накануне, оказывало своё влияние: я хотела, чтобы моим первым мужчиной был именно Рэв Торгский.

При воспоминании о наших телах, прижимающихся друг к другу, о его мужском органе, растягивающем меня и несущим не только сладкую боль, но и наслаждение и желание подчиняться и унижаться вновь, я чувствовала приятное тепло в левом бедре. Там, где появилось красное пятно. Оно больше не причиняло страданий, и случались минуты, когда я его совсем не ощущала.

Спросить было не у кого, а показывать страшно. Значит, наше следующее соитие с хозяином должно проходить в полной темноте. А как иначе я объясню ему эту аномалию? Тогда-то он точно отправит меня вон из дома, сочтя ведьмой.

С этими мыслями я, так и не сомкнув глаз, проворочалась в постели пару часов, пока робкий стук в дверь не положил конец моим мятущимся мыслям.

— Госпожа Леонтина, — сказала, поприветствовав меня, юная девушка — дочь одной из горничных. — Вера Асейя ждёт вас в кабинете хозяина.

Я кивнула, заверила, что скоро буду и взялась приводить себя в порядок. Внутреннее чутьё говорило мне, что не стоит выпячивать свою привлекательность перед соперницей, пока я не добилась своей цели.

Я забрала волосы в высокий хвост на волчий манер, чтобы показать, что собираюсь здесь задержаться. Надела чистое платье из череды одинаковых, висящих в шкафу, и посмотрела в зеркало. Пожалуй, я была ещё бледнее обычного, и чёрные волосы только подчёркивали это. Вид болезненный, как ни крути. Облизав обескровленные губы и кинув взгляд на тени, залёгшие под глазами, я направилась к месту встречи.

Наверное, я покорилась судьбе, по крайней мере, сейчас не было сил бороться. Даже желание посмотреть на подругу хозяина куда-то испарилось.

Голова была пустой, раздумывать о предстоящем разговоре и строить догадки не хотелось от слова “совсем”.

На стук мне ответил приятный женский голос. А за дверью ждал сюрприз, заставивший понервничать: стоило войти, как высокая рыжеволосая женщина с худым и гибким телом резко встала с кресла. Больше в комнате никого не было. Только она и я, забывшая о почтении и наглым образом глазающая на скуластое лицо молодой волчицы. Та была одета по-домашнему, в шёлковый халат, глубокий вырез которого открывал взору ложбинку между маленькими грудями. Асейя, явно, здесь давно и, судя по наряду, приятно провела время в обществе себе подобного. От подруги хозяина пахло недавним соитием.

Я поймала себя на этой мысли и ужаснулась: ещё пару дней назад у меня не было острого нюха, а теперь передо мной приоткрылась дверь, ведущая в мир ароматов и их оттенков. Я пока часто их путала, скорее интуитивно догадываясь о происхождении того или иного запаха.

Из приоткрытого окна тянуло вечерней прохладой и мокрой землёй, смоченной дождём. Я поёжилась, но взгляда не опустила.

— Добрый вечер, вера, — услышала я собственный голос, звучавший слишком надменно для служанки. — Чем могу служить?

Рыжеволосая медленно обошла вокруг меня, беззастенчиво рассматривая. Только в отличие от хозяина, от неё исходила ярость. Я впервые чувствовала чужое желание впитаться клыками в горло.

— Мне поручено передать тебе, что завтра ты переходишь обратно к лазарям, — с ледяной улыбкой изрекла женщина. Её глаза сверкали жёлтым огнём, словно топазы, которые отец подарил маме на свадьбу. — Здесь тебе не место.

Я ей не поверила. Это чувство возникло сразу, как только рыжеволосая открыла рот. С затаённой радостью, я поняла, что это только её желание.

— Почему ты молчишь? — подошла вера Асейя ближе, желая напугать меня. Вот только я её не боялась и продолжала смотреть на искажённое злостью лицо.

— Я не поеду и вам это известно, — с улыбкой произнесла я, хотя губы дрожали. Так хотелось верить, что у меня всё получится!

— Ты никто! На что ты вообще надеешься? Жалкая шлюха, на которую не позарится самый последний людоволк!

— Уже позарился! — тут же парировала я, уставившись в жёлто-зелёные глаза соперницы. — И далеко не самый последний!

Сказав это, тут же поняла, что перешла опасную грань. Черты лица противницы заострились, нос вытянулся. Запахло лесом и бедой. Левое бедро, там, где под платьем было злополучное пятно, обожгло огнём.

Асейя схватила меня за плечо и швырнула назад с такой силой, какой я и не подозревала в поджарой смуглянке. Я упала, задев кресло, с грохотом опрокинувшееся назад. Тяжёлая спинка придавила мне ногу, боль волной разлилась по телу.

Но считать ссадины было некогда. Я отползла к стене, оставляя за собой красный след на полу. Неглубокий порез на бедре кровоточил, спина ныла, кожа на локте была содрана. Но всё это сейчас меня мало беспокоило.

Асейя отшвырнула ногой кресло, раздался треск сломанного дерева, и остатки спинки отлетели к двери. На грохот никто не поспешил. Ждать помощи было неоткуда.

Но я не собиралась сдаваться. Попытавшись встать на ноги, преодолевая слабость и боль, я вызвала у соперницы лишь холодную ухмылку. С чувством собственного превосходства Асейя скинула халат, оставшись обнажённой. Смуглое худощавое тело неестественно изогнулось, женский смех перешёл в звериный рык. Рыжеволосая встряхнула головой, по её телу прокатилась волна.

Вскрикнув от удивления, смешанного с ужасом, мне удалось встать, прижавшись к стене. Я зажмурилась. Кровь пульсировала в висках, уже было непонятно, что и где болит, и есть ли на мне живое место. Разгромленный кабинет заполнила вязкая тишина, прерываемая моим и чужим дыханием. Человека и зверя.

Мысленно простившись с близкими и теми, кто так и не стал ими, я открыла глаза. Большой волк, размером с медведя, которого я видела на гравюре в одной из книг, подаренных отцу, стоял и рассматривал меня теми самыми жёлто-зелёными глазами. В них не было ни капли жалости, только приговор к смерти или к тому, что ещё хуже.

Густая рыжая шерсть взъерошилась на загривке. Я сидела, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрела в глаза сопернице. Бедро пульсировало и болело настолько сильно, что я мечтала о том, чтобы всё это скорее закончилось. Звать на помощь перед смертью — только доставить радость медленно приближающейся ко мне волчице.

Один шаг, второй... Нас разделяло расстояние протянутых рук. Я различала белые кисточки волос в ушах, раздувающиеся ноздри животного, внутри которого пряталась женщина — красивая и опасная. Было что-то завораживающее в уготованной мне смерти.

“Вот и всё”, — равнодушно подумалось мне.

— Держись! — голос в голове на секунду отодвинул на второй план боль в бедре. Я покраснела, щёки горели: он пришёл, хозяин не хочет отдавать меня чужим мужчинам!

Радость вспыхнула и тут же погасла. Волчица, прижав уши, сделала рывок. Я увидела перед собой развёрнутую пасть и машинально прикрылась рукой, сжавшись в комок и закрыв глаза.

В следующие секунды звуки и запахи вокруг перемешались: грохот, треск дерева, испуг, тонкий визг и грозный рык. И мой собственный вопль ужаса. Боль полоснула по руке. Открыв глаза, сквозь пелену я видела грозного серого хищника, прижавшего лапой волчицу. Поверженная, скуля и огрызаясь, она лежала на боку и прижимала уши, превратившись из смертоносного оружия в покорную собачонку.

Всё это я увидела, когда последние силы покинули меня. Слабость побеждала, я осела на пол, как осенний лист, сорванный ветром. Звуки и запахи удалялись, пока не остались только тьма и тишина.

Рёв отошёл от постели своей подопечной, всё ещё находившейся без сознания. Чувство вины грызло его, причиняя почти физическую боль.

Сонный порошок, подсыпанный в вино. Как он мог не почувать его! А ведь вполне способен был предугадать, что Асейя не успокоится и попытается устранить соперницу, обезобразив её.

Рэв чуть заметно вздрогнул, на секунду представив, что стоило ему опоздать, и эта девочка с бледным лицом, сравнявшимся цветом с наволочкой и простынёй, на которых спала, одурманенная травами, дарящими забвенье, исчезла бы навсегда. По его недосмотру, его вине.

— Я так и не понял, как смог очнуться и успеть вовремя, — сказал он вслух, не поворачивая головы и всё ещё надеясь, что сейчас его служанка откроет глаза и закричит. Он подойдёт ближе, приобнимет её за плечи в знак утешения и скажет, что всё позади. Асейя больше не переступит порог этого дома, а Леотина никуда отсюда не уйдёт, пока сама того не захочет. Конечно, речь идёт просто о предоставлении убежища, о покровительстве, за которое Чужая должна будет заплатить. Подумать только, подругу, скрашивающую его дни и ночи последний год, он выгнал ради девчонки с дрянной кровью!

— Я думаю, это чутьё охотника или воина. Оно обостряется, когда от этого зависит жизнь близкого, — ответила Ясмينا, стоя спиной к окну.

— Не тот случай!

— Вы не были близки?

В голосе Ясмины Рэв уловил насмешку. Если дело касалось чьего-то состояния, физического или душевного, лазари всегда знали ответ, даже ещё не задав вопрос.

— Это дело ближайшего будущего, — коротко отрезал он, чтобы закрыть тему.

— То есть, мне исключить её из списков девушек для обряда Плодородия?

— Сама видишь: она не в состоянии в нём участвовать.

Ясмина подошла ближе, почти задев плечом Рэва, и встала рядом, готовая исполнить долг, как и предписано оборотню, подчиняющемуся Стае. Хранительница традиций знала обычаи лучше кого бы то ни было и не упускала случая напомнить об этом собеседникам.

— Девушка почти здорова, через сутки от её физических ран не остается и следа.

— Тебе её не жалко? — спросил Рэв, глядя на точечный профиль пленницы. И поспешил ответить сам, не дав вставить Ясмине и слова: — Я оставляю Леонтину себе. Можешь считать мои слова официальным подтверждением прав на служанку.

— Пока она девственна, решать её судьбу будет Стая, — с улыбкой произнесла Ясмينا и, взяв саквояж, направилась к двери, чтобы обернувшись ещё раз, произнести: — А насчёт пятен на бёдрах у вас обоих, думаю, это результат связи. Межвидовые соития часто приносят нечто подобное. Особенно, если протекают не так, как должно. Я вернусь за ней послезавтра.

— Можешь не приходить.

— И тем не менее я должна убедиться, что девушка тобой инициирована. И больше не годна для обряда.

Ясмина посмотрела вполне серьёзно, серые глаза отливали металлом. Это была последняя отсрочка. В глубине души Рэв был рад, что ему не оставили выбора: с одной стороны, Стая, с другой — черноволосая дева с певучим именем. Все хотели от него одного и того же. Даже совесть, всегда ворчавшая, когда он поступался чьими-то интересами ради дела, и та в этот раз молчала.

— Никаких следов магии? Уверена?

— Без всяких сомнений. Или это нечто такое, что я не могу уловить. Но шансы на второй случай минимальны.

Ясмина, не прощаясь, покинула комнату, оставив мужчину наедине со спасённой. Рэв подошёл ближе и провёл рукой по ране на предплечье девушки. Она уже затягивалась, краснота и опухоль спадали. Не верить словам Ясмины оснований не было.

И всё же пятно на его левом бедре, выглядящее как ожог, временами пульсировало и болело, а сейчас, рядом с черноволосой, молчало, будто его и не было.

Девушка крепко спала в его собственной постели, укрытая тонкой накидкой, только подчёркивающей соблазнительные изгибы её тела. Рэв медленно откинул полог и дотронулся до бедра девушки, которая тут же отвернула голову и пробормотала что-то неразборчивое.

Мужчина выждал несколько секунд и убедившись, что девушка продолжает пребывать в мире грёз, аккуратно приподнимал край туники, пока не увидел то, что искал. На белоснежной коже, словно печать или клеймо, алело круглое пятно. Оно было теплым, но не обжигающим. Словно почувствовав зов, откликнулось и его метка, сделавшись настолько горячей, что могла запросто прожечь ткань брюк.

Девушка застонала. Рэв почувствовал нестерпимое желание лечь сверху и завершить начатое. Она и боли не почувствует, да и сопротивляться не будет, даже если очнётся. Мягкая, податливая, тесная...

При воспоминании об их связи в ночь молодого месяца, Рэва бросило в жар. Он дёрнул её тунику за вырез, скрывающий полные груди. Раздался треск ткани. Мужчина провёл пальцами по обнажённой нежной коже, еле касаясь её. От черноволосой пахло опьяняюще, будто он стоял в яблоневом саду, в самую пору сбора урожая.

Девушка снова пробормотала что-то неразборчивое и всхлипнула, так и не раскрыв век.

Оборотню стало не по себе от вида её беспомощности. Служанка, предназначенная ему как подарок за былые заслуги, волновала его больше, чем Рэв того хотел. Он не считал себя слабым и не любил слабостей в других, но при виде этой черноволосой девушки, чуждой его виду, мужчине хотелось оберегать и одновременно терзать её. Доводить до слёз, вытаскивать на поверхность дурные привычки, чтобы самому скорее разочароваться в Леонтине.

Стоило мысленно произнести её имя, похожее на журчание ручья, как произошло отрезвление. Рэв с жалостью взглянул на свою добровольную пленницу, провёл рукой по гладким блестящим волосам, рассыпавшимся по белоснежному белью, и бережно укрыл девушку, натянув покрывало так, чтобы скрыть аппетитную добычу от своего ненасытного взора.

Леонтина, кем бы она ни была на самом деле, сейчас нуждалась в отдыхе и восстановлении сил. Жестоко было бы использовать девушку, как ребёнка куклу, с которой захотелось поиграть. Ту не страшно сломать. Куклы заменяемы, а женщины?

Ещё вчера он был уверен, что так и есть. Самки любого вида нужны, чтобы продлить род и укрепить положение, породнившись семьями с помощью брака между детьми. Их физические данные должны быть привлекательны, а остальное — не так важно. Ещё женщины крайне полезны, когда хочется отвлечься и снять напряжение.

“Так было, так и останется. А временное помешательство скоро пройдёт”, — решил Рэв и, не глядя больше на спящую, отправился вниз, в тишину гостиной, временно переоборудованной под кабинет.

Глава 14

Когда я очнулась — первый раз после того страшного случая с оборотом Асейи — то с удивлением обнаружила себя в чужой комнате. Я только присела в постели, чтобы осмотреться и понять, что же произошло, как на пороге возникла Боана с укоряющим взглядом. Она подумала, что пока никто не видит, я намерена встать и добраться до собственной кровати.

— Как можно?! Лежите, пока вам вставать не разрешат, — запрочитала она, картинно всплеснув руками и грозно хмуря брови. — Куда вас понесло?

— Где я? — вместо ответа спросила я, оглядываясь по сторонам. Всё вокруг меня было большим, добротным и основательным: кровать, на которой я лежала, два кресла, настолько огромных, что севший в них мог бы утонуть в мягкой обивке. Низкий стол для кофейных чашек был завален исписанными бумагами, аккуратно сложенными в одинаковые пачки.

В то же время обстановка носила мужской характер: никаких фривольностей в виде полупрозрачных занавесей, гобеленовых картин, изображающих солнце, реку или другие жизнерадостные события.

Я уже догадалась, чья это комната, когда Боана, убрав налипшие волосы со лба, с благоговением произнесла:

— Хозяин великодушно уступил вам свою спальню.

И сделала паузу, выжидательно смотря на меня, будто надеялась, что я упаду на колени и вознесу хвалу Богам. Или скорее волчьему идолу, кусающему Луну, отчего та становится меньше, пока совсем не истает.

— А где он сам? — спросила я с замиранием сердца. Простой вопрос, а сколько за ним стоит! Робкая надежда на то, что он мной интересовался и страх, что так оно и было. Меня раздирали противоречивые чувства, которые я попыталась скрыть, переведя тему разговора.

— Рана на руке совсем затянулась, — удивлённо отметила я, проведя пальцами по неглубокому шраму на предплечье, выглядящему так, будто с момента укуса прошло не менее полугода. Он совсем не беспокоил меня, но являлся причиной другого страха, пробиравшего до костей. Я наверное до конца своих дней буду видеть перед глазами разинутую волчью пасть с острыми отполированными клыками!

— Что вы так побледнели, госпожа? А ну, прилягте! Говорила я Рэву: рано вам ещё прогулки совершать, да Волкодлаки женщин не слушают. Даже из своей Стаи, — вздыхала Боана, усаживая меня спиной на взбитые ею подушки. — Я сейчас велю приготовить вам чернильную похлёбку. Яйца и ягоды самбуки сразу придадут вам сил.

Так я и поступила, с благодарностью доверившись чужой заботе. Похлёбка оказалась приятной на вкус и пахла чаем с абрикосовыми косточками. Стоило отдать Боане ещё тёплую деревянную пиалу, как захотелось откинуться на подушки и снова заснуть. Сама мысль о том, что лежу в Его постели, заставляла меня желать оставаться в ней как можно дольше.

— Пospите ещё полчаса, госпожа. Я вас разбужу. Надо будет подготовиться к выходу.

Я зевнула и повернулась на бок. Хотела было спросить, о каком выходе говорит Боана, но веки смежились, и весь белый свет померк.

Проснулась я от лёгкого толчка в плечо. Боана сидела рядом и улыбалась с материнской нежностью, будто я её ребёнок, опаздывающий на очередной урок к строгому учителю.

— Куда мне надо ехать? — спросила я с затаённым страхом.

— В городской парк, приватную зону. Хозяин будет ждать вас там через час.

— Зачем?

— Этого мне не докладывали, — Боана отвела глаза и вздохнула. Её рука накрыла мою ладонь и некрепко сжала. Я посмотрела экономке прямо в глаза:

— Меня отправляют к лазарям?

Повисла пауза, во время которой Боана продолжала загадочно улыбаться, чтобы потом коротко отрезать:

— Уверена, нет.

— Тогда зачем мне куда-то ехать?

Вопрос повис в воздухе, да так и остался без ответа.

— Лучше скажите, что вы наденете? Посмотрите наряды, которые я принесла и выберите.

Как только я встала, мир вокруг завертелся как карусель на ярмарке. Балансируя, чтобы не рухнуть обратно на постель, я закрыла глаза. И тут же окунулась в мир новых запахов: справа от меня тянуло сиренью, по центру располагался цветочный луг, согретый закатным солнцем. Я на ощупь сделала шаг влево, откуда тянуло лесной прохладой.

— Вам этот цвет очень пойдёт, — услышала я голос Боаны и открыла глаза. На кресле напротив лежало темно-зелёное платье с запахом, вырез которого был украшен синей вышивкой.

С помощью распорядительницы я облачилась в новый наряд. Парадное платье выглядело прекрасно, я ощущала себя королевой, и одновременно могла позволить себе свободно двигаться, не боясь запутаться в длинном шлейфе. Широкие рукава, доходившие до запястья, придавали элегантности. Казалось, можно взмахнуть ими и взлететь как птица. Покружить над городом и опуститься на порог дома. Больше возвращаться мне было некуда.

Промелькнула мысль: что если бы Найджелл увидел меня сейчас? Узнал бы свою молчаливую и робкую невесту? Скорее всего, не захотел бы иметь с ней ничего общего.

— Что вы погрустнели? Зеркало есть в гостиной. Хозяин не держит его в спальне.

И она увлекла меня вниз по лестнице в ту самую комнату, где мы пили чай при первом знакомстве. Кофейный столик был теперь завален книгами и бумагами. Проследив за моим взглядом, Боана заметила:

— Пока кабинет Рэва не отремонтирован, хозяин работает здесь. Пойдёмте к зеркалу, госпожа.

Я с любопытством заглянула в серебряную гладь и почти не узнала леди, смотрящую на меня оттуда. Наряд и верно вернул мне спокойствие и достоинство, извлёк их из глубины души, куда те попрятались, стоило повозке въехать на улицы новой столицы. Девушка с той стороны стекла не знала бед и ничто не колебало её уверенность в себе.

— Я же говорила — замечательно! — вздохнула Боана. В зеркале я поймала её восхищённый взгляд. — Теперь волосы расчешите и вперёд!

Сделать хвост мне не позволили, хотя эта была очень удобная причёска. Особенно если работаешь по дому.

Провожаемая одобрительными возгласами Боаны, я села в закрытую повозку. Снаружи она была такой же серой, как и дома вокруг, но внутри я удобно устроилась на небольших подушках бордового цвета. Ноги покоились на мягкой подставке, что делало поездку ещё более комфортной.

Однако на сердце у меня всю дорогу было беспокойно. Не помогали отвлечься ни ярко освещённые высокими фонарями улицы, ни нарядные вывески, которые облепили стены домов и магазинов в преддверии праздника Плодородия. Хмурое небо меркло, возвещая приход тёплой ночи.

На улицах, запруженных прохожими и открытыми серыми повозками, было чисто и опрятно. Я так и не заметила праздных шатаний или весёлых гуляк, предвкушающих приятный вечер в тёплой компании. Томас, который правил самоходной каретой, сидел, отделённый непроницаемой перегородкой, а я жалела, что не могу поговорить с ним и хоть немного отгородиться от невесёлых и тревожных мыслей.

Ехали мы не настолько долго, чтобы я смогла скрыть дрожь рук, в предвкушении встречи с хозяином вне стен дома, не предвещавшей мне ничего хорошего. Иначе, зачем такая конспирация?

Окружённый толстыми стенами, более подходящими замку, чем месту прогулок и развлечений, внутри парк был действительно красив, словно вырванный из сказок моего детства. Ручьи, декоративные мельницы, искусственные пруды — повсюду была вода и напитанная ею изумрудная зелень.

Часть парка, через которую лежал наш путь, была разбита на маленькие садики с беседками, предназначенными для двоих. Они отделялись друг от друга непроницаемыми стенами, декорированными плющом. Однако вся эта пастораль казалась мне ненастоящей и слишком приторной для суровых обитателей Вервика. Здесь могли бы жить феи и эльфы, если бы они вообще существовали. Но никак не Волкодлаки.

Томас — курчавый и рыжеволосый дородный мужчина, спешившись, пояснил, что мы направляемся

в другую зону парка, более соответствующую натуре оборотней.

— Для кого же нужны все эти садики? — спросила я мужа Боаны, бросая мимолётные взгляды на прогуливающихся по главной аллее. Их лица были сосредоточены и не улыбочивы даже во время отдыха. Похоже, веселье без весомой причины считались здесь чуть ли не грехом.

— Для хозяев и их женщин. Иногда всем нам хочется казаться кем-то ещё. Людоволки не исключение, — ответил он и замолчал. В противовес супруге Томас был по большей части немногословным, но зато каждое его изречение можно цитировать, если желаешь прослыть натурой с философским складом ума.

— Ты знаешь, зачем я здесь?

— Я бы мог ответить: для встречи с хозяином, но это ведь не то, что вы, госпожа, хотите услышать. А настоящая причина мне не известна.

Я опустила голову, смотря себе под ноги, гораздо проще размышлять и, в конце концов, нащупать верную дорогу.

На очередной развилке мы свернули направо и углубились в чащу. Грозный тёмный лес молчаливо подступал к дороге, освещённой фонарями как стражами. Мне хотелось прижаться к моему спутнику, но я взяла себя в руки и лишь изредка оглядывалась, чтобы убедиться в нашем полном одиночестве.

Вскоре мы вновь свернули направо и вышли к одноэтажному добротному деревянному домику, который выглядел так, будто стоял здесь с незапамятных времён.

— Здесь я вас покину, Леонтина, — произнёс Томас. И, слегка поклонившись, добавил на прощанье: — Не бойтесь, входите в дом. Вас там ждут.

Он зашагал прочь так, словно только что проводил меня до моей комнаты, а вовсе не оставил одну в лесной чаще.

Впрочем, успокоившись и сделав пару глубоких вдохов, я вернула себе способность трезво мыслить и уловила запахи жареного мяса, доносившиеся из дома. Где-то высоко ухнула сова. Я задрала голову и между верхушками высоких деревьев увидела кусочек тёмного неба, густо усыпанного проступившими к ночи звёздами. Луна наливалась силой, приближалось полнолуние.

— Уже послезавтра, — услышала я знакомый мужской голос с хрипотцой и вздрогнула, отпрянув от неожиданности. Рэв стоял совсем рядом, стоило руку протянуть и можно до него дотронуться. Одетый в свободные брюки и рубашку без пуговиц, но с короткими рукавами он смотрелся здесь так органично, словно всегда был частью этого мира. Я, выросшая на земле Илиоса, чувствовала себя чужестранкой в нарядном шёлковом платье.

— Вы меня испугали, хозяин, — ответила я, уняв сильно бьющееся сердце, и избегая смотреть на оборотня. От него веяло мощью, скрытой силой, способной поставить на колени весь окружающий нас микромир. Мне и самой захотелось припасть к его ногам и снова попросить об одолжении сделать меня полноценной женщиной. — Я не заметила, как вы подошли.

— Конечно, я умею быть бесшумным. Пойдём поужинаем и заодно поговорим, — хмуро посмотрев на меня, оборотень предложил руку. Как равной. Я ощутила себя нелепо разодетой куклой, только и способной, что сидеть на стуле, позволяя другим восхищаться изяществом платья и густотой гладких чёрных волос.

Рука Рэва была горячей, от него пахло костром и тем самым мясом, которое я учуяла, подойдя ближе к дому. Я молила Богов: своих и чужих, чтоб мой спутник не заметил дрожь, которая не переставая была меня в его присутствии. Я ловила себя на том, что это идеальное место, чтобы соблазнить мужчину. И почему я не догадалась выбрать наряд попроще, поестественнее?

Он ввёл меня в дом, состоящий из одной просторной комнаты, освещённой масляными лампами, развешанными по стенам. Большая кровать, расправленная и предназначенная для двоих, заставила меня смущённо опустить взгляд. Я почувствовала ликование: конечно, я здесь не для того, чтобы готовиться к обряду Плодородия. Сегодня у меня будет другое предназначение!

Однако в доме мы не задержались. Ведомая крепкой рукой, я вышла через заднюю дверь на просторный двор. Лес подбирался совсем близко, и крепкий стол со скамьями стояли под раскидистыми нижними ветками высоченных деревьев.

Поодаль в железной жаровне тлели угли, пар поднимался, обдавая решётку, на которой лежали куски мяса. Я уловила тонкий запах свежей крови, витающий в напоенном смертью воздухе.

— Что здесь произошло? — спросила я с лёгким страхом. Почему-то мне казалось, что смерть была быстрой и не нарушала естественный порядок вещей. Очень хотелось бы спросить у хозяина о причинах моего такого тонкого обоняния, но я не решалась. Из-за того, что покажусь странной, смешной или хуже того, лживой.

— Что именно? — взглянул на меня оборотень с подозрением и, так крепко сжав мою ладонь, что мне стало больно.

— Кто-то умер совсем недавно, — пролепетала я, забыв об осторожности. — Смертью пахнет.

— Откуда идёт запах?

Я облизала пересохшие губы и постаралась сосредоточиться. Закрыв глаза, подняла голову и пару раз глубоко вдохнула. Ароматы молодой листвы, жареного мяса, углей с можжевельными ветками — всё это на поверхности, бьют в нос с ходу. А под ними, если сосредоточиться, пройти сквозь дымную завесу, запах молодого некрупного существа, отрока, который уже никогда не достигнет зрелости. Свежее мясо и слитая кровь, пропитавшая землю.

— Оттуда, — я указала рукой в сторону жаровни.

— Что ещё можешь сказать? — спросил Рэв, отпустив мою руку и пристально смотря в глаза. Он стоял совсем близко, и от этого я не могла думать ни о чём другом. И всё же, хозяин ждал от меня ответа:

— Это вы убили. Животное, — осенила меня догадка.

Он кивнул и на губах впервые заиграла полуулыбка, сделав лицо чуть менее суровым:

— Оленя. Им сейчас и поужинаем. Я нечасто сам готовлю, так что не сердись, если мясо будет сыроватым.

— Зачем было трогать детёныша?

— Однолетнего самца, если быть точным. — Хозяин пожал плечами и продолжил заученным тоном, каким взрослые объясняют прописные истины несмышлёнышам: — Он был слабым и только тормозил своё стадо. Таким не место в обществе. Каким бы оно ни было и из кого бы ни состояло. Считаю, что он всё равно бы умер, только со временем и не так быстро. Прошу к столу, всё уже готово.

Я отошла к скамейкам и присела, наблюдая с какой ловкостью хозяин переворачивает мясо, прилипшее к решётке, и, разложив по тарелкам, ставит на стол. С такой же грацией и скоростью передо мной появился стакан с холодным напитком винного цвета.

На мой удивлённый взгляд Рэв ответил:

— Нет, сегодня нужна ясная голова. Это клюквенный морс.

Я пригубила напиток, он показался мне вкусным и чем-то напоминал компот из летних ягод. И всё же я немного сожалела, что сегодня не удастся испить вина, дарящего словам лёгкую непринуждённость, лишённую смысла.

Трапезе не хватало свечей, но вместо них Рэв принёс пару масляных ламп, поставив их чуть поодаль.

— Как мясо? — спросил он позже, когда я отложила нож и вилку.

— Вы же видите: на тарелке ничего не осталось, — ответила я с улыбкой, забыв добавить “хозяин”. Спohватившись, я почувствовала, что краснею. — Я забылась, извините, хозяин.

— Оставим это на сегодня. Здесь нет хозяев и слуг.

Рэв отвёл глаза, словно собираясь с мыслями, и продолжил после небольшой паузы:

— Я очень виноват перед тобой, Леонтина, и намерен это исправить. В старой версии закона, принятого сразу после Переселения, я нашёл любопытную деталь: если присланная девушка не устраивает хозяина и при этом осталось нетронутой, он вправе в течение десяти дней потребовать замену. Но только на одну из прибывших. Закон расширялся и добавлялся, однако за три года это положение не было отменено. Формально, оно действует и сейчас. Я собираюсь вернуть тебя домой, к семье.

Рэв замолчал. Я чувствовала на себе его выжидательный взгляд, но не могла поднять глаз. Меня обуревали противоречивые чувства: я хотела вернуть себе честь и достоинство, положенные мне по

праву и быть там, где их могли оценить. Но в то же время, я не выполню миссию и дома меня ожидает бесконечный позор. Никто не поверит, что я нетронута. Да это и не так. Замужества мне не видать даже с полукровкой. В жрицы, и те не возьмут!

Распалённая отваром Вожделения, я пригожусь только в местном Доме Свиданий, в качестве одной из торгующих телом. Может, даже там на меня спроса не будет, поскольку забракованная оборотнями, не может быть нормальной.

Моя судьба промелькнула перед глазами: опустившаяся, умоляющая каждого мужчину притушить пожар, бушующий внизу живота. И после не получавшая даже минутного облегчения, обречённая на страдания и презираемая последней Пришлой я буду снова искать следующего клиента. Пока не загнусь в подворотне от инфекции или ножа очередного любовника.

Я не заметила, как слёзы начали бежать по щекам и капать на руки осколками надежды.

— Что с тобой? Ты не рада?

Я подняла глаза и ответила как можно спокойнее:

— Чему мне радоваться? Что я бракованный товар?

— Я же объяснил, что это только повод. Я виноват в том, что дал повод Асейе причинить тебе вред. Она могла убить тебя. И это в моём доме, призванном защищать вверенную мне девушку! Не говоря уже о том, что я ещё раньше повёл себя хуже собаки, бросающейся на кость.

— Я сама предложила вам своё тело, — ответила я, следя за тем, как вздуваются вены на его шее и мощных руках. Мне хотелось дотронуться до них, провести пальцами по лицу, стерев с него выражение гнева и вины.

— Это меня не оправдывает. Я мог бы просто извиниться, и мы бы дальше пили морс, улыбаясь друг другу. А послезавтра за тобой придут и отправят на обряд Плодородия в качестве жертвенной девы. Я же предлагаю другую судьбу, для которой ты и рождена.

— Только Боги знают, для чего мы появились на свет, — тихо возразила я.

— Твои или мои? — Рэв подошёл близко и подняв меня, заглянул в глаза: — Ты ведь готовилась выйти замуж и родить законных детей, а не мечтала провести жизнь любовницей оборотня и его рабыней?

— Мне некуда возвращаться, — выдохнула я, загнипнотизированная искрами жёлтого огня. В них я видела отражение того желания, которое снедало меня уже пару дней. — Никто не возьмёт меня... замуж.

— У тебя был жених? Он же любил свою избранницу?

— Если бы любил, не отпустил бы. Никогда, — прошептала я, дрожа и прижимаясь к его телу.

— А ты его? До сих пор любишь? И хочешь отомстить? — глаза Рэва угрожающе сузились, но он меня не оттолкнул и не отошёл.

Мне стало нестерпимо душно. Так, будто я задыхалась в толще воды, не в силах сделать глоток воздуха.

— Нет. В моём сердце нет места трусам, — покачала я головой и протяжно выдохнула. Кожа горела огнём, хотелось скорее снять одежду и подставить разгорячённое тело лёгкому ветру, прилетевшему невесть откуда.

— Уверена? — хрипло спросил хозяин, обхватив руками моё лицо. Я кивнула. Он отпустил меня и отступил на шаг, скрестив руки на груди.

По мятущемуся взгляду Рэва я видела, что он колеблется.

— Почему я? Или тебе всё равно? — в голосе прозвучала издёвка, но меня было уже не обмануть. Я видела, как он хочет меня и разделяла это желание. Пятно на бедре горело огнём, который распространился и на низ живота.

— Я не знаю, — тихо ответила я и добавила еле слышно, прошептав одними губами: — Вы не хотите меня? Так и скажите!

Через секунду, словно подхваченная вихрем, я оказалась прижатой к нему. Рэв запрокинул мне голову и заглянул в глаза:

— Где хочешь? В доме?

— Нет. Я люблю лес. Здесь.

Рэв отстранился и стянул с себя рубашку, бросив на землю. Я изнывала от нетерпения, когда он бережно опустил меня на неё. Трава оказалась мягкой и совсем не колола тело. Сбросив мокасины, я наблюдала, как он раздевается, любуясь мускулистым телом и его мышцами, играющими под кожей.

На левом бедре оборотня красовалось такое же пятно, как и на моём. Я отметила это, но задавать вопросы сейчас совсем не хотелось, да и взгляд мой был прикован совсем к иному.

Его член и вправду оказался внушительных размеров. Я представила, как он будет скользить внутри меня, одновременно испугалась и сладко застонала в предвкушении.

Рэв потянул пояс на моём платье, оно раскрылось, подобно бутону цветка. Освободившись с его помощью от остатков одежды, я ощутила не страх, а лёгкое нетерпение. Истекали последние минуты моего детства, а я совсем о нём не жалела. В этот миг перестало существовать прошлое с его пустыми огорчениями, а будущее с возможными тревогами ещё не наступило.

Я с радостью ощутила на себе его тело и прижалась к нему, согнув ноги в коленях и широко разведя их, чтобы открыться навстречу новому, таинственному и пока ещё неизведанному, но от этого не менее желанному. Рэв гладил мои волосы и лицо, рассматривая их так, будто видел впервые.

Его лёгкие прикосновения к ключицам и груди лишь усиливали и без того жгучее желание. Хозяин дразнил меня и намеренно оттягивал проникновение. Я чувствовала его сильный член, еле касающийся моего лона, и из последних сил сдерживала себя, кусая губы, чтобы не умолять снова.

Взгляд Рэва приобрёл жёлтый оттенок, и на секунду мне показалось, что вместо превосходства и упоения властью в нём промелькнула нежность:

— Ты похожа на бабочку из Южных земель, — произнёс он, и в то же мгновение я почувствовала резкую боль, раздирающую изнутри. Хозяин не отводил от меня взгляда, а боль росла, постепенно усиливаясь от его небольших толчков. Он безжалостно разрывал меня. Мысленно я молила только о том, чтобы его член поскорее заполнил меня, и, может, тогда боль исчезнет. Я стонала, но не отстранялась, понимая, что должна через это пройти.

Рэв давал мне небольшую передышку, глядя по голове и нежно целуя шею, а потом проникал всё глубже, вызывая во мне новый стон и новую волну боли внизу живота, смешанную с горьким привкусом желания. Пятно на бедре сделалось ледяным, это приносило небольшое облегчение.

— Ты теперь моя бабочка, — произнёс Рэв, заглядывая мне в душу, и сделал сильный рывок вперёд. Я вскрикнула, запрокинув голову. Небо над головой грозило упасть на землю и раздавить меня, словно плитой. Широкобокая Луна проливала свой свет прямо в глаза, принимая мою жертву, древнюю как сама земля.

Боль утихала. Я чувствовала в себе член Рэва, дрожь своего тела и росшее желание двигаться своему мужчине навстречу.

— Тебе всё ещё больно? — прошептал он на ухо, нежно покусывая мочку.

— Нет. Пожалуйста, продолжай.

Он так и поступил. Сначала движения были неспешными, я покачивалась на волнах ни с чем ни сравнимого удовольствия, потом, поймав ритм, начала двигаться вместе с хозяином. Но мне хотелось большего, и я чувствовала, что ему тоже.

Повинуясь древнему инстинкту и знаниям, основанным на виденных мной мистериях, я закинула ноги на спину мужчины. Рэв привстал, опёрся на руки и, заглянув мне в глаза, резко нарастил темп. Глаза заволокло поволокой, по телу разливались волны, грозящие смыть меня в глубины сознания, где есть только я и Рэв, Луна и чёрный купол неба, усеянный звёздами.

Я слышала громкие стоны, и с удивлением обнаружила, что они принадлежат мне. Я кричала, двигаясь навстречу, чтобы хозяин не останавливался, он снова наращивал ритм, вбивая меня в землю, и наша бешеная скачка страсти всё продолжалась.

Я тянулась навстречу источнику наслаждения, пила из него сильными и мощными глотками, пока внутри меня не взорвалось огненное солнце, опалившее душу. Я выгнулась, закричав в голос, и спустя мгновение почувствовала, как меня изнутри заполняет мужское семя. Хозяин ещё раз подался вперёд и тяжело дыша, опустил на меня, сгребая в охапку.

Наши сердца бились так громко, что я удивилась, как сюда не сбежали все посетители удивительного парка, подарившего мне чудо перерождения. Я продолжала обнимать Рэва, прижимаясь к его обмякшему телу. Так мы и лежали какое-то время, слившись в одно целое, словно боялись разомкнуть объятия.

Темнота вокруг наполнилась звуками. Лес, словно большой великан, ожил ото сна.

Рэв вышел из меня и отстранившись, снова заглянул в глаза:

— Как ты, бабочка? Я немного помял твои крылья.

Прикосновения к волосам, то, как он пропускал их между пальцами, были мне очень приятны.

Я чувствовала, как по внутренней поверхности бёдер течёт кровь, смешанная с семенем.

— Хорошо. Они снова расправятся, — прошептала я и робко улыбнулась. — Спасибо.

Он лёг на спину рядом, слегка сжав мою ладонь в своей, и негромко рассмеялся.

— Знаешь, для меня это тоже впервые. Я раньше никогда не имел дело с девственницами.

И посмотрев на меня, широко улыбнулся. Вокруг глаз образовались лучики, по которым я провела кончиками пальцев. Он поймал их и слегка прикусил. Я картинно взвизгнула, и мы оба звонко рассмеялись.

Потом, как по команде уставились в небо и затихли, погружённые каждый в свои переживания. Там, в звёздной вышине на нас равнодушно смотрела Луна, испуская тонкие нити серебряного света.

Глава 15

Я жалела, что ночь не может длиться вечно. В этом искусственном лесу свершилась настоящая сказка, по крайней мере, со мной. Я познала мужчину и другую себя, свободную от навязанных правил и пут общественного долга, которым прикрывались окружающие, когда хотели избавиться от неудобного.

Я лежала рядом с тем, кто ещё недавно вызывал неприязнь, и чувствовала лишь благодарность. Мы почти не разговаривали после, это было бы лишним.

Когда оба остыли от нахлынувших чувств, Рэв молча подхватил меня как пушинку, оставив вещи, помеченные кровью, лежать на примятой траве. Я не хотела спрашивать, куда он меня несёт, чтоб не нарушить магию лунного света, невидимыми нитями связавшего нас.

В доме было теплее. Масляные лампы отбрасывали на стены искажённые тени. Рэв аккуратно опустил меня на разобранную ко сну кровать и бережно, словно больного ребёнка, накрыл белоснежным одеялом.

— Спи, бабочка.

— А вы? Здесь достаточно места для двоих.

— С тебя пока хватит, — ответил он и провёл пальцами по шее, где кожа всё ещё горела огнём от его поцелуев. — Останутся следы. Я лучше поохочусь. В ночи полной Луны грешно спать. Надо насытиться либо зверем, либо женщиной. Этот месяц принёс мне и то, и другое.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб. От оборотня ещё пахло моим желанием и кровью.

— Не бойся, тебя никто не обидит, — сказал он на прощанье, и я провалилась в сон.

Проснувшись, когда солнце было высоко в небе, я огляделась и позвала хозяина. В доме не чувствовалось присутствия мужчины. Я была здесь одна.

Меня согревали воспоминания о вчерашней ночи. Тело ещё помнило тяжесть его тела, внизу живота остался маленький комочек — отголосок боли, на бёдрах застыла кровь, смешанная с семенем.

Я встала и взяла лежавшее на столе полотенце, смочив его в бочке с холодной прозрачной водой, стоявшей тут же. Обтирания пошли на пользу и позволили окончательно стряхнуть с себя дремоту. Проводя холодным полотенцем по рукам и внутренней поверхности бёдер, я представляла, что это хозяин касается меня.

На губах расплзлась улыбка, в груди стало тепло, а в кончиках пальцев я ощутила лёгкое покалывание. Имя оборотня, которого ещё недавно ненавидела, теперь вызывало во мне трепет. Я твёрдо решила сказать при случае, насколько для меня важно его благодеяние. Объясниться, что дело не в капризах и не в похоти, не в созревшем для мужских ласк теле, а в том, чтобы принадлежать одному. Тому, кого выбрала. И неважно почему.

Обнажённой я вышла на задний двор, позволив солнцу меня согреть. Зелёное платье так и осталось лежать там, где Рэв овладел мной. Оно было помятым и испачканным, на подоле растеклись бурые пятна.

Убедившись, что поблизости никого нет, я подобрала вчерашний наряд и бельё, отброшенное чуть поодаль. Оно почти не пострадало. Надев исподнее, я почувствовала себя защищённой.

Благодаря науке Боаны, застирать платье не составило труда. Занятая механической работой, я то и дело посматривала на двери и прислушивалась. В голове было пусто, чему я была очень рада. Меня бросало то в жар, то в холод.

Платье, разложенное на скамье, быстро высохло на солнце. Надев его, я присела за стол, на котором ещё стояли тарелки с остатками вчерашнего ужина.

Есть не хотелось, живот продолжал ныть. К тому же, я не знала, что делать дальше. Уходить прочь и самой искать дорогу в дом Рэва или ждать, пока хозяин за мной вернётся. Последнего я боялась больше всего: в этом случае надо будет думать, как поступить.

Я сомневалась в своих силах и способностях. Шпионить и докладывать втихаря третьему лицу, совсем мне неизвестному, но уже заранее неприятному, представлялось гадким.

Я кусала губы, уговаривала себя собраться и перестать жить эмоциями. Сто раз повторяла про себя, что оборотню нет до меня никакого дела. Разве равнодушный мужчина бросил бы женщину после

первой ночи одну в парке?

Искусственный лес манил своей непроходимостью. Хотелось сбежать и бродить в нём, пока не окажусь как можно дальше отсюда. Я понимала, это иллюзия. Как и многое, что связало нас с Рэвом прошлой ночью.

Чувство безысходности пронзило грудь. Некуда бежать, везде найдут: либо хозяин, либо члены Ордена. Я для них теперь лакомый кусочек. Скоро со мной свяжется посредник, и начнётся моя служба на благо освобождения Родины. Мне хотелось забиться в свою “раковину” и сделаться незаметной, но я знала, что это невозможно. Ловушка захлопнулась, по крайней мере, для меня. Я бабочка в стеклянной банке.

Поджав ноги и смотря в пустоту, я не помнила, сколько времени так просидела.

— Заждалась? — Ладонь хозяина опустилась мне на плечо, заставив вздрогнуть. Я обернулась и вскочила на ноги, прижав руки к груди.

— Вы испугали меня, хозяин.

— Прости, задержался, — кивнул Рэв и, посмотрев на меня внимательным взглядом, спросил: — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Я теперь забеременею?

— Нет, — коротко отрезал Рэв. Его голос стал жёстче. — Для этого необходим специальный обряд, который проводят лазари. И то не всегда успешно.

Я опустила глаза, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

— Ладно, не забивай голову. Пойдём домой.

Рэв произнёс это с ноткой усталости, словно мы возвращались с увеселительной прогулки, утомлённые затянувшимся свиданием.

Я шла рядом, стараясь не смотреть на спутника, и почти не видела дороги. Слова благодарности застряли в горле. Хозяин тоже не поддерживал разговор, я даже не чувствовала на себе его взгляда, словно оборотню было всё равно, кто шагает с ним по одной аллее.

Обратный путь занял немного времени. Мне пришлось подстраиваться под быстрый шаг мужчины и делать это, не уронив достоинство и не переходя на гон. Я, конечно, теперь служанка и рабыня, но за мужчиной никогда не бегала и начинать была не намерена. Даже если позволила ему познать себя без всяких обещаний и заверений в нежных чувствах.

Я вздохнула, погружённая в собственные переживания, и чуть было не натолкнулась на Рэва, пропускавшего меня вперед у кованых ворот парка, где заканчивалась сказка и начиналась серая улица.

Обратный путь мы проделали вместе: в одной закрытой повозке, сидя напротив друг друга. Я избегала смотреть на хозяина и уставилась в окно, ожидая, что если Рэву будет угодно, он сам заговорит со мной.

Вскоре так и произошло.

— Посмотри на меня, — сказал хозяин таким тоном, что мне тут же захотелось повиниться во всех грехах. Даже тех, о которых я ещё не знала.

Он сидел, откинувшись на подушки, со скрещенными на груди руками и пытливо смотрел в глаза.

— Откуда у тебя пятно на бедре? Видела же, что и у меня такое же. И появились они, я так понимаю, одновременно. После нашей первой близости. Там, на берегу.

— Я не понимаю, что они означают, — спокойно ответила я, не отводя взгляда. Меня прошиб ледяной пот, я не могла вдохнуть и внятно ответить, словно тело мне больше не принадлежало. В голове скакали обрывки мыслей: знает или догадывается? И как мне быть: всё отрицать, сделать вид, что оскорблена, а может, упасть в ноги и повиниться?

— Что ты знаешь об этих пятнах? — одна бровь хозяина поползла вверх. Он по-прежнему не сводил с меня глаз. Разговор напоминал допрос, и я чувствовала себя заранее осуждённой. Тем более что понимала: я действительно виновата.

Пятно вызывало смутное беспокойство и уверенность, что я всё-таки что-то напутала в приготовлении зелья. Увидев вчерашней ночью точно такую же метку на левом бедре Рэва, я

испугалась ещё больше. Совпадением это быть не могло!

Хозяин наморщил лоб и перевёл взгляд в окно:

— Ясмина говорит, что это последствия межвидовой связи, но ранее такого она не у кого не видела. В тот вечер, когда Асейя решила на нападение, я проснулся от сильного жжения в бедре. Как раз там, где появилось таинственное пятно. Оно сделалось горячим.

Рэв замолчал, я не хотела прерывать его мыслей, чувствуя облегчение от того, что оказалась вне подозрений. Я смотрела на посеребрённые виски мужчины и чувствовала, что сама готова вцепиться в рыжие пряди Асейи, посмевающей претендовать на то, что теперь принадлежит мне! Разве метки — не лишнее тому доказательство?

Хозяин, поколебавшись, продолжил:

— В последний раз, когда мы были близки с Асейей, пятно тоже жгло огнём, — задумчиво произнёс он и снова уставился на меня с подозрением: — Ты видела у кого-нибудь подобные знаки? Среди своего народа?

Я отрицательно покачала головой. Рэв наклонился ко мне. В глубине тёмных глаз заплескали жёлтые искры:

— Если узнаю, что это ваша дрянная магия виновата, не пощажу, — прорычал он так тихо, что у меня мороз прошёл по коже. — То, что произошло между нами, больше не повторится. Ты просила — я исполнил.

Меня душили невыплаканные слёзы. Мог ли тот, кто ещё вчера был так нежен, в одночасье ошестиниться и стать холодным, бесчувственным палачом?

Ужас моего положение заключался в том, что, по крайней мере, меня действие отвара Вожделения не отпустило. Внизу живота в ответ на слова хозяина проснулся тёплый комочек. Я хотела принадлежать этому суровому мужчине с нахмуренными бровями снова, даже если после он и впрямь избавится от меня, свернув шею. Болезненное влечение не желало слушать логику и чувство самосохранения, призывающее бежать отсюда как можно дальше.

— Сегодня нам нанесёт визит Ясмина, чтобы убедиться в твоей непригодности для обряда Плодородия. Не бойся, она просто задаст тебе ряд вопросов. Отвечай честно, и всё будет закончено быстро.

Больше он ничего не добавил и, даже не посмотрев в мою сторону, торопливо покинул остановившуюся у парадного входа повозку. Мне было обидно и горько от такого нарочитого пренебрежения.

Я рассеянно отвечала на приветствия Боаны и старалась не замечать ухмылки слуг за своей спиной. В помятом платье, с тёмными кругами под глазами, я, должно быть, дам им повод для пересудов на ближайший месяц.

— Вам лучше отдохнуть, госпожа, — коснувшись моей руки, мягко повторила экономка, наклонившись и поправляя платье на моих плечах. — Вечером придёт вера Ясмина, будет вкусный ужин из рыбных потрошков. Кухарка уже вымачивает их в винном уксусе. Сейчас Сильвия и Виктор отправятся на базар за тминскими высушенными травами, и вечером вы сами убедитесь, что ничего вкуснее не пробовали.

Мы поднялись на второй этаж. Каждый шаг приближал меня к спальне, где я останусь наедине со своими переживаниями.

— Я хочу пойти с ними, — внезапно вклинилась я в стрекотание Боаны.

— На базар? — уставилась на меня распорядительница так, будто я сморозила ужасную глупость. — Это вам не по рангу. Там ужасная толкучка, все ноги оттопчут. Госпоже лучше отдохнуть.

Словно в подтверждении её слов, тело налилось тяжестью. Но отступить я была не намерена. Остаться в тиши спальни и лежать, глядя в потолок, прокручивая в голове варианты туманного будущего, я не собиралась.

— Только переоденусь, — произнесла я громко, давая понять, что всё равно настою на своём.

— Что вы там намерены искать? — остановившись, спросила Боана с прищуром уставившись на меня. — Этот дом очищен от следов магии. Вам надобно забыть о прежних привычках.

Последние слова она произнесла тихо, когда мы уже свернули в закуток перед моей спальней.

— Я больше не обладаю Даром, и в колдовстве нет никакой необходимости.

Ответив так, я скрылась за дверью комнаты, закрыв её перед носом экономки. Горечь от потери Дара снова заполнила сердце. Проверять не было нужды, я чувствовала, что связь с обратном изменила не только мой статус и тело, но и способности. Дочь из дома Саламандр, укрощающая огонь, растворилась, исчезла в Вервике, словно её никогда и не было.

Я стала кем-то иным. Осталось выяснить, кем.

Один из важных уроков, полученных в новом доме, гласил: не трать попусту время других. Переодевшись как можно быстрее в свою обычную одежду и забрав волосы в пучок на затылке, я торопливо спустилась к парадному входу.

Худошавая Сильвия с вечно поджатыми губами и кислым лицом держала в руках небольшую корзину, накрытую белым полотенцем. С Виктором, выполняющим роль кухонного работника, мы раньше мало сталкивались. Он был широкоплеч и силен и несмотря на некрасивый шрам, идущий через всё лицо, имел добродушный вид неуклюжего великана.

Слуги молча поклонились мне в знак приветствия. От Сильвии пахло глухим раздражением. Аромат, похожий на дух подгнивших яблок, вызывал желание держаться от горничной подальше, однако выбор был невелик. Остаться в горечи несбыточных желаний или забыться в толпе тех, чьи дни наполнены насущными делами. Я выбрала второе.

Базар и вправду оказался таким, каким его описывала Боана: огромная площадь, заполненная торговыми рядами с плотными навесами, под которые не проникало солнце. Проходы между разложенным на столах товаром были не достаточно широки, чтобы народ беспрепятственно двигался в обе стороны, не сталкиваясь локтями и кладью с только что купленным сокровищем в виде свежих овощей и фруктов.

Площадь казалась чудовищным существом, не замолкающим ни на минуту. Даже флегматичная Сильвия оживилась и принялась проталкиваться к рядам с поставленными на землю открытыми мешками. Их содержимое походило на муку разных цветов или листовой чай грязно-болотного цвета.

В нос били пряные запахи лимона, майорана и кориандра. Они маскировали прогорклое амбре пота и дешёвой лавандовой воды, которой пользовались служанки богатых домов.

Я чувствовала себя оглушённой и потерянной в этом царстве лучшего товара. По крайней мере, так кричали со всех сторон: низкие, мужские голоса лавочников терялись в визгливых нотах уличных зазывал.

Стоило нам попасть в водоворот стихийного базара, как Виктор взял на себя роль кормчего. Застенчивый паренёк-переросток превратился в грозного хранителя двух вверенных ему особ.

Он расталкивал наглых и давал отпор настойчивым, словно лоцман вёл нас к цели: дальнему ряду, где надо было свернуть налево, чтобы попасть в лавку травницы, как объяснила мне Сильвия. Её панибратство меня коробило, но я молчала, потому как дала слово внутреннему “я” не думать больше о себе, как о чистокровной. Я была такой же служанкой, как и они. Даже хуже: рабыней хозяина, больше не желавшего меня.

— Аккуратно, уважаемая! — заверещали женский голос справа.

Я очнулась от раздумий, так некстати захвативших меня в плен прошлого, и поняла, что нечаянно толкнула пожилую женщину. Та чуть не упала на мешок с мятными шариками размером с крупный горох.

На помощь пострадавшей пришла молодая девица с округлившимся животом, одетая как экономка. Несмотря на щуплость, в ней чувствовалась порода. Осанка и умение осадить собеседника так, чтобы он почувствовал себя низшей кастой, было в крови знатных женщин моего бывшего края.

Я сразу поняла, что встретила себе подобную. Неуклюжие резкие движения женщины были смутно знакомыми, хотя я и не смогла вспомнить, при каких обстоятельствах видела это молодое лицо с веснушками на щеках. Я принялась помогать обеим, чем привлекла внимание снующих мимо граждан. Возле нас вмиг образовалось свободное место, народ вокруг столпился плотным кольцом.

— Вы что незрячая или просто неловкая? — услышала я над ухом знакомый насмешливый голос и задрала голову, чтобы проверить, не ошиблась ли.

— Доброго дня тебе, Кларисса! — улыбнулась я, увидев длинный нос и бесцветные глаза своей сестры по несчастью, вместе с которой ещё недавно строила предположения у камина в таверне и стояла бок о бок на отборе.

Толпа разочарованно выдохнула и начала расходиться, вскоре вокруг нас сомкнулось людское море.

— Не думала тебя здесь встретить, — протянула бывшая чистокровная, горделиво поправляя пряди волос, выбившиеся из пучка на затылке. Достаточно было беглого взгляда на приосанившуюся Клариссу, чтобы понять, насколько она гордится своим нынешним положением метрессы. — Говорят, тебя выбрали для обряда Плодородия.

— Нет, — отрезала я так, что неугомонная любительница совать нос в чужие дела замолчала.

— Пойдёмте, госпожа, — вклинилась в разговор Сильвия, больно ухватив меня за локоть. — Хозяину не понравится то, что вы заводите беседы с незнакомками.

— Я знаю её, — упрямо ответила я и попыталась освободиться от стальной хватки цепких пальцев горничной. По злобному огоньку её глаз было видно, что она первой побежит докладывать Рэву о моём поведении.

Кларисса тоже никогда не называлась подругой, даже в прежней жизни, но всё же она напоминала мне о той Леонтина, которая имела право громко высказывать своё мнение.

Базарная суета вернулась, нас толкали, изредка прилетали возмущённые возгласы. Мол, мы загородили и без того узкий проход, не давая честным гражданам сделать покупки к празднику Плодородия. Виктор как мог молча ограждал меня от сторонней злобы и ругательств, летевших со всех сторон. Для посетителей базара я всё ещё оставалась чужой, гордячкой, не принёсшей пользу их обществу.

— Нам и впрямь пора, Леонтина, — засобиравалась Кларисса, подавая знак двум сопровождавшим её служанкам.

— Погоди! Ты слышала что-нибудь о Феоните?

Длинноногая девица равнодушно пожала плечами, словно речь шла о посторонней.

— Мне надо сейчас о другом беспокоиться: как бы скорее зачать и выносить здорового ребёнка для своего хозяина. И да, я больше не старая дева, это главное!

Впалые щёки старшей дочери лорда зарумянились чахоточным огнём. Меня слово обожгло её отчаянием, умело скрываемым за внешним безразличием все предшествующие этому году зимы.

— Но ты и не жена, — протянула я, не разделяя её восторгов. Да, участь стареющей дурнушки в обществе молодых и более симпатичных сестёр кого угодно озлобит, но всё-таки, она была леди. Дочерью владетельного лорда, а не прислужгой, которую можно при случае передарить или обменять на более смазливую мордашку.

— А ты? Зато лазари сказали, что по всем признакам я буду плодovита, — фыркнула Кларисса и, повернувшись ко мне прямой, как жердь, спиной, процедила еле слышно: — И за мной-то не тащится тень предсказания...

При других обстоятельствах я не обратила бы внимания на её бормотания в галдящей толпе базарной сутолоки. Но с некоторых пор у меня обострились нюх, интуиция и слух. И появилось раздражение напополам с нетерпимостью.

— Что за предсказание? — громко сказала я, но пришедшие за покупками слуги уже скрыли Клариссу от меня, как нахлынувшие на берег волны стирают следы босых ног на мокром песке.

— Ну что, наговорились? — возникла рядом со мной Сильвия, скрестив руки на груди. За ней, раздвинув толпу, встал Виктор. На его лице было написано угрюмое сочувствие.

Молча, мы сделали необходимые покупки, даже не удосужившись поторговаться, и нырнули в соседний проулок. Там я и остановилась для того, чтобы кое-что прояснить.

Клариссе я не поверила, она всегда была язвительной и желчной. Могла и выдумать плохое предсказание. Да и будь оно, об этом бы уже знала моя семья. По крайней мере, отец.

Я чувствовала себя так, будто одна оказалась не в курсе трагической новости, витающей в воздухе. Переводя взгляд с нахмуренных бровей горничной на прятавшего глаза Виктора, я окончательно убедилась, что догадки верны. Они тоже что-то знали. Или слышали, выдумывая при каждом пересказе новые подробности проклятия, якобы нависшего надо мной.

— Говорите! — прошипела я, чувствуя, как в груди закипает гнев.

— Да о чём таком нам надо рассказать? — насмешливо ответила Сильвия. — Вы все просто помешались на хозяевах. Как дворовые суки во время течки боритесь за право быть

оплодотворённой сильным кобелём. Вот и выдумываете невесть что!

Виктор продолжал смотреть себе под ноги, а Сильвия злобно усмехнулась. Это её и сгубило: она переиграла. Значит, было, что скрывать от меня, и предсказание действительно существует. Но почему же я никогда о нём не слышала?

— Врёшь!

Мои слова подействовали как удар хлыста. Сильвия вмиг взяла себя в руки и посерьёзнула:

— Верно. До рассвета ещё далеко, — вкрадчиво произнесла она и улыбнулась одними губами. Глаза смотрели холодно и пристально.

Я онемела, надеясь, что мне это послышалось. Или имело место чудовищное совпадение.

— Что такое? Бойтесь, что впереди ещё много тёмных ночей? — продолжила горничная как ни в чём не бывало.

Ошибки быть не могло. Связная Ордена всё-таки проявила себя!

Глава 16

Рэв мельком взглянул на себя в зеркало. Сегодня он должен был нацепить этот страшный зелёный костюм, чтобы соблюсти давнюю традицию дня Плодородия — предмет неуспешного раядения лазарей. Корни обычая уходили ещё в те времена, когда вместо чистокровных на роль жертвенной девы брали пленниц из соседней враждебной Стаи.

Зелёный — символ жизни, пробуждения. Цвет платья, в котором была прошлой ночью его черноволосая рабыня. Оно очень шло ей, оттеняя белую кожу и тёмные глаза, блестящие в свете Луны.

Его же костюм, рубашка которого уже стала тесновата, извлекли из сундука на чердаке, где подобные ритуальные вещи хранились годами, обёрнутые в бумагу и пересыпанные густым слоем нафталина.

Рэв презирал всё, связанное с древними верованиями, считал их откатом в прошлое, якорем, мешавшим кораблю уйти в плаванье, чтобы достичь края мира. Наука, а не магия — будущее этой земли. Несмотря на полубезумные теории учёных, именно точно составленные технические чертежи разлома помогли его расе достичь Дольнего мира.

Так и рядом с ним должна быть волчица: свободная и современная дочь Стаи, не цепляющаяся за предрассудки прошлого. Ни капли магии, что приравнивалась в его сознании к обману, нечистоплотной игре, когда один из противников в заведомо проигрышном положении.

Рэв ощутил, как напряжены его мышцы, каким тяжёлым стал шаг. И пятно на левом бедре никуда не делось. А хуже всего, что он не верил лазарям, утверждавшим, что магии в его появлении не было. У Леонтины, принявшей его семья прошлой ночью, он увидел такое же, и появились обе метки одновременно. Рэв не мог игнорировать подобные совпадения. И винил в случившемся её — Леонтину.

Бросаться фразами без доказательств не позволяла совесть, однако звериное чутьё подсказывало: девушка недоговаривает. Или сознательно лжёт?

И всё же хотелось верить её робкой улыбке и приоткрытым губам, в которые так и тянуло впитаться поцелуем. Он понимал, что никогда этого не сделает. Признать равной дочь проклятого племени, поклоняющегося древней силе, разрушающей всё вокруг? Немыслимый, в его понимании, шаг, неправильный.

Часы в холле пробили шесть раз. Рэв встряхнул головой, чтобы отогнать упрямо просачивающиеся в рациональный ум желания и идеи.

Все они в итоге сводились к одному. Подняться и овладеть рабыней снова, увидеть радостный блеск и ответное вожделение во влажных миндалевидных глазах, похожих на озёра с чёрной водой. Ощутить под рукой сильно бьющееся сердце. Сжать полную грудь и вызвать лёгкую боль, за которой последует сладость обладания.

Рэв налил себе из стоящего на столике пузатого графина полный стакан холодной воды и выпил залпом. Студёная жидкость, от которой свело зубы, помогла вернуть голове ясность, и мысли потекли в привычном русле.

До прихода Ясины осталось чуть меньше часа. Всё давно готово, а Боана позаботится о девушке, научит, что и как следует говорить. А ему бы надо поработать.

Проект договора с Огнедышащими был почти готов. Это его детище, он вынашивал закон, как мать долгожданного ребёнка. Уговаривал Совет и организовывал встречи с переговорщиками, учитывая интересы обеих сторон. Две могущественные силы — новые расы — должны поделить власть над Илиосом, сделав её абсолютной и нерушимой. Мир, покой, развитие — вот, что нужно этой земле, и она постепенно очистится от скверны древнего колдовства, упоминание о котором останется только в легендах, так похожих на сказки.

Однако душу сверлило беспокойство. Кому как не ему знать, как шатки договорённости, не скреплённые печатями на крови! Призрак войны с равными себе по силе маячил за провалом. Кровь наполнит реки. В воздухе снова запахнет горелой плотью и свежей кровью, пропитавшей землю. Древние расы опять поднимут змеиные головы из травы забвения.

Нет, он не имеет права на неудачу! Никто не должен помешать предстоящему союзу.

— Хозяин, мы готовы, — тихо произнесла Боана за его спиной. Стол в гостиной расположен так, чтобы сидевшему не было видно того, кто входит в двери. Обычно, это не волновало Рэва. Он всегда чувствовал чужое присутствие и слышал шаги, какими бы мягкими они ни были. А сегодня так

глубоко нырнул в раздумья, что не заметил распорядительницу. Это уже тревожный знак!

Пора избавляться от наваждения и его источника.

— Хорошо, — ответил он и встал, задвинув стул. На сегодня работы достаточно. Всё равно мыслить здраво этим вечером он не способен. — Извести меня, когда вера Ясмينا придёт, я хочу её встретить.

Боана молча продолжала переминаясь с ноги на ногу у входа.

— Ну что тебе ещё надо? — раздражённо спросил Рэв, не поворачивая головы. В знак того, что разговор окончен. Он стоял и барабанил пальцами по холодному стеклу подоконника. Оборотень так ими гордился: дорогое удовольствие — не использовать дерева, которых вокруг так много. Но они живые, тёплые, обладающие памятью обо всём, чему стали свидетелями. А стекло — новомодный материал, придуманный умельцами менее ста лет назад, оно холодное, очищающее разум того, кто прикоснётся к его гладкой матовой поверхности.

— Простите, но я спрошу. Вы сами дали мне эту власть: свободно говорить о тревожащих меня вещах.

Рэв угрюмо молчал. Возразить было нечего.

— Вы планируете использовать девушку для обряда Соединения? Она молода и здорова. И достаточно сильна, чтобы дать жизнь не одному ребёнку. Она идеально подходит для этой роли.

— Однажды ты спасла мне жизнь. А может и не раз, — ответил Рэв после небольшой паузы. — Только поэтому я и скажу тебе правду. Но больше никогда меня об этом не спрашивай. У нас обоих появилась красная метка на бедре. Я должен вначале выяснить, откуда они взялись. Это какой-то знак, пятно то теплеет, то горит огнём, причиняя боль. Иногда и вовсе его не чувствуешь. Лазари пока не могут дать ответ, что за природа у пятен. А я не вполне доверяю девушке.

— Что же говорят целители?

— Что это результат межвидовой связи. Которого почему-то ни у кого больше нет. И раз уж ты заговорила о Леонтине, выясни как можно больше о ней и её целях. Девушка что-то скрывает, я уверен.

— Я этим и озабочена, хозяин. С момента её появления в доме. Не беспокойтесь, если это вина Леонтины, вы скоро об этом узнаете.

Рэв оглянулся и довольно кивнул. Экономка, хоть и имеет в своей крови дурное наследие, предана и умна. Она выяснит правду.

Боана поклонилась и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Рэв возвратился к столу, убирая бумаги в папки, которые вскоре перенесут в его почти отремонтированный кабинет.

В самом низу белел смятый конверт. Рэв почти забыл о нём: полученное утренней почтой письмо от Асейи. Он тогда так и не распечатал его, оставив сомнительное удовольствие на потом. Извинения, мольбы о возвращении утраченного чувства — всё это слишком предсказуемо и пошло. Не стоило тратить на это драгоценные минуты, отведённые под работу.

Повертев в руках конверт, Рэв решительно взял нож для писем и раскрыл его. Недоброе предчувствие кольнуло душу, но отступать и прятаться было поздно. Нахмурившись, он несколько раз прочитал короткое письмо и сунул его в карман брюк. Надо будет посоветоваться с Ясминой. Лучше лазарей никто не разбирается в верованиях Древних рас. Конечно, всё это враки, но убедиться не помешает.

Рэв вышел в холл и посмотрел на высокие часы, похожие на дерево с циферблатом вместо дупла. До визита Ясмины осталось не более четверти часа.

— Вы как обычно вовремя, вера! — Рэв склонился к гладкой коже руки Ясмины. — Мир вам!

Главе отдела лазарей, отвечающей за традиционные обряды, удавалось оставаться вне времени. Стоило взглянуть на неё при свете солнца, и не дашь больше сорока. Притом, что поговаривали, будто она перешагнула девяностолетний рубеж. Ещё не старость для оборотня, но далеко не молодость, однако время или наука очень даже щадили лазаря.

— И тебе, Рэв Торгский! — улыбнулась тонкими губами гостя, поправляя изумрудную мантию.

Хозяин жестом пригласил Ясмину пройти в столовую, украшенную к её приходу зелёными гирляндами. На квадратном столе из чёрного мрамора стояла высокая ваза с пятью распустившимися маками цвета алой крови.

Пятно на бедре дало о себе знать лёгким покалыванием. Это был знак, что Леонтина находится на расстоянии протянутой руки. Мужчина старался не смотреть по сторонам, чтоб не выдать себя перед вчерашней любовницей.

Ясмину заняла отведённое ей место. Хозяин прошёл во главу стола и молча ждал, пока Леонтина присядет напротив лазаря. Не смотреть на девушку и дальше было невозможно. Облегающее чёрное платье до колен с глубоким вырезом выгодно оттеняло кожу рабыни. На щеках играл лёгкий румянец, Леонтина была чуть рассеянной и тоже не смотрела по сторонам, уставившись в пустую тарелку.

Слуги принесли угощение, от большого блюда в центре пахло лимоном и рыбой. Высокие бокалы наполнились янтарной жидкостью, и по круглой комнате с приглушённым светом разлился густой аромат спелых груш.

Ясмину, коротко кивнув хозяину, дождалась, пока он жестом отпустит посторонних и первой подняла бокал:

— За будущий праздник Плодородия и урожай, который он принесёт! — негромко произнесла она, улыбаясь Рэву и сидящей напротив Леонтине.

Рэв тоже поднял бокал, не сводя глаз со своей женщины. Он полагал, что теперь с полным правом может так её называть. Его женщина, его рабыня, трепетная и готовая на всё. А может, послать к чёрту все обещания больше не притрагиваться к Леонтине?

Пригубив вино из бокала и заглушив терпкий вкус десятком зелёных виноградин из вазы, стоящей неподалёку, Ясмину обратилась к виновнице сегодняшней встречи:

— Рэв сказал, что у тебя на бедре появилось любопытное пятно? — лазарь произнесла это тоном пустословной светской беседы, но Рэв заметил, как раздуваются её ноздри, словно волчица вышла на охоту и уже взяла след.

Девушка напряглась и чуть заметно вздрогнула. Сквозь аромат грушевого вина проступил запах страха. Мимолётный выброс энергии, и вот он уже уступил место лёгкой настороженности, похожей по ощущениям на уколы молодых хвойных иголок.

Леонтина коротко вздохнула и на секунду взглянула в глаза лазарю:

— Я не знаю. Правда.

И снова опустила взгляд в чистую тарелку перед собой.

— И тебя не насторожило, что у хозяина точно такое же? — хмыкнула Ясмину и отодвинув стул с высокой спинкой так, что раздался скрежет ножек по полу, обогнула стол. Леонтина подняла голову и хотела встать, но лазарь взяла её тонкую руку в свою и принялась рассматривать ладонь, будто ожидала увидеть что-то интересное.

Рэв ощутил укол беспокойства, но понимал, что вмешиваться слишком рано. Ясмину не потерпит нарушения протокола проверки, сегодня она имела право задавать любые интересующие её вопросы, даже если те не имели на первый взгляд прямого отношения к празднику Плодородия.

Пятно на бедре стало покалывать, появилось лёгкое жжение. Откуда-то он знал, что означают подобные знаки: Леонтине страшно. Но прямой опасности он не видел. Ясмину не посмеет причинить вред чужой собственности.

И всё же положение безмолвного наблюдателя начинало раздражать. Рэв понял, что уже несколько минут сидит с крепко сжатыми челюстями, мышцы рук сделались стальными. Он был готов к броску. Прийти на помощь. В любой момент, когда бы тот ни наступил. И последствия не важны.

Оборотень сделал глубокий вдох и выдох, и пелена перед глазами рассеялась. Он понимал, что надо прислушаться к разговору, поскольку Ясмину на процедуре проверки не говорила пустяковых фраз. Его гнев не поможет Леонтине, а, возможно, и навредит.

Золотистая игла уколола палец девушки, но та даже не вскрикнула. Выступила алая капля крови, похожая на булавку или блестящую бусину. Ясмину аккуратно собрала её длинной пипеткой и выпустила в пробирку с золотистой пылью.

Леонтина сидела как замороженная или одурманенная. “Ментальное воздействие”, — подметил про себя Рэв. Он был не против: ей так проще. И метка на бедре почти перестала жечь, оставив тёплый след.

Ясмину обхватила руками лицо Леонтины, развернув его к себе. Сейчас девушка напоминала Рэву

безвольную куклу: руки свисали вдоль тела, голова покорно лежала в ладонях лазаря. Было что-то неестественное в этом оцепенении, неправильное, словно в бабочке, пригвождённой пытливым умом к доске и спрятанной под стекло, чтобы остаться на стене напоминанием о том, как легко разрушить красоту.

— Я думаю, довольно, — твёрдо сказал Рэв, подойдя ближе и схватив Ясмину за руку как раз в тот момент, когда она собиралась уколоть палец Леонтины снова. Лицо лазаря застыло, как маска. В её взгляде, который женщина перевела на хозяина дома, промелькнуло досадное недоумение. Так смотрят на мелкую помеху, вроде надоедливой комара, прервавшего важное дело. Лазарь явно увлеклась, совсем не заботясь о безопасности испытуемой.

— Отпусти, — прошептала Ясмينا, прищурился глаза. В голосе послышалась угроза. Она как туман расплзлась по тёмным углам комнаты и впиталась в стены, сделав их тюрьмой. Стоит Ясмине захотеть, и девушка не выйдет из оцепенения. Досадная оплошность или погрешности в процедуре — причина, которую укажут в документах, не важна.

Метка потеплела, а потом и вовсе зажгла так, что Рэв почувствовал, как по спине поползли капли холодного пота. В висках давило, сквозь лёгкую дымку прозрачным газом колебавшуюся перед глазами, он поймал внимательный взгляд серых глаз Ясмины. Она делала это неспроста!

Собрав волю в кулак, он оттолкнул лазаря и подхватил начавшую оседать Леонтину на руки.

— Я сейчас вернусь, — бросил у порога и не оглядываясь вышел в коридор. Слуги робко пытались предложить помощь, но он не отвечал. Лицо девушки было бледнее обычного, но пятно на бедре успокоилось: верный знак того, что он всё сделал правильно.

В этот момент Рэв совсем не беспокоился, почему он так тесно связан с девушкой, забывшейся крепким сном. Чёрная прядь её волос прилипла к влажному лбу.

Ступеньки тихонько поскрипывали в такт шагам. Рэв больше не спешил, скорее крался в собственном доме, боясь разбудить экзотическую бабочку, прилетевшую к его очагу. Он бережно опустил её на постель и, взглянув в лицо безмятежно спавшей, задержался взглядом чуть больше, чем хотел или считал допустимым.

Оставались вопросы, ответа на которые оборотень до сих пор не знал, и это будило смутные подозрения относительно роли его слишком красивой подопечной.

Спускаясь по лестнице нарочито медленно, он обдумывал вероятности. Леонтине придётся покинуть этот дом, пока он ещё в состоянии с ней расстаться. Сомнения действуют подобно рже на железе. Они станут разрастаться, покуда не пожрут всё светлое, что зарождалось между ними. Даже если это и впрямь взаимно, а не очередная игра подосланной кокетки.

Но сама мысль отдать её кому-то вызвала в душе ярость. Больше не видеть девушку, ставшую для него чем-то больше, чем хотелось бы, — это всё равно что вырвать у себя кусок плоти!

А ведь придётся, если Ясмينا докажет, что имело место колдовство. Древние никогда не используют силу просто из желания понравиться. Оказаться в руках ведьмы-интригантки — такого он не мог себе позволить!

Войдя в столовую, Рэв отметил, как Ясмينا деловито спрятала инструменты в мешочек, который после неторопливо перевязала тесьмой.

— Я думаю, вскоре мы сможем дать ответ на твои вопросы, — произнесла она таким тоном, будто всё, что случилось здесь в последние минуты, было запланировано и заранее между ними оговорено.

— Прочти вот это!

Рэв протянул лазарю письмо Асейи, предусмотрительно положенное в карман брюк накануне встречи. Ясмينا с любопытством развернула послание и пробежав глазами, вопросительно уставилась на Рэва.

— Там в конце... Самое важное.

— Я проверю, — вздохнула лазарь после небольшой паузы, словно обдумывала прочитанное. — Мы не работаем с магией, ты сам участвовал в принятии проекта, запретившего нам изучение её природы.

Рэв проглотил укор, вернувшись к волновавшей его теме:

— Это может быть правдой?

— Я понимаю твоё беспокойство, — со снисходительной улыбкой ответила Ясмина, оборачиваясь у двери. В зелёной мантии до колен, с распущенной копной волос, в которых поблёскивали первые серебряные нити, она напоминала строгую судью, а не учёного, стремящегося познать тайны и местные обычаи Древних. — В противном случае, был нарушен договор. И девушку обменяют на другую.

— Формально это не нарушение, — в Рэве проснулся законник. — Присланные должны быть здоровы. Так оно и есть. А верования и предсказания... Это вне сферы наших интересов.

— Если всё подтвердится, ты решишься на обряд Соединения с ней?

Рэв и сам не знал ответа. Вернее, то, чего он хотел всем сердцем, шло вразрез с негласными правилами, философией Стаи. Слабым не было в ней места, и речь шла не только о физической немощи.

— Я допрошу Асейю и выясню, откуда у неё сведения о девушке. А пока — пользуйся на здоровье, — продолжила Ясмина. — Не провожай.

Лазарь выскользнула за дверь, словно тень. Рэв подошёл к столу и залпом выпил бокал грушевого вина, потом, осушил ещё один. В голове приятно загудело, по жилам разлилось тепло. Красная метка на бедре молчала, будто затаилась.

Рэв привык думать о ней как о живом существе, паразите, временно обосновавшемся в его теле. Сейчас же, расслабившись и успокоившись после визита Ясины, впервые почувствовал облегчение от того, что пятно связало его с Леонтиной. Он чувствовал боль девушки как свою, её страх парализовал волю Рэва. Ясмина чуть не довела несчастную до бесчувствия.

Мужчина успел вовремя, и это давало ему приятное ощущение контроля над ситуацией. Власти над своей женщиной, которую он пообещал больше не трогать. По крайней мере, до того, как лазари выяснят природу меток.

Рэв плеснул в тонконогий бокал ещё вина, подержал во рту прохладную горьковатую влагу и с наслаждением проглотил, откинувшись на высокую спинку стула. Ясмина вырвет правду, кто бы её ни скрывал. Значит, надо подождать.

А скрасить ожидание ему поможет другая. Асейя больше не может находиться рядом в качестве подруги, хотя у них было много приятных моментов. Жаль, что та ослушалась и позволила себе напасть на беззащитную жертву, находящуюся под защитой этого дома. Но как бы то ни было, рыжеволосая волчица сделала свой выбор. А он избрал другую.

Вино продолжало убывать, пока графин не опустел. Снова в голову Рэва закралась приятная мысль: а не подняться ли наверх, к своей подопечной? Вдохнуть аромат волос и утвердить над её телом свою силу, заставив девушку содрогаться под ним и подаваться навстречу. Метка на бедре тут же очнулась и потеплела.

Рэв усмехнулся и отодвинул наполовину пустой бокал. Сейчас не время. Леонтине надо отдохнуть и прийти в себя, а ему — понять, кем бы её заменить. Да так, чтобы не вспоминать и ни о чём не сожалеть. Главное — поскорее. Иначе он просто не сможет от неё отказаться.

Вино не помогало, а только обостряло тягу к телу рабыни. “Здесь надобен не алкоголь”, — подумал Рэв и быстрым шагом прошёл в гостиную, к столу с аккуратно сложенными стопками рабочих бумаг. Поиск в папках так, что пару листов упали на пол, он наконец наткнулся на домашний адрес Виклинского, бывшего посла в Северные земли. Когда они ещё были в зоне досягаемости, в том, прошлом мире.

Поговаривали, что он обосновался в центре Вервика. Талантливый переговорщик, такой людоволк везде найдёт себе тёплое место. А при нём и красавица-дочь. Темноволосая и смуглая, таинственная как ночь и почти такая же молчаливая, Селеста опускала глаза и краснела, когда он оказывался рядом. Хотя за всё время они не перекинулись и парой слов.

Покорная жена — удачный исход из запутанных отношений для любого мужчины. За связями он никогда не гонялся, даже презирал подобных любителей устраиваться в Стае. Но просто так использовать волчицу из приличной семьи и не связывать себя обязательствами, покрывающими близость и возможную беременность подруги, это уже низко.

Рэв взял чистый лист, пододвинул наполненную чернильницу и, не дав себе времени на сомнения, размашистым почерком принялся писать Виклинскому. Просьба о частном разговоре без свидетелей не удивит бывшего посла. В свете идущих переговоров с Огнедышащими советы и поддержка пригодятся любому.

А там, с глазу на глаз, они и ударят по рукам насчёт помолвки. Селеста уже давно вошла в брачный

возраст, вероятнее всего, уже прошла через гон молодой крови и вполне способна думать холодной головой. Сколько ей сейчас? Двадцать девять, тридцать? Слишком молода для него, но в этом есть и плюсы: сможет родить много детей. В конце концов, закон не запрещает иметь ему ребёнка от рабыни.

Леонтина снова прокралась в его мысли, всколыхнув желание и надежду на продолжение отношений.

Письмо было готово, Рэв не стал его перечитывать, боясь, что передумает и бросит бумагу в огонь. О чём бы ни говорили метки, возникшие у них с Леонтиной, это путь в капкан.

“А как быть с ней?” — спросил внутренний голос. Рэв понимал, что самое лучшее, что он может сделать для девушки — это отдать её замуж. Но об этом он подумает не сегодня и на трезвую голову. Главное — разорвать душившую его связь! Пока не поздно.

Рэв запечатал письмо в конверт, написал адрес и оставил послание на столе. Он займётся всем завтра, как только проснётся. И тогда пути назад не будет. Жажда обладания телом черноволосой ведьмицы пройдёт, и Волкодлак снова станет самим собой: спокойным, рассудительным и холодным. Мужчина был в этом уверен.

Глава 17

Пробуждение было сродни выздоровлению от долгой, изнуряющей болезни. Первым, что я увидела, был белый потолок моей спальни в сумерках раннего вечера. Значит, я проспала почти сутки?

Вставать и спускаться в гостиную не хотелось. Придётся делать вид, что я спокойна и равнодушна, а это было не так.

Я ощущала себя в лабиринте, из которого не было выхода, а карта, имевшаяся на руках, всё только запутывала. Тиски чужой воли давили на меня со всех сторон: Орден требовал начать наконец действовать, хозяин избегал меня, Боана же, как нарочно отправляла в гостиную, где временно работал Рэв.

И никто не спрашивал, чего хочу я. О чём печалюсь и почему. Каждый видел во мне марионетку, картонную фигуру, которую можно рядить в какие угодно наряды, а когда надоест, убрать в тёмную коробку. С глаз долой — из сердца вон!

Я много раз представляла себе, что будет после того, как я потеряю девственность с оборотнем. Мне казалось, что я начну испытывать досаду и гнев, почувствую себя униженной и готовой отомстить. А сейчас хотелось только одного: стать частью этого дома и угодить его хозяину. Пусть Орден окажется дурным сном!

Чистота крови, гордость и прочая чепуха более меня не волновали. Что в них проку? Они никого не могут согреть в холодной постели!

Со вчерашнего утра, когда я опознала в Сильвии связную Ордена, меня мучило одно желание: кинуться в ноги Рэву и рассказать ему обо всём. Но я понимала, насколько это неразумно. Хозяин скорее поверит ей, чем мне. Даже если удастся его убедить, в глазах оборотня я виновна не меньше.

Орден пока не требовал от меня головы Рэва, но это был лишь вопрос времени. Малой кровью они не удовольствуются. Сначала им надо скопировать законопроект хозяина о слиянии столиц Волкодлаков и Драконов, а потом Сильвия — глаза и уши Ордена во вражеском тылу — принесёт новое задание.

В растерянности я посмотрела вокруг, словно собственная спальня была мне незнакома. Схватившись за виски и поджав ноги, я просидела некоторое время на постели, обдумывая выход из ситуации, который бы устроил всех разом. И, конечно же, так и не нашла его.

Комната погружалась во тьму, а я продолжала сидеть всё в той же позе. Мне хотелось окаменеть и остаться здесь навсегда, ничего не чувствуя, не видя и не слыша. Несостоявшаяся бабочка в коконе.

Пятно на бедре молчало, пока мои мысли снова не обратились к хозяину. Тогда оно потеплело и начало пульсировать, низ живота призывно заныл, вызвав дрожь в коленях. Я, будто пробудившееся весной дерево, налилась молодыми соками и потянулась навстречу источнику света.

Желание принадлежать оборотню стало нестерпимым, сродни голоду или жажде путника, лишённого еды и воды. Я подняла голову и принялась: в доме не было свежего волчьего запаха. Рэв после вчерашнего вечера так и не появился дома. Я не понимала, почему он избегает меня, хотя и надеялась, что всё дело только в метках на наших бёдрах. В настороженности внутреннего зверя, а вовсе не в том, что действие отвара Вождения на него иссякло. Лишь я попала в петлю, капкан похоти.

И как мне теперь быть? Впрочем, вздохнув, я решила, что теперь неважно, как я буду себя вести, ведь любовник охладел после нашей первой близости.

Собрав в кулак остатки гордости, я твёрдо решила вести себя так, будто между нами ничего и не было. Никаких намёков и взглядов искоса, попытаюсь казаться равнодушной, чего бы мне это ни стоило.

В дверь робко постучали, заставив меня вздрогнуть, как от самого громкого удара. Я вся обратилась в слух: по ту сторону шуршало платье, от хозяйки которой веяло нерешительностью. Этот запах походил на дух прелой листвы после осеннего дождя.

— Войдите, — неуверенно сказала я, побаиваясь, что всё это мне чудится. Дверь тут же приоткрылась ровно настолько, чтобы в проём могла проскочить Иветта, немая девушка с подносом дымящихся плюшек и шоколадным напитком, от аромата которого в животе призывно забурчало.

Девушка склонила голову в знак приветствия, испуганно опустив глаза и дрожа всем телом, будто

принесла ужин не рабыне, пусть и благородных кровей, а чудовищу. Поставив поднос на стол, она попятилась к выходу и бесшумно выскользнула в коридор, прикрыв дверь.

Я пообещала себе обязательно узнать её историю, расспросив при случае Боану, но пьянящие запахи свежей выпечки и какао усыпили любопытство. Только сейчас я поняла, насколько голодна. Присев к столу, я принялась с жадностью, недостойной леди, поглощать пищу: макала оладьи в персиковое варенье голыми руками, не заботясь о перчатках, требующихся по правилам этикета. Но они остались, как и многое, к чему я привыкла, в прошлом мире, которому я больше не принадлежала.

Волкодлаки же относились к еде просто как к процессу насыщения пищей, не заботясь о красоте и торжественности трапезы. Слухи, ходившие в нашем захолустье, оказались чем-то средним между большим преувеличением и маленькой ложью. Обратни любили простую еду, приготовленную со знанием дела и умением, и старались обставить приём пищи так, чтобы получать удовольствие от того, что ешь. Им претили наши обычаи, делавшие из обедов и ужинов культ и смысл жизни.

Сейчас, наблюдая со стороны, мне впервые показались смешными и глупыми правила, привитые в детстве. Льняные салфетки заменяли неудобные перчатки, за завтраком легко можно было обойтись одной вилкой и ложкой, а, например, оладьи из кукурузной муки удобнее всего есть руками, макая горячие пышки в персиковое варенье и запивая всё это шоколадным напитком.

Только когда чашка опустела, а на тарелке не осталось ни кусочка, я почувствовала себя значительно лучше и приободрилась. Спать больше не хотелось. Вместо этого я наскоро оделась, забрала волосы и, взяв поднос, решила отнести грязную посуду на кухню. Пора избавляться от господских замашек! В глубине души мне хотелось разорвать последние связи с прошлым и принять новую жизнь и роль. И просто заняться полезным делом, чтобы забыться, а заодно и развеяться, чем закончился визит лазаря. Слуги всегда знают, о чём говорят хозяева за закрытыми дверями.

Кроме Эосии и двух поварят в кухне никого не было. Я поставила поднос с грязной посудой в раковину и, кивнув кухарке в знак приветствия, молча прошла в столовую. Стол из чёрного мрамора был чистым, здесь больше ничего не напоминало о вчерашнем вечере. За исключением слабого запаха Рэва. Он преследовал меня повсюду в этом доме, заставляя тело вспоминать недавние ласки.

Желание прикоснуться к вещам, которые хозяин недавно держал в руках, стало навязчивым, вызывая дрожь в пальцах рук. В кабинет меня не пустят, он наверняка закрыт. Даже если Сильвия со временем снабдит меня дубликатом, надо будет ещё придумать, как обмануть Боану и её соглядатаев. Я чувствовала, что нахожусь под неусыпным надзором распорядительницы.

Однако сейчас, пока я оттягивала время, только бы не навредить Рэву и одновременно усыпить бдительность Сильвии, требующей активных действий и скорых результатов, могла не опасаться, что меня застанут врасплох.

Я быстро прошла по коридору, ведущему в гостиную. Попадавшие на пути слуги молча кланялись, в каждом из них мне мерещился шпион Сильвии или Боаны. Гостиная, по счастью, тоже опустела. Письменного стола у окна больше не было, видимо, его перенесли в кабинет хозяина, лишив для меня комнату всякого обаяния. Мне крайне хотелось дотронуться до вещи, неважно какой, которой он недавно коснулся, хотя что буду с ней делать, когда найду, я не представляла. Метка на бедре покалывала всё сильнее, словно помогая в поисках.

Увидев забытую корзину, полную смятых белых листков, я накинулась на неё, словно коршун на молодую горлицу. Стоило достать первый лист и разглядеть его, присев на диван, как через кончики пальцев прошёл ток. "Это писал Он", — вопила бумага, покрытая непонятными надписями.

Волкодлаки пользовались изначальным языком, когда хотели сохранить написанное в тайне. Придя в наш мир, они переняли и всеобщий язык Илиоса, но бережно хранили и наречие, доставшееся им от предков. Такая трепетность в отношении прошлого всегда вызывала во мне уважение.

Я не понимала и десятой доли информации, скрытой в смятом листке, но слова сейчас были не важны. Хоть я почти утратила Дар, интуиция, позволяющая угадывать настроение, в котором пребывал автор послания, всё ещё была при мне.

Я изучала смятую бумагу лист за листом, включая обрывки и пустые клочки, хранящие отпечатки того письма, что когда-то лежало сверху. Брошенные в корзину письма были пропитаны озабоченностью и надеждами хозяина, но ни слова не говорили о его чувствах. Деловые бумаги, за которыми гонялся Орден, они не представляли никакой ценности для того, кто не знал языка людovolков.

Стоило непосвящённым взять их в руки, как спустя час надписи менялись. Жрицы Бога мудрости утверждали, что это какой-то код, повторяющийся через некоторое время. Древняя магия не могла разгадать то, что нанесено при помощи науки. Рецепт чернил, переписанный многочисленными

шпионами, тоже не приблизил разгадку.

Левое бедро пронзила резкая боль, словно в метку вонзили кинжал. Очередной лист вылетел из моих дрожащих пальцев. Тяжело дыша, я откинулась на спинку. В глазах потемнело, но боль потихоньку начала отпускать.

Я сразу поняла, почему пятно на бедре дало о себе знать. От выроненного обрывка чистой бумаги разило желанием, смешанным с отчаянием. Эмоции предназначались мне. С одной стороны, это меня обрадовало: значит, Рэв чувствует то же, что и я. С другой стороны, за верхним пластом эмоций угадывался ещё один.

Я двумя пальцами подняла отлетевший к ножке кофейного столика клочок и сделала ещё одну попытку прочесть эмоции, которыми было наполнено отсутствующее письмо, некоторые фразы писались с нажимом и отпечатались на смятой бумаге. Хозяин относился ко мне настороженно, это я и так знала, но откуда в нём желание отомстить? За что?

Боль сделалась терпимой, ноющей, как зубная болезнь. Прихрамывая, я подошла к масляной лампе и попыталась разобрать, что написал Рэв. На белой поверхности видны были отпечатки пера, но как я ни напрягала зрение, слов не разобрала, несмотря на то, что оборотень почему-то в послании изъяснялся на всеобщем языке.

Поискав по карманам карандаш, которым записывала советы Боаны и её поручения по хозяйству, я заштриховала им весь клочок бумаги, чтобы лучше видеть отпечаток того, что скрывалось в письме. Прочесть удалось не всё, но на этот раз бумага приоткрыла мне мысли Рэва.

О чём я тут же пожалела. Взгляд затуманился от наполнивших глаза слёз. Это не могло быть правдой! Даже того, что удалось разобрать, с лихвой хватало на то, чтобы додумать остальное. Хозяин решил выкинуть меня, словно использованную вещь, потерявшую блеск новизны. Выдать замуж, прикрыть брачным венцом мой позор. И всё, конечно, из благородных побуждений!

Обрывок предложения ясно говорил о его намерениях: Волкодлаку приспичило жениться. А я, стало быть, помеха на пути к его счастью. Легкоустранимая.

Я присела на диван, исчерченный клочок с проступившими белыми буквами, медленно кружа, осел на пол. Рыдания душили меня, не давали вздохнуть полной грудью. Я изо всех сил сдерживала их, слёзы капали на сплетённые пальцы.

Какая я всё-таки дура! Истории о том, как мужчина охладевает к женщине, едва добившись её, уже стали привычными. Их рассказывали гувернантки и метрессы в доме моего отца, чтобы напугать молодых девиц и заставить их крепче беречь свою честь. Но обычный сюжет предполагал, что пара встречается хотя бы несколько раз, прежде чем произойдёт охлаждение. В моём случае хватило и одного.

Действие отвара на Рэва закончилось, это понятно. Неясно лишь одно: почему я не освободилась от дурманящей страсти?

Краем сознания я понимала, что веду себя глупо, и моя роль вовсе не в том, чтобы добиться любви хозяина, но сердце не слушало и болело, как от удара. Ноги сделалась ватными, я так и осталась сидеть на диване, не в силах встать и подняться наверх.

Меня никто не тревожил. Двери в гостиную были прикрыты, и я дала волю своему горю. Напряжение последнего месяца вымотало и истощило меня. Боль в бедре была пустяковой по сравнению с той, что жгла мне грудь. В эти моменты я хотела только одного: умереть.

Спустя какое-то время я поднялась в спальню, выпотрошенная горечью утраченных надежд. На пути мне встречались слуги, но я шла, будто во сне, не замечая их и не отвечая на вопросы, смысла которых не понимала.

Только когда закрылась дверь комнаты, я немного пришла в себя. Слёзы иссыкли, в оцепенении я прошла в ванную и, включив холодную воду, долго смотрела на себя в зеркало, ничего в нём не видя. Холод сковал пальцы, стоило опустить руки под струю, но мне стало намного легче. Я залезла в пустую ванну и, задрвав подол платья, направила воду на круглую метку. Бедро заломило, я ожидала, что от пятна пойдёт пар, но внешне оно никак не отреагировало. Боль сделалась почти переносимой.

Силы покинули меня, возникло ощущение, будто я тряпичная кукла, брошенная в угол и накрытая старыми тряпками. Ненужная и непригодная.

Я вышла из ванной, оставляя за собой мокрые лужицы на дощатом полу. Дрожа от холода или от душевных мук, присела на покрывало и уставилась в одну точку. Голова болела, думать о настоящем или будущем я сейчас была неспособна.

За дверь послышался приближающийся шум. Кто-то торопливо шёл по ступенькам. Несколько человек. Пятно на бедре снова заняло. Серия коротких ударов в дверь, приглушённый голос Боаны. Слов я разобрать не смогла, как и сдвинуться с места. Так и сидела на постели с мокрой юбкой, прилипшей к ногам.

Будто в полусне, когда стирается граница между сном и явью, я равнодушно наблюдала, как дверь распахнулась. В комнату ввалились распорядительница и Он, схвативший меня за плечи и принявшийся трясти, что-то говоря и заглядывая в лицо.

Я продолжала безучастно наблюдать за обоими, не понимая, что им здесь понадобилось. Попыталось сказать это, но язык сделался большим и неуклюжим.

— У неё жар, — донёсся до меня голос Боаны. — Я сама приготовлю отвар, он снимет болезнь.

И экономка куда-то исчезла. Мы остались одни, хозяин тут же принялся стаскивать с меня мокрую одежду. Я усмехнулась и попыталась оттолкнуть его, за что тут же получила лёгкую пощёчину и, пользуясь моим замешательством, Рэв закончил дело, оставив меня в нижней юбке и корсете.

Я брыкалась и царапалась, кричала оскорбительные слова, не желая больше служить ему игрушкой, но оборотень сгрёб меня в охапку, и через миг разорванное бельё осело кучей на полу возле кровати. А я, обнажённая и горячая, оказалась в постели, накрытая одеялом.

Из ниоткуда возникла Боана, державшая в руке тёмную кружку с дымящейся жидкостью, вызывающей тошноту запахом прогорклого масла. Сквозь спутанные образы, мелькавшие перед глазами, вырисовывался один: чаша с ядом, которую лорды подавали негодным членам семьи в незапамятные времена. Я тоже больше не нужна здесь, мешаю осуществлению брачных планов хозяина.

Я сопротивлялась, как могла. В моём воображении я брыкалась и кусалась, выкручивалась из державших рук, бросая в лицо виновнику страданий самые грязные ругательства, которые слышала дома от полукровок. Какая-то часть меня, оставшаяся в наследство от леди Леонтины Кайрис, с ужасом смотрела на истерику, пытаюсь робко одёрнуть разбушевавшуюся девушку. Но мне было плевать на прошлый опыт: здесь он никак не мог пригодиться.

Попав в Вервик, я изменилась. Наверное, не в лучшую сторону, но я больше и не стремилась нравиться всем подряд. К тому же сейчас я боролась за свою жизнь.

На самом деле, конечно, я только металась по кровати, отворачивая голову и издавая бормотания и стоны. Закончилось это быстро: меня прижали в постели, зафиксировали голову и заставили проглотить питьё, вкусом напоминающее хинный порошок.

Я хотела выплюнуть отраву, но мне не позволили и этого. Сдавшись, я выпила всё до капли, чувствуя ненависть к смотревшим на меня холодным как лёд голубым глазам. Внезапно перед глазами всё закружилось каруселью, и я, будто пушинка, подхваченная струёй воздуха от лёгкого дыхания, полетела в мягкую черноту.

Глава 18

Ещё не открыв глаза, я ощутила на себе чей-то тяжёлый взгляд. Полная Луна позволяла разглядеть очертания предметов. В кресле сидел мужчина, скрытый от моего взгляда, но метка на бедре потеплела, а сердце глухо забилося. Я сразу поняла, кто ждёт моего пробуждения.

Во рту пересохло, хотелось глотнуть чистой и холодной воды из родника в лесу неподалёку от прежнего дома, где я родилась и надеялась стать женой Найтвелла.

Я присела на постели, слабая, но вполне здоровая. Голова прояснилась, но заговаривать первой я не собиралась. Пусть объяснит своё присутствие в моей спальне!

Конечно, это было глупо: хозяин имел право навещать меня, когда пожелает, а я напротив, должна была ожидать его в любое время с улыбкой и кротким взглядом. Так толковала мне Боана, но вся моя натура бунтовала при мысли о покорности овцы, ведомой на заклятие.

Не имея возможности свободно дерзить, я решила игнорировать оборотня, будто и впрямь не вижу его.

— Ты рылась в моих бумагах, — произнёс холодным тоном Рэв. Я растерялась от такого начала разговора. Он несколько часов ждал моего пробуждения, чтобы это спросить? Мог бы из вежливости сначала осведомиться, как я себя чувствую.

— В корзине, если быть точной, — ответила я, смотря в окно. — То, что выброшено, не может быть тайной.

— Что ты хотела найти?

— Причину вашей холодности. И я её отыскала.

Это была правда лишь отчасти. Другой моей задачей являлось обнаружение плана-договора с Драконами. Пусть намётки или обрывки фраз, где он находится и с чего начинать поиск.

— Довольна? — Рэв так и остался сидеть в тени, смотря на меня в свете серебристых нитей Луны, заглядывающей сквозь стекло прямо ко мне в постель.

— Вполне, — ответила я в том же тоне. — Теперь мне не придётся, наступив на горло собственной гордости, раздвигать ноги перед незнакомым мужчиной. Для этого у меня будет законный муж.

Я затихла и ужаснулась собственной смелости, натянув одеяло по шею. Пятно на бедре сделалось ледяным. По обнажённой коже спины пробежали мурашки. “Убьёт”, — мелькнула мысль, я вся сжалась в ожидании наказания.

Рэв встал и, обогнув кровать, подошёл ко мне, заслонив свет Луны. Его мощная фигура нависала надо мной, лицо по-прежнему оставалось в тени.

— Вот как, значит, заговорила, — усмехнулся хозяин. — А ещё недавно умоляла о другом.

— Это лучше, чем быть с тремя мужчинами одновременно. Да ещё и понести неизвестно от кого, — проговорила я тихо, опустив взгляд на одеяло, тонкой преградой скрывающего меня от пронизательного взгляда.

— Зачем вы пришли? — спросила я, воспользовавшись паузой. Глаза снова наполнились слезами: сейчас я услышу очередное рациональное объяснение, которое неприкрытой жестокостью разобьёт мне сердце.

— Метка сильно жгла. Я сразу понял, что с тобой что-то не так.

Я замолчала, не зная, что ответить. Вся бравада прошла без следа. Остались только слёзы. Я отвернулась к двери, чтобы не унижаться ещё больше.

Конечно, со мной что-то не так. Мне было совсем плохо, будто кто-то вонзил в сердце нож и забыл вынуть.

Я услышала, как скрипнула кровать под тяжестью Рэва. Он сидел рядом, и я чувствовала, что смотрел на меня. Я не хотела поворачиваться и что-то объяснять. Тот, кто искренен, всегда в невыигрышном положении.

Одеяло начало сползать, я вцепилась в его край, но Рэв с такой силой дёрнул его, что вырвал из моих негнущихся пальцев. Я закрылась руками, словно они могли защитить, не желая, чтобы меня снова использовали, а потом оставили, как вещь, больше не представляющую ценности. В ту минуту

мне вообще хотелось заснуть и не просыпаться как можно дольше. Я была опустошена.

— Перестань играть в недотрогу! — сказал Рэв и, схватив, прижал к постели, заглядывая в глаза. — Я же вижу, что ты хочешь меня.

— Нет.

— Врешь!

Пятно на бедре потеплело, словно грелка, низ живота призывно заныл.

— Ну и что? — прошептала я и отвернулась, оставив незащищённой шею.

— Я тоже тебя хочу, — услышала я горячее дыхание. Хозяин быстро коснулся кожи губами и втянул запах моих волос. — Ты мне снишься...

Я потеряла остатки самообладания. Резко повернув голову, посмотрела в глаза, пытаюсь понять, не смеётся ли он надо мной. В голове теснились десятки вопросов: почему тогда избегает? Зачем хочет отдать другому? Отчего так холоден и рассудочен?

Но все они отошли на второй план, стоило Рэву начать целовать меня в шею, спускаясь всё ниже. Низ живота горел огнём, я раздвинула ноги и чуть слышно застонала.

Мужчина отстранился, с моих губ слетел стон разочарования. Я понимала, что Рэв вовсе не отвергает меня, но он специально раздевался медленно, сводя с ума. Я кусала губы от бесконечно длившегося ожидания и решила наказать Рэва за него:

— Если вы отдадите меня замуж, то я не разрешу никому, кроме супруга, касаться меня, — произнесла я, глядя ему в лицо. В моих словах не было вызова, просто утверждение истины.

— Ты моя собственность, — улыбнулся Рэв и произнёс фразу почти ласково. Потом лёг сверху и резко вошёл в меня.

Голова закружилась, в горле застрял крик, тело раскрылось навстречу мужчине, который тут же принялся быстро двигаться внутри меня, наращивая темп и заставляя при каждом глубоком проникновении стонать и подаваться навстречу, крепко обхватив его ягодицы бёдрами.

В глазах потемнело, я металась и ничего не видела вокруг. Весь мир для меня сузился до размеров комнаты, где происходило наше соитие, с каждым движением Рэва становившееся всё более грубым. Я впилась в его грудь ногтями, оставляя полосы следов на коже, выгибалась дугой, кусала губы в кровь и продолжала кричать, чтобы он не останавливался.

Наши тела покрылись потом, воздух вокруг сделался плотным. Рэв опустил на меня, продолжая грубо и методично трахать, но мне нравилась эта звериная страсть самца к своей самке. Более того, я чувствовала её отголосок в своей груди. Даже в такой грубости было что-то естественное и единственно верное.

Кончили мы почти одновременно. Горячее семя в несколько толчков заполнило меня, в знак благодарности я прижалась к Рэву, слушая биение его сердца и наше сбивчивое дыхание.

Хозяин вытянулся рядом и привлёк меня к себе. Так мы и пролежали, прижавшись друг к другу. Слова были излишни. Я кожей спины ощущала стук его сердца, Рэв кончиками пальцев гладил меня по животу, груди и плечам, словно дразнил и будил улёгшуюся страсть.

Я боялась того момента, когда он встанет и молча уйдёт: сосредоточенный, отстранённый и холодный, бросив напоследок, что это больше не повторится. И моё тело снова оденется в холод, а всё что останется после того, как за Рэвом закроется дверь — надежда.

Я решила не заговаривать первой, не унижаться. Знать бы ещё, как оттолкнуть его в следующий раз?

— Тебе было больно? — спросил хозяин, так крепко прижав к себе, что бедро с меткой на нём обдало жаром.

— Нет.

— Ты меня напугала, — продолжил он после непродолжительной паузы. Я понимала, что Рэв говорит о моей горячке, и от его слов была готова снова запылать: значит, я небезразлична оборотню.

— Я думала, вы хотите меня отравить.

— Какая ты ещё всё-таки наивная, — усмехнулся Рэв, и поцеловав в шею, затих, так и не выпустив из объятий.

Вскоре послышалось его мерное дыхание. Высвободиться так, чтобы не разбудить его, было бы сложно, да я и не хотела покидать тесные объятия. Закрыв глаза, сделала пару глубоких вдохов и выдохов и улыбнулась.

Дело было вовсе не в удовольствии, неиспытанном мной раньше, не в идеалах Ордена, не в планах, которые теперь выглядели глупыми и наивными. Вся соль заключалась во мне. Я снова поймала себя на ощущении, что меняю в правильную сторону, что я получила такой шанс, какой большинству не видать за все деньги и связи этого мира.

Мне так и не удалось до конца понять, в чём он состоит и куда приведёт. Метка на бедре, возникшая у нас обоих, означало что-то важное. Может, это дар, а не проклятие?

С этими мыслями я спокойно заснула без сомнений или дурных предчувствий.

Проснулась я на рассвете, словно меня толкнул кто-то невидимый. Ещё не открыв глаза, я уже знала, что лежу в постели одна. Однако шум воды из ванной доказывал, что Рэв не исчез из моей жизни с первыми лучами солнца.

Одиночество дало мне время поразмыслить о своём ближайшем будущем. Метки на телах словно связывали нас невидимой цепью. Мы чувствовали боль и радость друг друга как свои собственные. Меня это совсем не пугало.

Прошлой ночью я уяснила одно: Рэв не собирался отдавать меня другому. Он не был готов отказаться от моих ласк, какими бы неискушёнными они ни были.

— Ты рано проснулась! — вторгся в мои мысли голос хозяина. Я вздрогнула и оглянулась на Рэва. По привычке захотелось натянуть одеяло.

Мой мужчина был в просторных домашних штанах. Я помнила, что он пришёл ко мне в уличной одежде. Неужели, переоделся утром и снова вернулся, чтоб принять у меня душ?

Я взглядом поискала какую-то одежду, чтобы нацепить её. Говорить с полуодетым мужчиной, когда ты обнажена, а с кожи не смыт запах соития и семени, было некомфортно.

— Мне нравится, когда ты неодета, — усмехнулся Рэв, кинув полотенце на кресло. Сам же развалился в соседнем и по-хозяйски посмотрел вокруг. — Я думаю, ты поняла, что лезть в мои бумаги больше не стоит?

И уставился на меня. В глазах мелькнул жёлтый отблеск.

Я кивнула и присела в постели.

— Я хочу помыться, — сказала я, видя, что он не собирается нарушать молчание.

— Сначала нам надо поговорить.

Я бросила взгляд на смятое покрывало на другом конце кровати.

— Нет, — твёрдо сказал Рэв, игнорируя моё смущение. Леди моего круга не пристало быть полностью обнажённой даже в постели — это правило, которое мне вдалбливали с младых ногтей. Волкодлаки же не стеснялись собственного тела, считая его всего лишь одной из жизненных форм, в которой оборотни проводили большую часть жизни.

— Хочу быть честным с тобой: я собирался жениться, это правда, — начал хозяин, не сводя с меня твёрдого взгляда. — Скажу больше, возможно, так и будет. Если не в скором времени, так в дальнейшем. Я пока не готов смириться с бездетностью. А для этого мне нужна женщина моего вида.

— Ясмина говорила, что мы и нужны вам для деторождения, — робко сказала я, почувствовав, как запылала щеки. — Нужен какой-то обряд...

— А то я без тебя не знаю, что нужно, — прервал меня Рэв, и, поднявшись, отошёл к окну, встав спиной ко мне. — Проблема в том, что женщины вашего рода плохо переносят беременность и роды. Умирают далеко не все и даже не половина, но многие. Поэтому дань ежегодна.

— За кого же вы хотите отдать меня замуж? — спросила я, отвернувшись.

— Перестань кокетничать! — оборвал меня Рэв. — Ты прекрасно понимаешь, что теперь я не смогу этого сделать. И не смей спрашивать, почему, договорились?

Он повернулся и подошёл, смотря сверху вниз. Я снова кивнула, спокойно выдержав взгляд. Главное, что меня не собираются передаривать, а дальше я уж как-нибудь разберусь.

— Можешь идти. А у меня есть и более важные дела, — произнёс Рэв, предложив руку. Я встала, опершись на неё, и, не говоря ни слова, скрылась за дверью ванной.

Встав под душ, я смогла всё обдумать. Условия, выдвинутые оборотнем, были бы оскорбительны, если б речь шла о любви. Но то, что мы испытывали друг к другу, вряд ли можно так называть. Животная страсть — более подходящее слово.

Метка на бедре снова потеплела. Я уже не понимала, моё ли это желание или его, но я хотела, чтобы он распахнул дверь и вновь взял меня. Грубо, нежно или как пожелает. Потому что наши мысли со дня первой ночи странным образом совпадали.

Пока я думала, вода в баке иссякла и душ замолчал. Я пожалела, что так бездарно потратила драгоценную жидкость и толком даже не намылилась.

Но в следующую минуту всё изменилось. Дверь распахнулась, на пороге возник Рэв. Пару секунд мы просто смотрели друг на друга, пока он не сделал шаг навстречу. Я угадывала, что он хочет по его взгляду с жёлтыми отблесками и по тому, как вела себя метка на бедре.

Был и более простой способ: достаточно опустить глаза чуть ниже живота. Трепеща от одной мысли о том, как его член будет двигаться во мне, я всё же стеснялась смотреть на мужское достоинство, а тем более потрогать его.

И снова я схватилась за полотенце, лежащее рядом, на тумбе. Отвлёкшись на минуту, я поняла, что сделала это зря.

Меня выдернули из ванны, и развернули спиной, заставив прогнуться и опереться руками о металлический край. Кожа покрылась мурашками, мокрые пряди волос прилипли к плечам и падали на лицо.

Но вскоре стало тепло. Член Рэва коснулся моих бёдер, словно дразнил. Твёрдый, он будил во мне жар, заставляющий отринуть всякий стыд.

— Пожалуйста, — простонала я в нетерпении. Хотелось вновь ощутить мужчину внутри, подарить себе минуты блаженства, с которыми не могло сравниться ни что другое.

Но хозяин медлил, поглаживая меня по спине, похлопывая по ягодицам, словно породистую лошадь. Он коснулся моего лона, готового принять его, и сладкая пытка продолжилась. Вместо члена он вставил в меня пальцы и принялся двигать ими так сильно, что боль смешалась с удовольствием. Я уже не могла понять, где начинается одно и кончается другое. После того, как пелена перед глазами начала рассеиваться, я обнаружила, что сама двигаюсь в быстром темпе, насаживаясь на его пальцы.

И этого было мало, недостаточно. Опасаясь, что он оставит меня неудовлетворённой, я нагнулась, просунув руку между ног, и погладила его там, где раньше никогда бы не посмела. Рэв вздрогнул, но я продолжала нежно гладить кожанный мешочек, покрытый волосами. Мои стоны становились похожими на крики, когда хозяин перестал терзать моё лоно пальцами.

Пустота внутри, там, где должен быть Он, несла разочарование, однако через мгновение я почувствовала, как крупная головка прикоснулась к лону. Рэв, не торопясь, входил в меня, придерживая за талию и не позволяя двигаться ему навстречу.

Даже когда он упёрся в мои ягодицы, то сохранял неторопливый темп, словно хотел помучить или наказать. Всё, что оставалось — терпеть и покорно следовать за его ритмом, не выражая словом или звуком своего нетерпения.

Я закрыла глаза и, когда он в очередной раз полностью вошёл в меня, крепко сжала мышцы внутри. Ведомая шестым чувством или древним женским инстинктом, я поняла, что нахожусь на правильном пути. Сжавшись снова и снова, я вернула себе власть над его телом. Ритм нарастал, хватка ослабла, хозяин позволил мне двигаться навстречу так быстро, как я хочу.

Тесный мир ванной комнаты наполнился шлепками его ядер о ягодицы и моими стонами, смешивающимися с частым дыханием мужчины. Сжавшись настолько, насколько смогла, я с удовлетворением почувствовала, как меня снова заполняет его семя. Это был малый, но всё же триумф моего женского естества над его планами.

Рэв быстро вышел из меня и почти нежно ущипнул за ягодицу.

— Ты приятно удивляешь меня, — самодовольно сказал он и, схватив за руку, увлёк за собой под

душ.

— Воды надолго не хватит, — сказала я, когда первые холодные капли упали на плечи. — Я потратила её с утра.

— Главное, что она есть сейчас.

Рэв обнял меня и, заглянув в глаза, поцеловал в лоб. Я крепче прижалась к нему, вода стала тёплой, на душе сделалось хорошо и спокойно, словно никакие бури не грозили нашим отношениям. Я впервые поймала себя на мысли, что благодарю Тёмных Богов своих предков за то, что они подарили мне иную судьбу, нежели сёстрам и подругам детства. И неважно, какие испытания ждут впереди.

Глава 19

Улицы и центральная площадь оделись в зелёные фонари и гирлянды. Город стал напоминать мрачного фокусника, без приглашения явившегося в поселение к оробевшим жителям на местную свадьбу.

И без того суровая, теперь столица выглядела так, будто её вместе со всеми жителями таинственным образом переместили из другого мира. На оживлённых мостовых не раздавались весёлые возгласы, в толпе не встречались подвыпившие гуляки и компании молодёжи, горланящие непристойные песни.

Волкодлаки были торжественно спокойны, на их скуластых лицах светилась затаённая радость.

— Обновление цикла, — объясняла мне Боана. — Для многих из местных зачатые сегодня дети, не узнающие своих отцов, будут символом надежды на укрепление всего вида.

— А откуда известно, что дети родятся крепкими и здоровыми? — спросила я, глядя в зеркало на своё отражение. Экономка заканчивала вплетать в мои распущенные волосы лозу дикого винограда — символа культа Плодородия.

— Лазари знают своё дело, — последовал короткий ответ. — Да и подготовка тоже имеет значение. Отвары, растирки и мази, усиливающие влечение и способность к зачатию.

— Та же магия...

— Нет. Скорее знания, — пояснила Боана. — Ну вот и всё. Прислать горничную помочь вам одеться?

Я вздрогнула, что не укрылось от пронизательного взгляда Боаны:

— Что с вами? — спросила она, поджав губы.

— Так. Нервничаю.

— С чего бы?

— Мне не нравится Сильвия. Я боюсь её.

Разговор снова стал напоминать допрос. Связная Ордена рассказала мне о том, что стоявшая передо мной женщина служила жрицей в храме Благочестивых Богинь, но была замечена в блуде, и когда всё вышло наружу, сбежала с любовником к Волкодлакам.

Это объясняло отсутствие у пары детей: при посвящении в жрицы девочка проходила ритуал, отсекающий раз и навсегда её способность к зачатию. Может поэтому, она так стремилась найти для хозяина женщину, способную вынашивать и производить на свет потомство?

Эта идея в глубине души тоже мне нравилась: привязать к себе Рэва с помощью общего ребёнка. Каждый раз, когда оборотень изливал в меня семя, разбуженное тело с радостью принимало главный дар, способный дать женщине её мужчину. Оно не понимало и не хотело знать, что беременности не будет. По крайней мере, пока.

Однако наступало время разума, и я чётко осознавала, что будущего у нас с хозяином нет. В любом случае он либо оттолкнёт меня, когда откроет правду, либо я стану причиной его падения.

— Вы всегда такая молчаливая, Леонтина, — продолжила Боана. — Хотелось бы мне знать, о чём вы всё время думаете...

Экономка вышла, прикрыв за собой дверь.

Я наскоро оделась в чёрное свободное в талии платье, то самое, что было на мне в вечер проверки лазарем. Девушкам, принесённым в дар, не позволялось надевать на праздник Плодородия ничего иного. Это означало, что мы ещё не заслужили право стать частью общества. Те же, кто родили хозяину ребёнка, облачатся сегодня в зелёное в знак исполненного долга перед Стаей.

Самоходная повозка ждала меня на оживлённой улице, у самых ворот дома. Хозяин уже давно уехал, поэтому весь путь до места празднования я должна буду проделать в полном одиночестве.

Пока мимо проплывали серые вереницы домов и таких же невзрачных площадей, я почти не смотрела в окно, погружившись в раздумья. Но как только ворота Вервика остались позади, я словно очнулась от заколдованного сна. В мир вернулись летние краски, запахло листвой, потянуло лесом.

Ритуальные праздники проходили на Пригорье — специально огороженной возвышенности,

благодаря закольцованным уровням позволяющей вместить большое количество народа. У меня был допуск только в шестое кольцо из семи, самое главное происходило в центре.

Круги разделялись каменными стенами, ворота на каждый уровень стояли чётко напротив друг друга и образовывали прямой путь в самое сердце холма. В нашем круге были основном полукровки, служащие людоволкам и девушки, прошедшие инициацию этим летом. Имевшие доступ на более высокие круги могли свободно спускаться в общество тех, кто не был допущен дальше своего уровня.

К счастью, я прибыла почти в самый разгар веселья. Девушки, предназначенные для обряда, выполнили свою роль и отправились под опеку лазарей, Волкодлаки и остальные праздновали зарождение новой жизни, словно зачатые сегодня дети уже родились.

Длинные столы, обильно заставленные яствами, в основном всеми видами мяса, обильно посыпанными кольцами лука и веточками зелени, стояли в одной части отведённой площади. Здесь в одних только коротких шортах, доходивших до середины бедра, молодые волки-подростки, не ставшие пока полноправными членами Стаи, показывали друг перед другом атлетические трюки, бросая время от времени полные надежд взгляды на таких же по возрасту волчиц.

Я поняла, что место в шестом круге — далеко не предел мечтаний для честолюбивых особ. Здесь были полукровки, Волкодлаки не самых знатных семейств с детьми, не вступившими в пору мужественности, да девушки первого года — такие, как я.

Другая половина круга, украшенная светящимися в наступающем сумраке гирляндами, развешанными над скамьями и беседками, была предназначена для весёлых компаний и тесного общения уединяющихся парочек.

С дамским бокалом тёмного эля можно было неторопливо гулять по дорожкам из отполированного камня, и только к концу праздника обогнуть круг. Волкодлаки не были склонны к словесному изяществу, долгим разговорам и томным взглядам, не было и показной роскоши, поэтому обстановка с самого начала больше напоминала деловое собрание или светский приём по случаю чей-то коронации.

Но это было обманчивое впечатление, ведь стоило углубиться в парковую зону, как то здесь, то там слышались женские стоны, приглушённые журчанием фонтанов. Почти непрозрачные беседки, раскиданные вдали от ворот, были местами волчьей страсти.

Ходило поверье, что священное место в нынешнюю ночь даёт благословение не только участникам обряда, но и всем, в ком течёт хоть капля крови первого волка Фенрира. Оборотни сношали своих женщин, равных им по крови, там, где заставляла нужда, а возможные свидетели только подстёгивали любовный экстаз.

“Ещё что-то говорят против мистерий! — подумала я. — Сами не лучше!”

Я поспешила покинуть отдалённую часть круга и присоединиться к девушкам этого года, к каковым принадлежала и сама. Стайкой испуганных птиц мы столпились у столов, обмениваясь приветствиями и последними новостями.

Я искала среди них Феониту и с ужасом поняла, что её здесь нет. Каким-то шестым чувством угадала и причину, но, желая убедиться, направилась напрямик к той, что знала наверняка.

— Я хочу с тобой переговорить! — схватила я за руку Клариссу Виланс, стоящую чуть поодаль и беседующую с полукровкой. Бывшая чистокровная с превосходством поглядывала на остальных, будто и впрямь была выше по положению.

— О чём нам говорить? — горделиво вскинув голову, улыбнулась мне “её величество”.

Я ухватила высокомерную дрянь за локоть и потащила прочь от оживлённой толпы. Сзади нас воцарилось тишина. Девушки не посмеют вмешаться, полукровки и, бродившие по зонам в поисках уединения, парочки оборотней не станут препятствовать чужой ссоре. Среди людоволков не выходящая за рамки дозволенного агрессия не считалась нарушением.

Я, не оглядываясь, волокла подругу по несчастью вглубь второй зоны, где раскидистые деревья укрывали от посторонних глаз мощённую булыжниками дорогу. Она разветвлялась на пять тропинок, каждая из которых вела к беседке с небольшим водоёмом. На берегу стояли удобные кресла или скамейки.

— Куда ты меня тащишь, ошалелая? — пришла в себя Кларисса и в очередной раз попыталась вырваться. — Я никуда с тобой не пойду!

— Мы уже пришли, — ответила я, остановившись у раскидистой ивы, и, наконец, отпустив руку

пленницы. Она прислонилась к стволу дерева-гиганта и потирала локоть, кожа на котором покраснела.

— Не знала, что ты такая сильная, — проговорила бывшая “подруга”, с опаской бросая на меня исподлобные взгляды. — Что тебе надо?

— Поговорить. Где Феонита?

Кларисса усмехнулась:

— Где и положено тем, кто прошёл через обряд Плодородия. Она заменила тебя. И это к лучшему.

Я почувствовала болезненный укол совести. Желая успокоить её, мысленно пообещала себе, что разужнаю всё о её дальнейшей судьбе. И если есть способ помочь, хоть как-то, то я его найду.

Но сейчас, пока растерянная Кларисса стояла напротив, я должна была спросить то, что казалось мне важным:

— Что ты болтала о проклятии, якобы нависшем надо мной?

— Да, ерунда. Так, придумала от злости, что ты нас толкнула, — залепетала длинноногая, избегая моего взгляда. Она принялась поправлять пояс и разглаживать несуществующие складки чёрного платья. Мне показалось, что её пальцы выбивают мелкую дробь.

— Не ври! А то... Я выбью из тебя правду!

Я сделала шаг вперёд и загородила девушке путь к бегству. Ошибки быть не могло: в глазах Клариссы промелькнул страх. Какое-то время она колебалась: смотрела в сторону, будто ждала помощи, облизывала пересохшие губы, но, в конце концов, решилась:

— Ладно, Тёмные Боги тебе судьи! Я слышала разговоры отца и прочих лордов в своём прежнем доме. В том числе и о твоей свадьбе. Она расстроилась гораздо раньше, чем тебе об этом объявили. Всплыла какая-то история с проклятием, висевшем над тобой. Жрицы Плодоносной Матери сделали предсказание ко дню твоей помолвки.

Это было похоже на правду. Любимое занятие старых дев за неимением любовного интереса: везде совать свои носы и подслушивать под неплотно прикрытыми дверьми.

— И что за видение им было дано? — Я легонько встряхнула Клариссу за плечи. Её голова дёрнулась и откинулась назад. Я побоялась, что сломаю ей шею и от неожиданности отступила. — Прости, продолжай.

— Мне нечего больше сказать, — жалобно проблеяла та, что ещё недавно отпускала высокомерные уколы в мой адрес. — Я не знаю подробности. Мой отец сказал, что теперь свадьбе точно не бывать. Ты вообще не сможешь пройти алтарный обряд, никто не рискнёт связаться с девушкой, имеющей в приданном такое предсказание.

Я обомлела от новости, но причин не верить Клариссе, прижатой к дереву и дрожащей от одного моего взгляда, не было. Отступив на шаг, я грозно посмотрела на девушку: на щеках выступили некрасивые красные пятна, взгляд пылал ненавистью, смешанной с зелёным огоньком зависти. Чёрный цвет делала её старше и худощавее, придавая сходство с вороной или плакальщицей на похоронах.

Внезапно я услышала шум и голоса, пока ещё отдалённые. Мы с Клариссой стояли поодаль от основной дороги, однако не заметить нас было бы затруднительно, особенно для оборотней, слышащих даже топанье мышей на чердаке дома по ночам.

Этого мгновения нерешительности хватило для Клариссы, стремглав бросившейся бежать обратно в оживлённую часть круга. Я могла бы догнать её: с некоторых пор моё тело стало гибче, а движения проворнее, но решила этого не делать. Всё, что она знала, уже прозвучало пару минут назад.

Попадатся на пути Волкодлакам тоже не входило в мои планы, тем более парам, ищущим уединения. Я спряталась в тень и за ближайšie кусты, стараясь не производить шума. Вряд ли мне это удалось, но я надеялась, что проходим не будут интересны горести чужой собственности.

Я хотела подождать, пока пара уйдёт и выйти к своим, как я всё ещё называла девушек, вместе с которыми прибыла в Вервик. Я хотела пить и заодно перекусить мясом жареного ягнёнка. Только сейчас я поняла, что голодна.

— Селеста, ты и впрямь сумасшедшая! — услышала я мужской голос. Говоривший был, вероятно, молод и восхищён своей спутницей.

— Конечно, я же догуливаю последние месяцы перед замужеством.

Чистый и ясный голос принадлежал молодой девушке, уверенной в собственной привлекательности. Я так хотела раздвинуть ветки сирени, за которой нашла укрытие, и посмотреть на обладательницу серебряного голоса, но осознавала, что подвергаю себя опасности быть обнаруженной. Не хотелось давать Волкодлакам лишний повод поглумиться над нами — чистокровными рабынями, предназначенными для утех и воспроизводства чужого рода.

— Он уже сделал официальное предложение?

— Нет, но отец говорит, что оно скоро последует, а он никогда не ошибается в своих прогнозах.

В словах девушки прозвенела знакомая мне гордость. Я тоже когда-то разговаривала о чистоте своей крови в подобных выражениях, презрительно кривя рот, если речь заходила о полукровках. Теперь же подобное поведение казалось глупым и незрелым. Я вела себя как подросток, по сути им и являлась. И если бы не Рэв и моя жертва, ещё долго бы ничего не изменилось.

Я лукавила: всё осталось бы прежним навсегда.

— Зачем он тебе нужен? — обиженно спросил мужчина. В его тоне чувствовалась ревность. — Ты ж говорила, что со мной лучше прочих?!

— Успокойся, Астин! Родственная связь с таким волком, как Рэв Торгский, поможет отцу получить назначение в столицу Драконов. А когда мой муж проведёт в Совет проект о слиянии городов, наш род снова засияет, как ему и положено.

Я остолбенела. Ошибки быть не могло: речь шла о моём хозяине. Значит, женитьба входит в его ближайшие планы. А то, что он мне рассказывал, не более чем басни для наивных дурочек.

Пара удалялась, но я твёрдо решила последовать за ними в надежде поближе посмотреть на соперницу и будущую госпожу. Я выждала пару минут, пытаюсь унять биение сердца, и осторожно обошла куст, выйдя на дорогу, ведущую к основной.

Пара уже скрылась за поворотом на основной тракт, из-за раскидистой ивы, к которой я недавно прижимала Клариссу в поисках ответов, их не было видно. Я поспешила наверстать упущенное время.

Сделав пару шагов после поворота, я их увидела. К счастью, главный тракт был оживлён: под покровом тихой и звёздной ночи гуляли пары и оживлённые компании слуг. Встречались и Волкодлаки, пришедшие из другого круга. Теперь, когда официальная часть была закончена, праздник превратился в гулянье.

Фонари, выстроенные вдоль главной дороги частым строем, светили прямо в лица, не давая возможности остаться в тени и спрятаться. Одежда не предполагала капюшонов, под которыми удобно прятать лицо и намерения.

На главной дороге было немного народу, в толпе не затеряться. Пришлось прикинуться праздно шатающейся девицей, сроду не выдавшей парковых красот.

Я не сводила глаз с влюблённой парочки: оба высокие, гибкие. Они крепко держались за руки, спутница горделивой осанкой походила на королеву. Время от времени девушка отбрасывала длинные тёмные волосы, водопадом спадающие до середины спины, назад. Со стороны они выглядели как обычная молодая пара, наслаждающаяся обществом друг друга.

Идти так, чтобы не заметили преследования, но в то же время, не отстать — задача не из лёгких для того, кто не обучен этому. Дыхание сбивалось, будто я бежала. Иногда меня толкали, я извинялась и шла дальше, никого не видя, кроме этих двоих.

Что я буду им говорить и что хочу услышать? Может, просто убедиться, что мы похожи внешне, и это не случайно?

Но дойти до цели мне не позволили. Стальная хватка за плечо, и вот меня уже выдернули из общей массы и потащили в сторону. Я оглянулась и поняла, что сделать вид, будто гуляла, не имея дурных намерений, не удастся.

Глава 20

— Томас? — я попыталась изобразить удивление. — Рада встретить вас здесь. Как вам праздник? Я удивлена красотой этого места.

Я метнула взгляд в сторону уже затерявшейся среди прохожих пары и с сожалением отметила, что упустила шанс догнать их.

— Боюсь, госпожа, праздник для вас закончился. Нас ждут, пойдёте и не привлекайте к себе внимания. Это вам только навредит.

Я хотела изобразить невинность и полное непонимание, но одного взгляда на хмурый вид Томаса хватило, чтобы перестать играть роль отдыхающей.

Мужчина и не думал отпускать меня, а тянул за собой к выходу из парка так быстро, что я еле поспевала за ним. Окружающие смотрели на нас с настороженным любопытством, но вмешиваться не спешили. У Волкодлаков не было принято соваться в чужую жизнь.

Если бы это был кто-то другой, я бы попыталась спросить, в чём дело, но с мужем Боаны такие вопросы не пройдут. Он наверняка следил за мной. Или всё-таки за невестой хозяина?

Около столов негромко играла скрипка, музыка была совсем не праздничной, скорее прощальной.

Мы минули ворота и седьмой круг, выйдя из искусственного мирка, созданного с ритуальными целями, где на кон ставили таких, как я. Очарование Пригорья не затронуло сердца: одна большая декорация, где марионетки только изображали веселье. Мистерии, хоть и были орошены кровью жертв, но в них чувствовалось биение самой жизни. Для ритуалов требуется магия и вера, а не наука и дотошность лазарей.

В повозке меня ждала немая девушка, Иветта, но на этот она не боязливо прятала глаза, а смотрела как на врага или серьёзную угрозу. Меня посадили напротив неё, рядом с Иветтой устроился и Томас. Он сидел с таким видом, будто находится у себя дома или в гостиной. Вид у мужчины был спокойный, он как обычно предпочитал отмалчиваться.

В такой компании я проделал путь домой, сделав только одну попытку прояснить своё положение, на что получила ответ:

— Иногда всем нам хочется казаться кем-то ещё, госпожа. Помните, я уже говорил вам это в центральном парке? Вопрос ведь не в этом, верно?

Я смотрела ему в глаза, пытаюсь сообразить, насколько много известно этому рыжебородому добряку и его услужливой супруге. Если всё, то я пропала.

— В чём же, Томас?

— В том, какова наша истинная цель. И насколько далеко ради неё мы можем зайти.

— И в чём ваша истинная цель?

— Узнавать тайны тех, кто живёт рядом с хозяином, госпожа. Только и всего. Это называется забота.

— Я думала, это называется доглядом, — съязвила я, и разговор затух вплоть до того момента, как в сопровождении слуг я вошла в дом.

Томас, жестом отпустив Иветту, провёл меня в отремонтированный кабинет Рэва. Хозяин уже ждал меня там, сидя за столом, откинувшись на спинку кресла.

Вид у него усталый, будто оборотень много работал, а результаты оказались ничтожно малыми.

Я присела на кресло напротив и вздрогнула, когда за спиной тихонько закрылась дверь.

Рэв изучал меня, но ничего не говорил. Я тоже предпочитала отмалчиваться и не отводить взгляд. В голове было пусто, а на душе тревожно.

— Понимаешь, почему тебя сюда привезли?

— Я здесь живу.

— Не играй пустыми словами! Лучше отвечай и не задерживай нас обоих, — Рэв нахмурился.

— В чём я провинилась?

— Терпеть не могу эту стадию разговора, — усмехнулся мужчина и встал так быстро, что кресло, скребнув ножками, отъехало назад. Хозяин подошёл к приоткрытой створке окна. — Всегда одно и то же. “Не понимаю, не виновата, не делала”. За тобой следили, Леонтина, и ты должна была вести себя осторожнее. Топорная работа.

— Я случайно встретила вашу невесту, — с горечью ответила я, смотря себе под ноги. — Хотелось послушать, вот и всё.

— Что ты надеялась услышать?

— Правду. Она вас совсем не любит.

— А вы, женщины, способны на чувства? Кроме похоти и низменных инстинктов?

Стало так обидно за себя, что захотелось хлопнуть дверью и уйти прочь из дома. В груди клокотала злость на хозяина и всё его окружение. Мало того, что меня обвиняют в похоти, хотя кто бы, как говорится, заикался, так ещё и осуждают естественное в моём положении любопытство. Было бы странным, если бы услышав из уст незнакомой волчицы его имя, я пожалала плечами и прошла мимо!

— А вы сами-то способны? Все холодные, рассудительные до зубовного скрежета...

Договорить мне не дали.

Рэв обошёл вокруг стола и склонился надо мной, опершись о подлокотники кресла. Я была вынуждена поднять голову и посмотреть на него снизу вверх. В глазах хозяина был голубой лёд.

— Ты следила за мной с самого начала. Пыталась сблизиться всеми средствами. А когда тебе это удалось, сразу начала выспрашивать слуг и рыться в корзине для бумаг.

Рэв принялся ходить из угла в угол, сейчас больше похожий на разъярённого волка, чем на цивилизованного мужчину.

Я слушала, понимая, что лучше не перебивать.

— Эти странные отлучки по ночам на берег реки, запах костра и клеймо, возникшее после первой же близости. Очень похоже на проклятие.

— Ваши лазари определили бы магический след, если бы он действительно существовал, — коротко вставила я, получив взамен свирепый взгляд. Мне стало страшно, словно я стояла в одиночестве посреди поля, слушая раскаты приближающегося грома.

— И теперь ты принялась шпионить за Селестой.

Рэв остановился и посмотрел на меня, словно ждал оправданий. Но я молчала: говорить о том, что всё совсем не так, как он думает, значило бы раскрыть свои чувства. В лучшем случае я получу взамен угрюмую жалость.

— Тебе есть что сказать?

— Я случайно подслушала разговор вашей невесты, — выдавила я из себя и вскинув голову, смело посмотрела в глаза хозяина. Мне очень хотелось, чтобы он поверил мне.

— Иного ответа я и не ждал. Ты переедешь в другой дом. В ближайшее время. Возможно, сюда ты не вернёшься.

— Передариваете меня как скот?

Я чуть не задохнулась от ярости и обиды.

— Это просто другой дом. Он тоже принадлежит мне, но там будет не за кем и не зачем следить.

Я поднялась на ноги, будто осуждённый, выслушивающий приговор.

— Когда же?

— Через пару дней, может, чуть меньше.

Если хозяин искал на моем лице смятение, испуг или страх, то его ждало разочарование. Внешне я была подобна глыбе льда. Как женщины его вида.

Рэв коротко кивнул и сделал знак, что я могу удалиться. Я так и поступила, чувствуя на спине взгляд, призывающий меня обернуться. Пятно на бедре потеплело, но не я.

Я точно знала, как мне следует поступить. Рэв сам всё решил за нас обоих. И на то, чтобы предать его в руки Ордена, у меня будет пара дней, а, может, и чуть меньше.

Рэв понял, что переборщил с наказанием уже тогда, когда Леонтина, словно во сне вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Девушка ничем не выдала своих эмоций, хотя мужчина был уверен, что принёс ей страдание. Об этом говорило и проклятое пятно на бедре, в которое зубами вонзилась боль.

Оборотень поймал себя на том, что уже пару минут барабанит пальцами по оконному стеклу, грозя разбить его.

Отсылать Леонтину не хотелось, Рэв уже жалел о своём решении просватать дочь Виклинского. В любом случае, ссылка Леонтины — временная мера.

Да и сама идея сватовства больше его не привлекала. Будущая жена внешним видом напоминала о той, кого он тщетно пытался вывести за пределы памяти. Поначалу Рэв думал, что это хорошая идея — переключиться на другую, но Леонтина зацепила его так глубоко, как не удавалось до этого ни одной женщине.

Карманные часы мелодичным перезвоном напомнили о встрече с Ясминой. Мужчина вышел в коридор, проигнорировав замечание Боаны, что собирается дождь и как был, в чёрной рубашке с коротким рукавом и брюках в тон, вышел из дома.

Дорога до Обители Чистоты занимала полчаса. Ровно столько, сколько понадобится, чтобы привести мысли и чувства в порядок. От этого разговора будет зависеть многое. Подтвердит Ясмину, что клеймо на бедре имеет естественное происхождение — он даст Леонтине шанс. А заодно и себе. Каждый вечер сжимать в объятиях трепещущее женское тело, убаюкивать свои кошмары её мерным дыханием рядом — не этого ли он желал больше прочего? Все подозрения рядом с таким будущим казались мелочными придирками.

Улицы опустели: народ веселился на празднике Плодородия. Редкие самоходные повозки неспешно катили в сторону выезда из города. Каждый спешил получить удовольствие от звёздной ночи жарких объятий и громких стонов.

В воздухе разлилось напряжение, как перед грозой. Скоро хлынет дождь, разогнав гуляющих по беседкам Пригорья, и будущей осенью настанет череда новых браков среди равных. Возможно, состоится и их свадьба. Его и Селесты.

— Ты грустен, Рэв, — сказала Ясмину, выйдя на крыльцо белокаменного здания в два этажа. Вид у главного лазаря был уставший. В белом костюме она сама походила на привидение.

— Я пришёл за окончательным вердиктом.

Рэв всматривался в лицо Ясины, на которое ближайший фонарь бросал свой приглушённый свет. Женщина казалась озабоченной и раздосадованной.

Сделав жест следовать за ней, она провела Рэва пустыми коридорами:

— Я не хотела, чтобы нам помешали, — пояснила она, открывая дверь в кабинет. — Дело деликатное. В метках заложена магия.

Рэв поджал губы и уселся в предложенное кресло, сам не зная зачем. Всё предельно ясно: о Леонтине придётся забыть, уничтожив всё, что могло напомнить о её коротком пребывании в доме.

— Уверена?

Вопрос прозвучал с нажимом.

— Да. Это Древняя магия. Только не спеши с выводами, — Ясмину откинулась на спинку высокого стула, скрестив руки на груди и с полуулыбкой наблюдая за реакцией собеседника, будто естествоиспытатель, регистрирующий показатели подопытного. — Бьюсь об заклад, что девушка здесь не причём.

— Как это возможно? В её крови есть сила Древних. И их магия.

— О, это конечно. Об том и речь.

Ясмину снова замолчала, откинув назад гриву волнистых волос.

— Говори яснее, или я ухожу.

Рэв тяжело поднялся, всё же медля с уходом.

— Если верить предсказаниям, то мы наконец смогли укрепиться в этом мире. Речь об истинной паре.

Оборотень фыркнул и горько рассмеялся, всё так же продолжая стоять.

— Не думал, что вы изучаете бабские сказки! Впрочем, что ожидать от тех, кем руководит женщина.

— Так проверь сам. Ты знаешь, как.

Рэв посмотрел на Ясмину долгим взглядом, желая убедиться, что над ним не посмеиваются

— А как же быть с её проклятием?

— Если речь об истинной паре, то, как говорят источники, изначальная магия победит новую. Девушка очистится от дурной судьбы.

Рэв кивнул на прощанье и, не говоря ни слова и не прощаясь, удалился.

Ясмине он не верил, слишком невероятным было её предположение. Но в глубине души внутренний зверь соглашался с лазарем. Чутьё никогда не обманывает.

Если смотреть под таким углом, то поступки Леонтины — всего лишь проявление ревности.

Поднялся ветер, в воздухе разлилось предчувствие грозы. Рэв остановил первый попавшийся самоходный экипаж, сунув в руку зрителя столько монет, что на них можно было скупить весь мини-парк повозок.

Рэв знал, что Селеста уже покинула праздник. Такой разносторонней девице, всерьёз изучающей географию и флору Илиоса, бесцельное шатание и веселье скоро наскучат. Её тело получило долю удовольствия, и на некоторое время замолчит, позволив хозяйке с головой уйти в научные изыскания.

Мужчина не без удовольствия предвкушал тот момент, когда будет владеть волчицей безраздельно. Осталась одна небольшая проверка, ради которой оборотень и направлялся в дом посла.

Поздний визит — не самое хорошее время для обсуждения брачных планов, а вот для свидания с молодой девушкой наедине — в самый раз.

Дом из красного кирпича, выделяющийся среди серых соседей, не спал. На первом этаже горел свет в кабинете хозяина, из приоткрытых окон просторной гостиной доносились мужские голоса. Рэв с удовольствием присоединился бы к разговорам о политике, которые наверняка велись у Виклинского за кружками тёмного эля, но сказанное Ясминой не давало мужчине покоя.

— Вера Селеста примет вас, — сказала светловолосая полукровка, служащая горничной у дочери посла. Девушка опустила взгляд и покраснела, пытаясь сдержать улыбку. Рэв строго посмотрел на неё, и лицо горничной приобрело пунцовый оттенок. Мужчина изучал её белёсые брови и не понимал, что очаровательного нашла в ней Селеста.

— Я знаю, куда идти, — бросил он, отвернувшись и, не оглядываясь, прошёл к лестнице. Ступени на второй этаж чуть поскрипывали под ботинками с металлическими набойками. Рэв не торопился, но и не замедлял шаг.

Наверху стояла Селеста. В домашнем халате с глубоким вырезом, с распущенными тёмными волосами, струящимися по плечам и тенью, падающим на лицо. Сейчас сходство с Леонтиной было пугающим. Рэв ускорил шаг, не сводя с девушки глаз. Хозяйка продолжала молчать и смотреть с вызовом, словно и впрямь была королевой и готовилась принять покорного слугу.

— Стая не одобряет высокомерия, вера! — сказал он, чуть склонившись в знак почтения к дому, в который пришёл. — Прошу простить меня за поздний визит.

— Стая не может диктовать мне, как вести себя около родного очага. Зачем ты пришёл?

— Переговорить.

— В ночь праздника Плодородия? И это не могло подождать до утра? — улыбка Селесты стала шире.

— У меня не так много времени, как у тебя, вера.

Девушка кивнула и поправила халат, уменьшив вырез на груди. Полумрак, царивший в коридоре, придавал смуглой коже медный оттенок.

Селеста умела быть недоступной, когда этого требовали обстоятельства. Она и теперь пыталась играть с ним, как с мышью, то дразня своей пылкой оболъстительностью, то прикидываясь невинностью. Рэв заметил следы свежих поцелуев на её шее и ничего не почувствовал: ни злости, ни страха потерять будущую невесту.

— Проходи, раз не боишься, — ответила красавица. — Прости мою усталость.

— Она вполне объяснима, — усмехнулся Рэв и последовал за девушкой в комнату. Стены были выкрашены в кроваво-красный цвет, за исключением одной, оставшейся белой. На красном фоне висели большие и не очень зеркала в резных золотистых рамках. Масляные лампы заменяли тонкие восковые свечи в высоких канделябрах.

— Это небезопасно, — заметил мужчина, разглядывая будуар. — Удивительно, как всё эта роскошь не сгорела дотла.

— Свечи пропитаны особым составом, впрочем, как и всё вокруг. Пожар мне не страшен. В отличие от многих из нас, я не боюсь обжечься.

Селеста скромно устроилась на мягком табурете, где, должно быть, долго прихорашивалась перед важными встречами. Трюмо казалось слишком большим для небольшой комнаты. Рэв присел в кресло, чувствуя себя некомфортно среди зеркал, висящих за спиной. Складывалось впечатление, что за ним наблюдали десятки пар любопытных глаз.

— Так о чём ты хотел поговорить? — спросила Селеста, с облегчением выходя из образа роковой красавицы. Девушка запахнула халат, привычным движением убрала волосы в небрежный хвост на затылке и сгорбилась, положив руки на колени.

— О нас. Ты ведь в курсе предварительных договорённостей с твоим отцом?

— Речь о нашей свадьбе, верно?

Рэв кивнул.

— Скажи мне причину, почему ты согласна на брак с мужчиной гораздо старше себя?

Селеста помолчала, смотря себе под ноги, а потом ответила со вздохом:

— Ты кажешься мне надёжным. Отцу выгоден наш союз, а значит и мне тоже. Да и пора бы определиться с выбором партнёра, иначе, боюсь, я так и не успокоюсь.

— Это всё?

— Нет, — волчица посмотрела на Рэва взглядом с поволокой. — Ты мне нравишься. Очень даже. Не думай, что я настолько глупа, чтобы упускать свой шанс на тихую семейную жизнь.

— А она нужна тебе?

— Пока не знаю, — Селеста выпрямилась и повела плечами. — Но хочу проверить.

Улыбка у неё сейчас была искренней, а в тёмных глазах бликовало пламя десятка свечей. Рэв равнодушно подумал, что при других обстоятельствах, может, и поддался бы очарованию молодости, а сейчас он не видел в девушке напротив ничего, кроме тщеславия.

— Ничего у нас с тобой не выйдет. Прости, Селеста! Желаю тебе обрести то, что ты ищешь!

Рэв поднялся и направился к двери. Тонкая кисть обхватила его запястье, будто невесомой шёлковой нитью, приказывая остановиться.

— Остайся хотя бы на час.

— Зачем? — не оборачиваясь, произнёс мужчина, чувствуя на шее горячее дыхание.

Селеста обошла его и впилась в губы долгим поцелуем. Девушка пахла распустившимися бутонами лилий, от терпкого аромата которых кружилась голова и росло желание.

Рэв прижал Селесту спиной к красной стене, аккуратно между зеркалами. Девушка застонала и обвила бёдра мужчины ногами. Запахивающиеся половины халата разлетелись в разные стороны, будто крылья таинственной птицы Рух, являющейся смертным в знак того, что воля Богов исполнена.

Под ними скрывалось обнажённое смуглое тело. Гибкое, как лоза и горячее, как свежевспаханная земля. Пятно на бедре отозвалось ноющей болью, но пока она была вполне терпимой и далёкой.

Поцелуй длился и длился, оба продолжали пить дыхание друг друга, словно умирающие от жажды пленники пустыни.

— Я ничего тебе не обещаю, — произнёс Рэв, заглянув в тёмную бездну глаз. На секунду, ему показалось, что из глубины беспомощно смотрит Леонтина. Это она, а не равная по крови, гладит его лицо и шепчет безумные слова страсти:

— Я хочу тебя. Мне не нужны обещания.

Тонкие пальчики заскользили по рубашке, проворно расстегивая пуговицы. Кожа горела под ее скользящими ладонями, почти причиняющими боль осторожными поглаживаниями. Переводя дыхание между поцелуями, Рэв понял, что причина боли — клеймо на бедре.

Но желание обладать Леонтиной было сильнее любой раны. Рэв впивался в длинную шею, глядя чёрные, как беззвёздная ночь, волосы.

— Да, — говорила она тысячами голосов покорных женщин. — Не мучай. Скорее.

Шёпот любимых губ стал еле различимым.

— Ты моя, Тина, — произнёс он и кинжал, воткнутый в бедро, провернулся в ране. От боли потемнело в глазах. Слепший, он видел только её, свою женщину, которая забилась в угол и корчилась от боли, вытирая слёзы, текущие по щекам.

Боль дала передышку, в глазах прояснилось. Снова та же комната и обнажённое смуглое тело в оранжевых бликах десятков свечей. Чужая женщина в чужом доме.

— Прости, Селеста, но нам не по пути. Даже на час, — сказал он, торопливо одеваясь и с каждой секундой осознавая, что поступил правильно.

— Что не так? Я до такой степени не нравлюсь тебе?

Девушка натянула на халат и отвернулась к зеркалу, делая вид, что припудривается.

— Или ты уже не способен удовлетворить молодую женщину?

— Боюсь, я уже нашёл себе пару. Всего доброго, Селеста! Ещё раз извини меня!

Рэв торопливо вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Спустя секунды тонкая деревянная преграда содрогнулась, будто с той стороны в неё ударилось что-то тяжёлое.

Спускаясь по лестнице, мужчина прислушивался к голосам внизу, желая только одного: выйти незамеченным и поскорее добраться до дома. Пятно продолжало жечь, а по временам бедро сводила настоящая судорога, заставляющая остановиться, вцепившись в перила и сдерживая стон боли, перевести дух.

К счастью, дверь в гостиную была прикрыта. Стараясь не привлекать к себе внимания, Рэв вышел на свежий воздух и почти бегом, насколько позволяла больная нога, направился в сторону южной окраины. Туда, где ждала его Леонтина, с которой он так жестоко обошёлся этим вечером.

Глава 21

Время истекало. Я чувствовала, как пропадают в вечности минуты и ничего не могла поделать: папка, закрытая на хитроумный замок, не поддавалась. Шпилька в моих руках выплясывала судорожный танец, оставив еле заметную царапину на золотистой зеркальной поверхности.

И всё же я выиграла эту битву с холодным металлом: раздался щелчок, и папка открылась. Я бегло просмотрела документы и, найдя тот, на который мне указывала Сильвия, принялась копировать непонятные знаки. Проект “Илиодор” лежал передо мной: на пятнадцати листах, исписанных мелким почерком, с зачеркиванием и поправками на полях. К счастью, мне не придётся его копировать.

Орден интересовало только Приложение к договору. Он умещался на одном листе и был написан крупными буквами, перепрыгивающими через строчку или две.

Посматривая на время, я переписала каждую закорючку. Сильвия чётко указала, когда я должна была закончить.

Пока надежда теплилась во мне, я уклонялась от приказов Ордена, давая обещания, выполнять которые не собиралась. Сильвия и Виктор проявляли нетерпение, но поделать со мной ничего не могли. Выдать напрямую — значило потерять надежду и искать нового человека. Угрозы я слушала вполуха, надеясь на покровительство хозяина и на то, что он поверит мне, а не им. Я собиралась рассказать жалостливую историю и со слезами на глазах попросить его защиты.

Но сегодня, после праздника пелена спала с глаз, и я поняла, насколько заблуждалась. Самое обидное было, что Рэв обвинил меня в том, отчего я усердно отрецивалась последние недели. Было ощущение, что он взял и сломал меня, отшвырнув прочь, как ненужную куклу.

Непрощенные слёзы закапали на бумагу, размыв в нескольких местах скопированные символы. “Волчий язык, должно быть, очень труден для перевода”, — подумала я злорадно, так и не выбрав окончательно правую сторону.

Я провела обряд оморочки, позволяющий на краткое время сделать меня невидимой для окружающих. Благодаря этому мне и удалось усыпить бдительность Боаны и её сподручных. Сильвия с Виктором ждали появления в доме Рэва чистокровной, потому как только та, в ком течёт древняя кровь без примеси иномирной, способна использовать настоящую магию.

Нынешнее моё задание больше походило на проверку, чем на настоящую вылазку. Слишком легко я нашла секретную папку Рэва, спрятанную за книгами на нижней полке шкафа. Конечно, наблюдательность и то, что я изучила повадки хозяина, его жесты, когда он находился в состоянии нервного возбуждения, сыграли мне на пользу. Рэв часто неосознанно проводил рукой по корешкам плотно стоящих книг, избегая нижней полки, словно она была запретной. Стоило мне кинуть на неё взгляд, как в глазах Рэва жёлтым огнём вспыхивало подозрение. Я и решила первым делом поискать за теми самыми, нелюбимыми, рядами толстых фолиантов об истории зарождения государства Волкодлаков.

Вначале я подумала, что зря надрываюсь, перетаскивая толстенные тома с места на место, и что неприязню к ним и обусловлено игнорирование хозяином этой полки. Но за вторым рядом меня ждала награда: кожаная папка цвета старой коры, закрытая на золотистую защёлку. К моему счастью, сейфами оборотни не пользовались.

Держа в руках секреты Рэва, пусть пока и неразгаданные, я почувствовала горькую радость. Что всколыхнётся в душе оборотня, когда он узнает, что виной его провала стала я? Та, которую он отверг и отправил подальше со своих глаз? Или Рэв подумает, что был прав в своих подозрениях? И даже не узнает о том, что оклеветал меня?

Эти мысли затуманили картинку перед глазами, но я собралась и решила предаться печали после. Я снова попала в ловушку, из которой не было выхода. Откажусь предать Рэва — уеду из этого дома навсегда, а дальше? Тоскливые дни и ночи в бесплодном ожидании? Если же я сейчас открою папку и скопирую документ, дороги назад не будет.

Поколебавшись, я решила довериться судьбе, приведший меня в этот дом. Удастся вскрыть замок, значит, так тому и быть!

На самом деле, меня всё время преследовало ощущение нереальности происходящего: не слишком-то искусно спрятанная папка, хлипкий замок, открывающийся обычной скрепкой или шпилькой... А что если это проверка, но не Сильвии и Ордена, а Рэва?

Допустить эту мысль я не успела, потому что пятно на бедре стало таким горячим, что я испугалась, как бы не вспыхнуть и не сгореть заживо. Жгло нестерпимо, стоять и дальше я уже не могла.

Пришлось сползти на пол, задрывшееся платье оголило клеймо на бедре. Метка стала красной, с проступающими, будто точки звёзд синими вкраплениями. Сейчас бы приложить к ней что-то холодное, но дойти до кухни сил не было.

Да и оставить на столе хозяина раскрытую папку, которую он заботливо прятал от посторонних глаз, значило провалить миссию. А мне хотелось отомстить так же сильно, как и глотнуть сейчас холодной воды. Стоило только подумать о Рэве, вспомнить наш сегодняшний разговор, как это придало мне решимости и сил.

Цепляясь за край стола, со сдерживаемым стоном я подтянулась и села в кресло. Поверхность с лежащей на ней раскрытой папкой, с разлетевшимися листками важных документов расплылась перед глазами. Я никак не могла сфокусировать взгляд, новая волна боли пронзила тело, словно через него прошла молния.

Время... Надо следить за временем. Действие заклинания не бесконечно. Как только оно начнёт ослабевать, меня будут искать. Обнаружат отсутствие в спальне, в которую я якобы поднялась излить своё горе равнодушным наволочкам и простыне. И всё пропало.

Я старалась дышать медленно и глубоко, так легче вернуть себе способность мыслить здраво. Дрожащими пальцами мертвенно бледных и холодных рук я собрала листы, аккуратно сложила их в том же порядке, как они были и захлопнула папку. Звук получился похожим на треск выстрела из ружья. Я слышала его лишь однажды. Отец в честь моего пятнадцатилетия, уступая уговорам и пряча усмешку в усах, взял дочь на охоту.

Я всё думала, каково это: добыче слышать звук близкой смерти? А сейчас ружьё стреляло по мою душу. Голова и всё тело горели, объятые невидимым пламенем. Я смяла листок с переписанными символами и как могла сложила его, пока он не уместился в ладони.

Теперь надо встать с кресла хозяина и выйти из его кабинета. Медленно, не привлекая внимания невидящих меня слуг, пройти в комнату и рухнуть на прохладные простыни. Или нет, вначале холодный душ.

Боль резанула по бедру, будто кинжал вошёл в плоть по рукоятку. Я зажала рот руками, чтобы не кричать. Меня колотила дрожь, сердце стучало в висках, кожа покрылась липким потом. Я сползла или скорее упала на пол, прислонившись спиной к боковушке стола. Переведя дух, нащупала оставленную папку и стащила её вниз. Грохот стоял невыносимый. Я уже смирилась с тем, что сюда ворвутся слуги и мне придётся дать им внятный ответ на вопрос, что я здесь делаю.

А для этого надо сделать последнее усилие и положить улику на место. Я двигалась словно во сне и наблюдая себя со стороны, видела, как проделала всё необходимое, чтобы скрыть следы взлома. Каким-то чудом удалось положить папку на предназначенное ей место, поставить тяжеленные фолианты так, чтобы даже придирчивому взгляду было не подкопаться.

Сколько времени это заняло, я едва ли смогла бы ответить, но никто не ломился в дверь. В доме было по-прежнему тихо, будто жизнь вокруг замерла, подчинившись древнему волшебству. Отчасти это было так.

Поднявшись на ноги в тот светлый промежуток, когда боль ненадолго отпускала меня, я спрятала сложенный листок в лифе полукорсета и вывалилась за дверь. Засов спасительно щёлкнул, полутёмный коридор был пуст. Теперь ничего не страшно. Даже если слуги найдут меня здесь, легко можно будет придумать оправдание: мол, я как преданная собака, не могу отойти от кабинета хозяина, решившего выбросить меня вон.

От этих невесёлых мыслей хотелось плакать или выть. Я ещё более укрепилась в своём решении следовать приказам Ордена и не жалеть того, кто не захотел оставить для меня хоть каплю сочувствия в своей душе. За время пребывания в доме Рэва, я отвыкла от собственных сородичей и больше не считала себя одной из них. Сильвия меня раздражала, как и сам Орден — организация с сотнями равнодушных лиц. Это они кинули меня сюда, тоже ни на толику не пожалев. Я одна должна была подготовить падение Рэва и срыв договора с Драконами, потому что в случае провала, мне некого будет за собой тащить. Всё спишут на безумие фанатика старого режима, меня.

Согнувшись пополам, держась за стены, я дотащила до боковой лестницы, ведущей на второй этаж, в то самое крыло, где и находилась спальня экономки, то есть, моя. Боль сделалась терпимее и слабее, но временами накатывающие судороги не давали подняться по ступенькам.

Я села на первую из них, подперев лоб и тяжёлую голову руками. Так было легче. Вскоре жжение превратилось в еле различимое покалывание, и я уже собиралась встать на ноги, когда рядом со мной сел тот, о ком я недавно думала и молча обнял меня за плечи.

— Ещё болит? — спросил он мягко и дотронулся до моего бедра. Несмотря на плотную ткань платья, метка словно отозвалась на его ласку: по телу разлилась волна приятного тепла. Я вздрогнула и

взглянула на Рэва.

— Уже лучше. Что со мной?

Закуток перед лестницей был освещён лучше, чем весь первый этаж, погруженный в сон. Под глазами у Рэва залегли тёмные тени, он казался усталым и бледнее обычного, как после изнуряющей болезни.

— Теперь всё будет хорошо, — ответил он со вздохом и печальной улыбкой. Его рука скользнула выше и легла мне на живот, низ которого тут же предательски занял, словно тело не хотело помнить нанесённых разуму обид. — Пойдём наверх, хочешь, я донесу тебя?

Я отрицательно замотала головой.

— Я сама.

Рука хозяина скользнула мне между ног и медленно прошла выше по внутренней поверхности другого бедра, чуть задержавшись на коленке, пока не обвила талию. Рэв сильным движением, почти рывком, поставил меня на ноги.

Если бы оборотень не держал меня, я, наверное, снова рухнула бы на пол. Его поддержка и моя злость помогли найти равновесие. “Как он уверен, что я всё равно отдамся ему, стоит только пожелать?! Даже несмотря на ужасные фразы, сказанные не так давно?” — думала я с раздражением прежде всего на саму себя, потому как это было правдой. Какая-то сила, крепче и древнее всех известных мне заклятий, влекла нас друг к другу. Я чувствовала её, но не могла объяснить, откуда та возникла. Мои заклинания казались игрушкой детворы, по сравнению с этой мощью, всё время стоящей у нас за спиной.

Рэв коснулся губами завитка уха, но ничего не сказал. Я была настороже и боялась каждого шороха. Мне мерещились десятки глаз, наблюдающих из-за спины, пока дверь комнаты не отрезала нас от остального мира.

— Интересно, где все? Не так уж и поздно, — проговорил Рэв, отчего страх сжал моё сердце в холодный кулак.

— Наверное, отдыхают после праздника, — сказала я, желая, чтобы хозяин поскорее ушёл, а я смогла спрятать переписанный листок. Рэв сделал шаг навстречу, опрокинув меня на постель и придавив сильным телом, неожиданно поцеловал в губы. Сначала нежно, словно изучая, а потом со всё более возрастающей страстью. Я обмякла в его руках, забыв на некоторое время о сопротивлении, и позволила его языку вести меня по дороге от тихой сладости до крутого взлёта, от которого в груди тесно, а во рту солоно.

— Прости меня, — прошептал он, заглянув в мои глаза и погладив ладонью по щеке.

Я не успела ничего ответить, как поцелуй возобновился, тело и душа, слитые воедино, снова парили в эфире, словно на мягких облаках. Метка на бедре приятно холодила кожу, наводя на мысль избавиться поскорее от одежды. Рэв всё делал сам, мне оставалось только следовать за зовом его естества, упирающегося мне в низ живота. Все мысли и планы смешались и отступили за пределы этой комнаты.

Очнулась я только тогда, когда почувствовала руки мужчины на своей груди. Он торопливо развязывал шнуровку полукорсета, в глубине которого я прятала постыдную тайну.

— Нет, — простонала я и начала сопротивляться, отталкивая мужчину. Вначале он принял мои протесты за кокетство и детскую обиду, но я не прекращала попытки и в конце концов он отстранился.

Я забилась в угол кровати, пождав ноги и вытирая слёзы.

— Пожалуйста, не надо, — всхлипывая, говорила я, прикрывая полуоткрытую грудь руками. В голове вертелось: что делать, если Рэв не остановится? С волчьей внимательностью шансов на то, что он не заметит выпавший свёрнутый листок, не было. А увидев, поднимет и развернёт. Тогда всё будет зря: и мой приезд сюда, и мои страдания.

— Не плачь, если не хочешь, я не трону тебя, — сказал он, протягивая ко мне руку. — Я был неправ, признаю. Просто не знал всего.

— Чего не знал? — спросила я, уставившись на мужчину с возросшим страхом. Я понимала, что речь не идёт о моей связи с Орденом, иначе разговор бы проходил не здесь и не в таком тоне, но перестать считать себя воровкой, застигнутой на месте кражи, не могла.

— О нас с тобой и о метках. — Видя, что я не собираюсь ничего спрашивать и продолжаю недоверчиво смотреть на него, Рэв продолжил: — Это знак “истинной пары”.

Он выразительно замолчал, словно больше пояснений не требовалось:

— И что это значит? — спросила я, радуясь, что отвлекла оборотня от посягательств на собственное тело, которое, к слову сказать, моего ликования по поводу прекращения ласк не разделяло.

— Что мы предназначены друг для друга. Мой народ верит, что это знак, дающийся свыше только избранным. Ничто не может помешать этим двоим быть вместе. Даже смерть.

— Разве так бывает? — ухмыльнулась я.

Рэв обошёл кровать и аккуратно присел рядом со мной:

— Давай так. Попробуем начать всё сначала. Я обещаю тебе, что залечу все твои раны. В том числе те, что нанёс сам.

— И всё дело только в предсказании?

Я никак не могла сдержать прорывающиеся в голосе язвительность и обиду, грызущую изнутри словно жук-древесник дерево. Оказывается, оборотень прибежал ко мне только по причине какой-то легенды! А так, ехала бы я уже в другой дом, и он обо мне никогда бы больше не вспомнил.

Видимо, эти мысли отобразились на лице, потому что Рэв обхватил мою голову, приблизив к себе так, чтобы я посмотрела в его глаза и не смогла не увидеть жёлтый огонёк поверх голубого льда:

— Дело во мне. Я могу больше не сопротивляться и не бояться той силы, что тянет к тебе. Теперь я уверен в том, что и ты не играешь.

Он снова поцеловал меня, но на этот раз со сдержанной нежностью. Мне безумно хотелось продолжения, чтобы после он обнимал и говорил о своих чувствах, пока сон не смежит мне веки. Пока не начнётся рассвет нового дня другой жизни, в которой не будет прошлого, разделяющего нас, как река берега.

— Спи, моя бабочка, — прошептал он, отстранившись. — У нас будет ещё много дней и ночей.

Рэв провел ладонью по моим волосам, пропуская их между пальцами, и не сказав больше не слова и не оглядываясь, вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь

Глава 22

В гостиной меня ждала Кларисса. Вот уж кого я никак не могла представить гостьей — так это её, особенно после нашего последнего разговора на празднике Плодородия.

При виде меня она встала с дивана и первой пошла навстречу с приклеенной улыбкой и бегающим взглядом:

— Пришла извиниться за тот разговор. Я всё выдумала, ты не подумай! — затараторила она и замолчала, поймав мой равнодушный взгляд.

— Зачем ты пришла на самом деле? — спросила я, оставшись стоять, скрестив руки на груди. Кларисса опустила глаза и застыла на месте.

— Что-то случилось? — Я повторила вопрос, который повис в воздухе.

— Навестишь со мной Феониту? — неожиданно спросила она.

— А больше никого в попутчики не нашла? Да и можно ли к ней?

Кларисса кивнула, а у самой в глазах появилось болезненное любопытство и еще что-то неуловимое.

— Хорошо, — я перехватила взгляд Клариссы, направленный на дверь. Она явно хотела сказать мне что-то без свидетелей. И я была готова это услышать, поэтому быстро поднялась к себе и переделалась в дорожное платье. Выйдя на крыльцо, где меня ждала соотечественница, я намеревалась уже спросить о настоящей цели её визита, но она прижала палец к губам, приказывая молчать.

Улица встретила нас опустевшими мостовыми, в воздухе носилось предчувствие скорой грозы.

— Поехали скорее, — схватив меня за руку, потащила Кларисса в сторону закрытого чёрного экипажа.

Усевшись на подушки, я мельком взглянула на окна гостиной. Занавеска на одном из них чуть заметно колебалась. Ничего удивительного в этом не было: даже с учётом моего положения, наблюдение с меня снимать и не думали. Значит, о моих перемещениях тут же доложат Рэву.

— Слышала, ты теперь важная дама? — ехидно улыбнулась Кларисса, сложив на коленях руки в перчатках цвета какао с молоком.

— Так ты это хотела спросить? Зачем же такая секретность, я ещё дома могла тебе об этом сказать, — ответила я, уставившись в окно. Сплетница всегда остаётся сплетницей, куда бы ни забросила её судьба!

— Это должно быть понравилось и твоим нынешним хозяевам, и прошлым, — продолжила она, игнорируя мой вопрос.

— О чём это ты?

— У меня для тебя послание, — Кларисса произнесла это так торжественно, будто оно шло лично от поверженного и сбежавшего в дальние страны императора. Девушка вынула из кармана сложенный вчетверо листок и протянула мне, выразительно подняв бровь. Её самодовольство начало бесить.

— Что там?

— Указание от прошлых хозяев, сказала же.

— У меня до приезда в Вервик не было хозяина, — сухо ответила я, но письмо взяла. Кинув вопросительный взгляд на продолжающую улыбаться Клариссу, развернула послание.

“ Следуй за подательницей сего для получения дальнейших указаний. Рассвет ближе, чем мы думаем”.

— Так ты тоже?..

— Что?

— Вот и скажи мне, что, — я уставилась на Клариссу, которая спокойно сказала мне пароль слуг Ордена:

— Впереди много тёмных ночей, Леонтина. Ты же ждёшь рассвета?

— Значит, ты тоже из Ордена, — кивнула я, понизив голос.

— Нет, конечно. Куда нам до вас? Но мне пообещали содействие в решении одного вопроса, если я помогу тебе.

— Визит к Феоните, конечно, лишь предлог?

— Напротив, он очень важен. Там тебя должны встретить. Кто не знаю, моя задача лишь отвести тебя туда, не вызвав подозрений.

Кларисса замолчала. По лицу было видно, что она наслаждается своей ролью и возможностью лишний раз уколоть меня.

— Так что с проклятием? Я не верю в то, что ты всё выдумала. Слишком складно у тебя выходит.

— Я не скажу тебе, — девушка наклонилась так близко, что мне стали видны капельки пота, блестящие на лбу. Дальнейшее стало неожиданностью и для меня: повинуюсь внутреннему порыву, я ухватила сплетницу за длинный нос. Она заверещала и попыталась отстраниться, откинувшись на подушки сиденья напротив, но я не собиралась выпускать добычу. Мне было плевать на то, что визг Клариссы слышен с улицы, я должна была узнать правду: другого шанса может не представиться.

— Будешь дёргаться, расцарапаю лицу так, что на обряд Соединения ты не попадёшь, это я тебе обещаю!

— Хорошо, я расскажу, — заикаясь, проблеяла Кларисса.

Я выпустила её нос, за который она тут же схватилась.

— Ну и манеры у чистокровной! Ты мне чуть его не оторвала!

— Прекрати скулить! — оборвала я её попытки заплакать и тем самым надавить на жалость. Меня никто не жалел и вряд ли кто пожалеет в будущем. — Я уже давно не та высокомерная девица, не видящая ничего дальше своего поселения. Какая разница: чистокровная или нет?

— Такая! Будь ты полукровкой, людволки не стали бы беречь тебя для обряда Соединения!

— А ты никогда не думала, что мы для них тоже Пришлые? — усмехнулась я. — И с нами поступают точно так же, как и мы с иномирцами! Наверное, это и есть справедливость Богов. Но ближе к делу, пока есть возможность поговорить наедине.

Кларисса попыталась мне возразить, но поймав пристальный взгляд, осеклась:

— Ладно. Но пеняй на себя, о таком лучше и не знать. — Девушка пригладила выбившиеся из хвоста пряди волос.

— Давай уже без предысторий!

Кларисса пару раз глубоко вздохнула, видимо, для пущего эффекта и, опустив глаза, тихо заговорила:

— Ну, я слышала не всё. Жрицы Плодоносной Матери сделали предсказание по просьбе старшего лорда Блентвера, отца твоего Найтвелла.

— Я знаю, кто это.

— Тогда зачем перебиваешь? Значит, так. Предсказание говорило, что ты родишь только одного ребёнка, и тот будет порченным. Больным. А у старшего Блентвера большие планы на единственного сына. Так что твой брак с ним был спешно отменен, но лорд Кайрис пообещал взамен отдать за Найтвелла твою младшую сестру.

Кларисса замолчала, а я сидела, не веря услышанному.

— Когда же лорд Блентвер получил предсказание?

— Да за две недели до того, как тебе объявили волю Совета. Или около того, — Кларисса пожала плечами.

Экипаж остановился. В окне я увидела, что мы остановились у белокаменной обители мудрости, как называли свой центр лазари.

— А ты не врешь? — Я ухватила Клариссу, собиравшуюся выскользнуть на улицу, за тонкое запястье.

— Нет, клянусь Плодоносной Матерью! Они, наверное, уже и поженились.

Я отпустила руку дурной вестницы и вышла вслед за ней на мостовую, уже ничего не соображая.

— Мы и впрямь идём к Феоните? — поинтересовалась я, когда широкая лестница с белыми мраморными ступенями привела нас на второй этаж.

Он разительно отличался от первого, напоминающего лазарет. Комната была обставлена добротной, хоть и не новой мебелью, при этом начисто лишена показной роскоши. В ней не было ни дорогих ваз, ни гобеленов. Здесь размещались незамужние дамы высокого происхождения, предназначенные для обрядов, проводимых лазарями.

Ковёр под ногами был мягок, создавалось впечатление, что ступаешь по облаку. Пустой прямой коридор, в конце сворачивающий налево, привел нас в маленький закуток с тремя дверьми.

— Конечно. Ты же сама спрашивала про неё. Неужели не хочешь навестить?

Спорить я не стала. Кларисса уверенно постучала в одну из дверей. Замок щёлкнул, и в проёме показалась тщедушная старушка с ярко-синими молодыми глазами. Она добродушно улыбнулась, глаза утонули в бороздах морщин. Казалось, её лицо живёт своей жизнью, и каждая глубокая складка на коже меняет направление в зависимости от настроения хозяйки.

— Сейчас я приведу вашу подругу, — проговорила старуха тонким голоском, больше подходящим молодой девушке.

И проходя мимо, случайно задела меня плечом, очего сама еле удержала равновесие. Из жалости я подхватила её, не дав упасть. Старушка горячо поблагодарила, погладив меня по руке, и ушла, бормоча извинения.

— Ну и прислужница! Ей наверное лет сто! — возмутилась Кларисса, скривив губы. В душе слабо всколыхнулось возмущение, но отчитывать девушку посчитала нечестным: ещё недавно я вела себя схожим образом. Жизнь собьёт спесь с бывшей старой девы.

Говорить нам было не о чем, поэтому я подошла к окну и рассматривала внутренний дворик лазарета. Маленький, квадратный, с ровными рядами грядок он был очень в духе людоволков, с их стремлением к порядку. Большие широкие листья кустарников с красной камкой по краям издали притягивали взгляд. В тени здания они чувствовали себя вольготно, изящные стебли поддерживали пышную крону, растения походили на тонконогих плясуний в многослойных юбках, взметнувшихся в порыве танца, и вполне заменяли цветы, которые Волкодлаки не жаловали. “Из-за слишком яркого запаха”, — объяснил мне однажды Рэв.

Задумавшись о посторонних вещах, только бы не возвращаться в мыслях к насущным делам, о которых решила поразмыслить позже, я не заметила как в комнату тенью скользнула Феонита.

Кларисса первой сделала движение навстречу, я обернулась, чтобы поздороваться, да так и застыла на месте. Феонита выглядела немного растерянной, но как всегда была спокойна и приветливо улыбалась. Белый цвет туники выгодно оттенял её тёмные волосы и светлую кожу.

— Как ты? — только и выдавила я из себя, глядя в изумрудные глаза собеседницы, которые больше не сияли так ярко, как прежде.

— Всё нормально. Уже привыкла.

Я мысленно подсчитала, сколько времени прошло с праздника Плодородия: неделя. Конечно, о результатах спрашивать ещё рано, а о том, как всё прошло, как девушка перенесла обряд, не было желания. К тому же мучило чувство вины: она ведь подменила меня.

Зато Клариссе тактичность была неведома:

— Расскажи, каково это?

Я шикнула на неё и хотела дёрнуть за руку, чтобы в очередной раз напомнить наглой девице о вреде излишнего любопытства, но Феонита меня остановила:

— Всё нормально, Леонтина. Я понимаю ваш интерес и рада, что меня навестили. Было больно и страшно, теперь я уже пришла в себя. От судьбы не убежишь. Да и жаловаться мне не на что: обращение со мной хорошее.

Девушка присела в кресло и ободряюще нам улыбнулась:

— Может именно с этой целью Хель и оставила меня жить после аварии.

— Откуда ты знаешь, в чём твоё предназначение? — решила спросить я. Фейри умеют отвечать на такие вопросы не хуже жриц-прорицательниц. — Как его угадать?

— Знаки. Они подскажут. Слушай, что происходит вокруг и себя тоже не забывай спрашивать о том, чего тебе хочется.

Феонита посмотрела на меня снизу вверх, шрам на её щеке чуть покраснел.

Мы с Клариссой, словно очнувшись, тоже сели в кресла напротив. Разговор вышел странный и неловкий, я видела, как моя спутница, утолив любопытство, начала ерзать и поглядывать на дверь. Мне же совсем не хотелось покидать место, где ощущалось спокойствие и не было места душевным метаниям в поисках правильного решения.

— Когда будет известно, носишь ли ты ребёнка? — спросила я напоследок.

— Как и всегда, со следующим новолунием. Но я знаю, что это так. Чувствую.

Феонита улыбнулась и, обратившись ко мне, продолжила:

— Это испытание на прочность, но ты выдержишь. К тому же, и награда будет велика.

Я хотела спросить, что конкретно она имеет в виду, но поймала взгляд, направленный на мой живот и лишь кивнула в ответ. Не рассказывать же ей о проклятии!

На том мы и расстались. Кларисса начала говорить, что мы ещё навестим подругу, но та лишь печально покачала головой.

— Не надо. Теперь каждый идёт своей дорогой.

Вышли мы, как и явились в дом лазарей, храня неприязненное молчание. Ливень уже закончился. Как и обещал Рэв, гроза прошла стороной.

Стоило только сесть в экипаж, как Кларисса, зыркнув на меня, спросила настороженным тоном:

— Ты совсем не беспокоишься?

— О чём? — говорить мне не хотелось, я мечтала скорее добраться до Рэва и, уткнувшись ему в грудь, рассказать всё. Решение было принято, хотя страх будущего никуда не делся.

— Свяznego мы так и не видели. Вдруг что-то пошло не так? Учти, если тебя разоблачат, я буду всё отрицать. Мне себя губить ни к чему!

Я кивнула и отмахнулась от Клариссы, как от назойливой мухи. Вводить в курс дела я её не собиралась. К тому же тщедушная старушка, оказавшаяся связной Ордена, пока я помогала ей подняться после мнимого падения, успела сунуть в руку клочок бумаги. Но Кларисссе об этом знать было совсем ни к чему.

Глава 23

В гостиной меня ждала Кларисса. Вот уж кого я никак не могла представить гостьей — так это её, особенно после нашего последнего разговора на празднике Плодородия.

При виде меня она встала с дивана и первой пошла навстречу с приклеенной улыбкой и бегающим взглядом:

— Пришла извиниться за тот разговор. Я всё выдумала, ты не подумай! — затараторила она и замолчала, поймав мой равнодушный взгляд.

— Зачем ты пришла на самом деле? — спросила я, оставшись стоять, скрестив руки на груди. Кларисса опустила глаза и застыла на месте.

— Что-то случилось? — Я повторила вопрос, который повис в воздухе.

— Навестишь со мной Феониту? — неожиданно спросила она.

— А больше никого в попутчики не нашла? Да и можно ли к ней?

Кларисса кивнула, а у самой в глазах появилось болезненное любопытство и еще что-то неуловимое.

— Хорошо, — я перехватила взгляд Клариссы, направленный на дверь. Она явно хотела сказать мне что-то без свидетелей. И я была готова это услышать, поэтому быстро поднялась к себе и переделалась в дорожное платье. Выйдя на крыльцо, где меня ждала соотечественница, я намеревалась уже спросить о настоящей цели её визита, но она прижала палец к губам, приказывая молчать.

Улица встретила нас опустевшими мостовыми, в воздухе носилось предчувствие скорой грозы.

— Поехали скорее, — схватив меня за руку, потащила Кларисса в сторону закрытого чёрного экипажа.

Усевшись на подушки, я мельком взглянула на окна гостиной. Занавеска на одном из них чуть заметно колебалась. Ничего удивительного в этом не было: даже с учётом моего положения, наблюдение с меня снимать и не думали. Значит, о моих перемещениях тут же доложат Рэву.

— Слышала, ты теперь важная дама? — ехидно улыбнулась Кларисса, сложив на коленях руки в перчатках цвета какао с молоком.

— Так ты это хотела спросить? Зачем же такая секретность, я ещё дома могла тебе об этом сказать, — ответила я, уставившись в окно. Сплетница всегда остаётся сплетницей, куда бы ни забросила её судьба!

— Это должно быть понравилось и твоим нынешним хозяевам, и прошлым, — продолжила она, игнорируя мой вопрос.

— О чём это ты?

— У меня для тебя послание, — Кларисса произнесла это так торжественно, будто оно шло лично от поверженного и сбежавшего в дальние страны императора. Девушка вынула из кармана сложенный вчетверо листок и протянула мне, выразительно подняв бровь. Её самодовольство начало бесить.

— Что там?

— Указание от прошлых хозяев, сказала же.

— У меня до приезда в Вервик не было хозяина, — сухо ответила я, но письмо взяла. Кинув вопросительный взгляд на продолжающую улыбаться Клариссу, развернула послание.

“ Следуй за подательницей сего для получения дальнейших указаний. Рассвет ближе, чем мы думаем”.

— Так ты тоже?..

— Что?

— Вот и скажи мне, что, — я уставилась на Клариссу, которая спокойно сказала мне пароль слуг Ордена:

— Впереди много тёмных ночей, Леонтина. Ты же ждёшь рассвета?

— Значит, ты тоже из Ордена, — кивнула я, понизив голос.

— Нет, конечно. Куда нам до вас? Но мне пообещали содействие в решении одного вопроса, если я помогу тебе.

— Визит к Феоните, конечно, лишь предлог?

— Напротив, он очень важен. Там тебя должны встретить. Кто не знаю, моя задача лишь отвести тебя туда, не вызвав подозрений.

Кларисса замолчала. По лицу было видно, что она наслаждается своей ролью и возможностью лишний раз уколоть меня.

— Так что с проклятием? Я не верю в то, что ты всё выдумала. Слишком складно у тебя выходит.

— Я не скажу тебе, — девушка наклонилась так близко, что мне стали видны капельки пота, блестящие на лбу. Дальнейшее стало неожиданностью и для меня: повинуюсь внутреннему порыву, я ухватила сплетницу за длинный нос. Она заверещала и попыталась отстраниться, откинувшись на подушки сиденья напротив, но я не собиралась выпускать добычу. Мне было плевать на то, что визг Клариссы слышен с улицы, я должна была узнать правду: другого шанса может не представиться.

— Будешь дёргаться, расцарапаю лицу так, что на обряд Соединения ты не попадёшь, это я тебе обещаю!

— Хорошо, я расскажу, — заикаясь, проблеяла Кларисса.

Я выпустила её нос, за который она тут же схватилась.

— Ну и манеры у чистокровной! Ты мне чуть его не оторвала!

— Прекрати скулить! — оборвала я её попытки заплакать и тем самым надавить на жалость. Меня никто не жалел и вряд ли кто пожалеет в будущем. — Я уже давно не та высокомерная девица, не видящая ничего дальше своего поселения. Какая разница: чистокровная или нет?

— Такая! Будь ты полукровкой, людволки не стали бы беречь тебя для обряда Соединения!

— А ты никогда не думала, что мы для них тоже Пришлые? — усмехнулась я. — И с нами поступают точно так же, как и мы с иномирцами! Наверное, это и есть справедливость Богов. Но ближе к делу, пока есть возможность поговорить наедине.

Кларисса попыталась мне возразить, но поймав пристальный взгляд, осеклась:

— Ладно. Но пеняй на себя, о таком лучше и не знать. — Девушка пригладила выбившиеся из хвоста пряди волос.

— Давай уже без предысторий!

Кларисса пару раз глубоко вздохнула, видимо, для пущего эффекта и, опустив глаза, тихо заговорила:

— Ну, я слышала не всё. Жрицы Плодоносной Матери сделали предсказание по просьбе старшего лорда Блентвера, отца твоего Найтвелла.

— Я знаю, кто это.

— Тогда зачем перебиваешь? Значит, так. Предсказание говорило, что ты родишь только одного ребёнка, и тот будет порченным. Больным. А у старшего Блентвера большие планы на единственного сына. Так что твой брак с ним был спешно отменен, но лорд Кайрис пообещал взамен отдать за Найтвелла твою младшую сестру.

Кларисса замолчала, а я сидела, не веря услышанному.

— Когда же лорд Блентвер получил предсказание?

— Да за две недели до того, как тебе объявили волю Совета. Или около того, — Кларисса пожала плечами.

Экипаж остановился. В окне я увидела, что мы остановились у белокаменной обители мудрости, как называли свой центр лазари.

— А ты не врешь? — Я ухватила Клариссу, собиравшуюся выскользнуть на улицу, за тонкое запястье.

— Нет, клянусь Плодоносной Матерью! Они, наверное, уже и поженились.

Я отпустила руку дурной вестницы и вышла вслед за ней на мостовую, уже ничего не соображая.

Глава 24

— Так ты говоришь, рыбка клюнула на приманку? — Рэв задумчиво вертел в руках наточенное гусиное перо и из-под полуприкрытых век наблюдал за сидящей напротив Боаной.

Экономка кивнула и продолжала ждать указаний:

— Сама её видела?

— Нет. Но папку трогали и открывали. Не ключом, на замке остались царапины.

— Как так получилось, что ты не уследила за Леонтиной? — Рэв обвёл глазами кабинет и ненадолго задержал взгляд на нижней полке шкафа.

— Использовали невидимое заклятие, доступное лишь чистокровным. Скорее всего, они проникли в ночь праздника Плодородия.

— Да, идеальное время. Большинства слуг нет дома, а остальные слишком пьяны, чтобы следить за пленницей. Но ты сказала “они”? Имена всех сообщников переписаны? Не затаятся ли оставшиеся, чтобы через время начать действовать снова? Помни, мы слишком долго расставляли силки, чтобы из них выскользнул хоть один! Тот, кто отвечает за безопасность Совета, не может позволить себе такой промах!

— Я уверена, хозяин. Нам известны имена всех заговорщиков, — самодовольно улыбнулась Боана. — Ошибки нет.

Рэв положил перо на стол и сделал экономке знак оставить его одного:

— Покажи её библиотеку как можно скорее. Она будет искать ключ, способный расшифровать истинный язык, — сказал он напоследок. Боана кивнула, в её глазах промелькнуло понимание и одобрение.

Откинувшись в рабочем кресле, мужчина опустил руки на подлокотники и задумался, как лучше поступить с заговорщиками. Головы гидры надо рубить сразу, только, как понять, сколько из них держатся в такой глубокой тени, что никогда не показываются на свет. Ещё одна ячейка Ордена раскрыта. Сильвия, молчаливый и исполнительный Виктор, смотрительница дома для Приезжих, куда помещают жертвенных девушек в первую ночь... И Леонтина.

Жертва или палач? Скорее всего, и то, и другое. Несмотря на её затуманенные страстью глаза, чистокровная готовит его гибель. Она скопировала договор. Нет, пожалуй, это слишком долго. Девушка, вероятно, ограничилась приложением на одной странице, где хранилась секретная информация о настоящих намерениях Волкодлаков.

Договор на будущей неделе станет известен каждому оборотню. Разумеется, если Драконы подпишут его. Хотя, конечно, так и будет. Общая столица, новый Совет на две трети состоящий из Драконов, иная роль его народа, которая ему не подходит. Огнедышащие спешат превратить Волкодлаков в собственную армию, охраняющую их права, придуманные для того, чтобы единолично править Илиосом.

А Приложение содержит тайное решение Совета Стаи: армия должна набраться сил, узнать слабые места псевдосоюзника и после нанести решающий удар. Выставить ультиматум. Сильных Драконов не так много, сопротивление не будет долгим. А пока его народ научится пользоваться тем, чего боится сильнее прочего: противостоять открытому огню.

Пока Драконы должны думать, что Волкодлаки согласны им покориться и признать главенство тех, кто умеет летать.

Но все планы грозились рассыпаться серым пеплом из-за его одержимости дочерью вражеского народа, который гораздо коварнее Огнедышащих. В руках Древних хранится огромная сила, способная обезглавить любое войско, пусть и ценой собственных жизней.

Ворон Хугин, спутник и слуга бога Фенрира, всё же позаботился о своём народе, лишив Древних самоотверженности и храбрости, способной заставить открыто сражаться с противником, превосходящим их числом. Чистокровные — это гадюки, шипящие из сухой травы, опалённой солнцем степей. Они трусливы, значит, нужны показательные и жестокие расправы. В том числе и с ней, посмевавшей выдавать себя за его “истинную пару”.

По спине побежал липкий холод. Рэв вздохнул и встал с места, чтобы распахнуть створки окна. Все его попытки помочь Леонтине признаться потерпели неудачу. А он как последний щенок давал ей шанс снова и снова! Был с ней нежен и терпелив, даже удерживал в узде своё влечение, давая девушке возможность оценить его.

Но всё, конечно, зря. Она просто расчётливая сучка! И какова бы ни была природа их меток, ответит за свои прегрешения!

Промелькнула противная мысль о том, что он всё равно простит врага, стоит той только снова посмотреть на него влажными чёрными глазами, в глубине которых всегда полночь.

Рэв закрыл окно, стукнув створками так, что жалостливо задребезжали стёкла. “Скоро всё закончится! — подумал он. — Как только мышеловка под названием библиотека захлопнется!”

Вход в библиотеку скрывался под лестницей. Старая дверь была похожа на ту, что обычно ведёт в чулан, заваленный барахлом, которому нет применения, но выбросить жалко.

Боана достала большой железный ключ и вставила его в навесной замок, внутри которого несколько раз что-то щёлкнуло. Первая преграда пала, но за деревянной дверью обнаружилась ещё одна: толстая и металлическая.

— На случай пожара, — пояснила бывшая жрица и на этот раз достала маленький ключик, идеально подошедший к замочной скважине. — Только не пугайся!

Не успела я спросить, чего мне следовало бояться, как очутилась в квадратном помещении, походившем на кабинет. Сходство усиливал стоящий посередине массивный письменный стол, за которым можно было не торопясь прочесть одну из книг в добротных переплётках с серебряным тиснением.

Голова закружилась от обилия одинаковых корешков толстых томов. Вдобавок в комнате был затхлый запах, как в помещении без окон, но на удивление совсем не было пыли.

— Здесь есть маленькое окно, его не видно за полками. Без свежего воздуха книгам никак! — произнесла Боана, видя, что я закашлялась. — Сейчас открою.

И отойдя в дальний угол, просунула руку между шкапами. Сверху потянуло прохладой.

— Вот так будет лучше! — сказала она, отряхивая платье и проводя по волосам, уложенным в тугий пучок на затылке. — Ну, а теперь я тебя оставлю. У меня очень много дел.

Экономка виновато улыбнулась и тут же отвела взгляд. Я не знала, что ответить и просто ждала, пока останусь одна.

Наконец, так и случилось. Первым делом я присела за стол, в роскошное чёрное кресло, в котором, должно быть, так удобно отрешиться от остального мира и забыться от своих горестей за очередной книгой.

Мне надо было собраться с мыслями. Итак, я выбрала сторону, и теперь дороги назад нет. После того, как я старательно скопировала переписанный листок, исправив в нём десяток-другой символов, да так, чтобы даже имея на руках переводчик с волчьего, Орден не смог бы составить внятный текст, я отдала новый вариант Сильвии. Та была довольна.

И что тогда я здесь делаю? Ищу книгу-ключ, которая поможет Ордену расшифровать бумагу Рэва? Так ведь, всё равно она теперь не работает!

Я вздохнула и подошла ближе к одному из стеллажей. Корешки книг были сделаны из кожи животных и всё ещё хранили их тепло. Я читала заголовки, а мыслями возвращалась к Рэву.

Я так и не призналась ему в своём грехе. Первые дни после посещения Феониты мне было страшно. Предсказание, сделанное жрицами Плодородной матери, перечеркнуло моё будущее. Должно быть, это сразу понял и мой отец. Он отдал меня Ордену, потому что не нашёл дочери иного применения. Прозабать приживалкой при более удачливых сёстрах — это удел слабых, а представители рода Саламандры такими не были. Но ведь я перестала носить фамилию лорда Кайриса, младшего брата некогда славной фамилии, а значит, могла себе позволить действовать так, как подсказывало сердце.

Я гладила книги кончиками пальцев, будто молила одну из них отозваться. Но ведь в волчьей библиотеке не может находиться манускрипт, рассказывающий о том, как перехитрить судьбу. Даже мой Дар и магия этого не смогли, чего ожидать от людоволков, опирающихся на разум?

Сможет ли Рэв “вылечить” меня? И захочет ли? Он будто избегал наших встреч в последнее время, хотя совместные трапезы превратились в приятную традицию. Во время ужина и после оборотень был вежлив и предупредителен, внимательно слушал весь вздор, который я болтала, стоило пригубить вина цвета спелого абрикоса.

Я боялась Рэва и саму себя. Иногда казалось, что он всё знает и лишь играет со мной, как лис с

мышью. Но бывали и другие моменты. Он провожал меня до двери спальни и, легонько поцеловав руку, спешил уйти, а я не смела его остановить. Если бы он однажды проявил настойчивость, я давно бы отдалась ему снова и после с облегчением рассказала о своём предательстве. Но оборотень не делал попыток, словно изводил меня и себя. Я же видела и чувствовала по жжению метки, чего мы оба хотим!

Мне стало жарко, одежда прилипла к телу, на лбу проступили капли пота. Надо уходить, но Сильвия начала проявлять нетерпение и вернуться с пустыми руками значило стать объектом для её насмешек. Хуже всего, что те касались наших отношений с Рэвом. Мол, я давно надоела ему и поэтому должна исполнить свой долг, пока оборотень не отослал меня подальше.

Записка, отданная мне старушкой в доме лазарей, содержала подсказку, где искать ключ, отпирающий двери в мир волчьего языка. Книга должна была отличаться от прочих еле заметными символами на полях в виде ромба с изогнутым стеблем цветка в середине. Искать её надо на верхних полках, встав на приставную лестницу.

Но книг было много, требовалось пересмотреть каждую. На это могли уйти месяцы. Поэтому Виктор передал мне изготовленный амулет, способный указать направление, где была спрятана книга. Я боялась спросить, где он его взял. Вдруг узнаю, что в делах Ордена замешан кто-то ещё? А ведь мне вскорости, чтобы доказать свою преданность любовнику, придётся всех их сдать.

Я достала из полукорсета амулет и положила круглый предмет, топорщащийся птичьими перьями, на вытянутую ладонь. Она тут же потеплела, и на секунду мне показалось, что Дар вернулся. Но эта была иллюзия: огонь больше не играл на кончиках пальцев.

Я услышала зов, он исходил от стеллажа, расположенного направо от входа. Встав на приставную лестницу, я без труда нашла то, что искала. Стоило положить амулет на нужную книгу, как серебряные узоры на переплёте засияли так, что можно было одной книгой осветить тёмную комнату.

На пару мгновений мне показалось, что магический предмет ожил и превратился в змею, свернувшуюся калачиком на пригорке. Я выронила книгу, предварительно раздавив магический предмет. Слишком поздно пришло осознание, что это была ошибка. Мне сразу стало трудно дышать. Голова закружилась, я ухватилась за верхнюю полку, чтобы удержаться на шатающейся лестнице.

Металлическая конструкция с грохотом повалилась на пол, я же осталась висеть на руках, держась за верхнюю полку. Понимая, что долго не продержусь, а помощь придёт слишком поздно, я попыталась посмотреть, как лучше приземлиться, чтобы не сломать ноги. Падать будет невысоко, но легко можно пораниться о лежавшую на боку лестницу. Кричать было слишком унижительно, и тогда придётся давать объяснения...

Пот застилал глаза, руки ломило от напряжения, стальной край полки впивался в пальцы, а метка на бедре пылала огнём. "Как глупо!" — успела подумать я и сдалась. Теперь звать на помощь уже поздно.

В то же мгновение падение закончилось, не успев начаться. Вскрикнув, я оказалась в объятиях Рэва, который бережно поставил меня на пол. Ничего не соображая, я всхлинула и кинулась ему на шею. Слезы сами собой полились из глаз.

— Ну же, ты что? Так испугалась? Не ушиблась? — принялся утешать меня мужчина, глядя по щеке. Я обхватила его торс руками и зарылась лицом в рубашку, всё ещё дрожа, словно от холода. В тот момент я поняла, что больше так не могу: прятаться и лгать, оглядываясь по сторонам. Возвращаться мне некуда и незачем.

— Я хочу уйти отсюда, — всхлинула я ещё раз.

Рэв обхватил мою голову руками, заставив посмотреть на него снизу вверх:

— После. Здесь безопаснее, чем где-то ещё. И нет посторонних, — произнёс он мягко, но я увидела жёлтый отблеск в глубине голубых глаз.

И снова я ощутила жар, возникший где-то на уровне пупка, а через миг завладевший всем телом. Я первой подалась навстречу, поймав улыбку Рэва. Поцелуй был слаще, чем когда-либо прежде. Ноги сделались ватными.

— Скажи это мне, — прошептал Рэв. — Я хочу услышать.

— Что?

— Не играй, скажи, — его рука скользнула по спине и опустилась ниже, больно сдавив ягодицу. Я

застонала и подчинилась: не только ему, но зову своего сердца:

— Я хочу тебя, Рэв, — негромко произнесла почти умоляющим тоном.

— Меня? Или мужчину?

Он продолжал крепко держать, прижав к себе одной рукой, а вторая ухватила за подбородок, не давая отвести взгляд.

— Ты же знаешь, что тебя.

— И ты будешь верна мне до конца? Сделаешь всё, что я скажу?

— Да.

Я не лгала, понимая, что вопросы, задаваемые Рэвом, касаются не только любви. Больше он ничего не спрашивал, поцелуи жгли кожу шеи и груди, оголяя всё больше тела.

Я была податливым воском в сильных руках и с радостью приняла мужчину так, как он того пожелал. Лежа спиной на гладкой поверхности стола, не сдерживала своих чувств. Я стонала и металась, моё тело содрогалось каждый раз, как он подавался мне навстречу. В голове билось только одно желание: служить своему хозяину и в то же время каждодневно разжигать его вожделение, словно костёр в тёмном лесу, являться источником сладких мук, способным дать успокоение до следующего прилива страсти.

Кончили мы почти одновременно, из горла вырвался стон, в котором смешались торжество и скорбь, победа и поражение. Я больше не сомневалась в своём предназначении, в том, что метки — клеймо истинной пары, но радость, с которой я отдалась оборотню, омрачилась мыслями о предсказании, чёрным покрывалом нависшем надо мной.

Принимая его семя, я с горечью понимала, что не смогу родить любимому человеку сына, о котором он мечтал.

— Тебе больно? — спросил Рэв, помогая мне слезть со стола. Я опустила подол платья и произнесла, пряча глаза:

— Я не знаю, как тебе всё рассказать. И почему-то мне кажется, что ты всё уже знаешь.

— О чём? — Рэв сильнее сдвинул мою руку. Лучшего времени для признания могло и не быть. Надо решиться и преодолеть страх или замолчать навеки и продолжить игру, которая, вполне возможно, приведёт меня к гибели.

Я решилась:

— О моей вине перед тобой, — ответила я и посмотрела в ледяные глаза мужчины. Мне так хотелось, чтобы он меня обнял и сказал, что всё будет в порядке, что он всё понимает и принимает меня такой, какая я есть. Но, конечно, это был бы уже не Рэв. Я чувствовала его смятение и растущий гнев, словно и не было страстных ласк на столе пару минут назад. — Меня привели в этот дом, чтобы выкрасть один документ.

Рэв приблизил меня к себе и легонько встряхнул за плечи:

— Кто? Говори уже!

— Мы называем его Орденом Сопротивления. Тайной организацией, делающей всё, чтобы изгнать вас с нашей земли, — пролепетала я, избегая прямого взгляда. И почувствовала, как по лицу побежали слёзы. Щёки окрасились багрянцем стыда.

Рэв отпустил меня и отошёл к стеллажу с книгами.

— Почему ты говоришь об этом сейчас? — спокойным тоном спросил он, отвернувшись от меня.

— Я не могу больше лгать тебе. И не хочу. Прости меня, если...

— Если что? — Рэв резко подошёл ко мне и, взяв за подбородок, заставил посмотреть на него. — Ты искала здесь то, что поможет сообщникам перевести скопированное тобой ранее Приложение к Договору с Огнедышащими. Ты просто выполнила свою роль и чувствуешь, что больше не нужна тем, кто тебя послал. Вот и цепляешься за меня!

— Это неправда! — закричала я. — Я отдала им испорченный листок. Символы перемешаны и искажены.

Меня била дрожь. Я понимала гнев Рэва и боялась, что он не поверит мне, оттолкнёт и отгородится стеной молчания.

Он смерил меня долгим взглядом, в котором сквозило недоверие, смешанное с надеждой:

— Я прошу поверить мне, — прошептала я.

— Ты знаешь, что тебя и твоих сообщников ждёт смерть?

— В таком случае приму её, — только и смогла ответить я, успев отвернуться, чтобы скрыть свою боль. Страх смерти во мне не было, гораздо больше я боялась потерять того, кого успела полюбить всей душой. И если второму суждено случиться, умереть будет для меня наилучшим выходом.

— Мне давно обо всём известно, — услышала я голос Рэва. Он говорил спокойно, но по жжению метки я догадывалась, какие чувства бушевали у него внутри. Боль от потери любимого, от осознания, что нам никогда не быть вместе, заполнила меня до краёв. — Иди к себе и не выходи, пока я тебя не позову.

Я кивнула и, не глядя на Рэва, медленно пошла к выходу. Я надеялась, что он окликнет меня. Так и произошло:

— Леонтина, — голос оборотня смягчился. — То предсказание — это большая ложь. Отец твоего жениха хотел получить в невестки другую сестру. Вот и всё. Подкупить ваших жриц оказалось нетрудным делом.

Я равнодушно подумала, что мне настал конец. Хуже, чем сейчас, быть уже не может.

Глава 25

Я ошибалась. Последующие дни тянулись медленно, превратив время в изощрённую пытку. Я проводила его в одиночестве, по большей части в постели или сидя у окна.

Меня охватило оцепенение, странное равнодушие к собственному положению. Всё, что могла, я уже потеряла: невинность, честь, любовь и даже иллюзии. Осталась только никому не нужная жизнь.

Вместо Сильвии мне теперь прислуживала Иветта. Её немота будто отгораживала от остального мира. Что толку говорить с тем, кто не может ответить?

Рэв не навещал меня и не давал знать о принятом решении. Благодаря метке на бедре я чувствовала его глухое раздражение, но не была уверена, только ли я являюсь его источником.

Боана тоже не приходила, а я так надеялась, что смогу через неё передать хозяину письмо, где обстоятельно, без запирательства и отговорок, расскажу всё, как было. Я писала каждый день и на закате рвала бумагу в мелкие кусочки, чтобы с утренней зарёй приняться за бесполезную работу вновь.

Так прошли три недели. Бездействие в неведении закончилось, когда однажды поутру Иветта передала мне сложенный напополам лист, где почерком Рэва было написано, что он ждёт меня в кабинете.

Я накинула на себя домашний халат и, торопливо запахнув его, поспешила вниз, мельком взглянув на себя в зеркало.

Сердце колотилось так, что я не решилась поднять глаз на Рэва. Замерла на пороге, ожидая позволения поднять голову и сесть в кресло. Я не опасалась мужчину, с которым недавно делила постель, скорее это была попытка показать свою покорность и готовность принять любое решение хозяина.

Был у меня ещё один козырь, возможность, которую я хотела предложить Рэву. Легенда об истинной паре так захватила моё воображение, что я приняла на веру древние сказания людovolков.

— Все твои сообщники мертвы, — начал разговор оборотень, не оказывая мне уважения и оставив стоять в дверях. — Но о твоём предательстве пока никто не знает, хотя уже ходят слухи.

Рэв мерил шагами кабинет и останавливался напротив шкафа с книгами, словно разговаривал с ними, а не со мной.

— Если ты хочешь сохранить жизнь и послужить мне, то придётся пойти на риск.

— Я готова, — произнесла я, воспользовавшись образовавшейся паузой.

— С чего ты решила, что всё будет просто? Может, я подвергну тебя смертельной опасности? — Рэв встал напротив меня. Я подняла голову и поймала его напряжённый взгляд.

— Мой отец и те, кого я считала защитниками рода, тоже это сделали, — ответила я, глядя в глаза мужчины. — Не ради страны и высоких идеалов, а из личной выгоды. Ты же, напротив, не обязан меня покрывать, но делаешь это.

— Думаешь, ради тебя?

— Сердце говорит, что в том числе и поэтому. И я в хочу отплатить тебе тем же.

Мы замолчали и продолжали стоять напротив друг друга, смотря глаза в глаза и безмолвно общаясь. Рэв смягчился, я видела, что он не готов простить меня безоговорочно. Однако уже то, что оборотень пока не отказался от женщины, с самого начала намеревавшейся предать его, не прогнал её прочь, значило для меня многое.

Он взял меня за руку и подвёл к креслу, силой усадив в него. Сам он сел за стол, откинувшись в кресле и долго изучая меня.

— Чтобы избежать кривотолков, я предлагаю тебе пройти через обряд Соединения. Вместе со мной.

Я облегчённо выдохнула. Это было лучше, чем я могла бы надеяться. Ведь пару минут назад сама хотела предложить то же самое. Разве может быть для женщины радость больше, чем родить от любимого ребёнка?

— Я согласна. Более того, очень хочу этого.

— Не спеши, Леонтина. Женщины твоего вида не всегда выживают после родов. Не думай, что всё будет легко и безболезненно.

— Я знаю это лучше тебя. Моя мать и сестра умерли, одна не родив, а другая так и не родившись. Хоть мой отец тоже был чистокровным, — слёзы при воспоминании о трагедии затуманили взгляд. Я тяжело вздохнула и смахнула непрошеные капли. — Но я хочу испытать это сама и родить ребёнка именно для тебя. Я приняла решение.

— Тогда собирай вещи, — поймав мой удивлённый взгляд, Рэв подошёл ближе и обнял меня. — Не бойся, так нужно. Несколько дней ты проведёшь в доме лазарей, они подготовят тебя. А после обряда вернёшься сюда.

Рэв взъерошил мои волосы и, почти нежно поцеловав в макушку, подтолкнул к двери:

— Всё, иди!

Я посмотрела на его спину и провела ладонью по напряжённым мышцам, которые от моего прикосновения сделались стальными. Рэву нужно было побыть одному, он не хотел показать мне свою слабость. Ни слова не говоря, я вышла, прикрыв дверь.

Я улыбалась. Впервые за всё время моего пребывания в этом доме я чувствовала, что не кривлю душой и поступаю верно.

Рэв шёл на встречу с Ясминой, главной среди лазарей. В руках этой женщины находилось право разрешать паре обряд Соединения.

Рэв сомневался, правильно ли он поступил. Стоило ли пытаться спасти Леонтину? Безусловно. Но как заставить других поверить в то, что она не причастна к заговору?

Ему, как доверенному лицу Председателя Совета и волку, отвечающему за выявление заговоров Древних, придётся нелегко. Надо будет очень потрудиться, чтобы обелить женщину, в которую угораздило влюбиться. Но поступить по-иному Рэв не мог. Нельзя обижать ту, в чьих глазах он прочитал ответное чувство. Женщину, которая понимала его лучше прочих. Мысль о возможном скором отцовстве грела душу. Если Фенриру угодно, чтобы оборотень и дочь Илиоса соединились и стали неразлучными, кто он такой, чтобы мешать планам верховного божества?!

Рэв оглянулся и с удивлением понял, что уже давно стоит у дома лазарей и бормочет что-то, держась за выступ белокаменной стены. Благо рядом никого не было, а то он и впрямь был похож на обезумевшего.

Через три коротких стука дверного молотка, врата отворились. Привратник поклонился и дал понять, что ему известна цель его визита. Рэву оставалось только следовать за сутулым молчуном по коридору и надеяться, что Ясмине изменит её обычная проницательность.

Стоило ступить в её кабинет, как оборотень понял, что лазарь ждала этого момента и давно была готова дать ответ. В глазах женщины появился знакомый жёлтый отблеск.

— Я как раз ждала тебя, Рэв, — сказала она, поднимаясь навстречу. Стол был завален бумагами, тонкие пальцы Ясмины запачканы чернилами. — Я знаю, откуда Асейя узнала о якобы проклятии, нависшем над твоей рабыней.

— Теперь это уже неважно, вера, — ответил Рэв, присаживаясь в указанное кресло. Ясмينا устроилась на диване, стоявшем тут же. Оборотня нервировал её взгляд и то, что она могла видеть его, а он, только если бы повернул голову направо. Недолго думая, Рэв развернул кресло и скрестил взгляды с лазарем.

— Я прошу позволения на обряд Соединения.

— Всё-таки решился, — улыбнулась женщина, поднимая бровь. — Хочешь травяного чаю?

— Его пьют только лазари, я предпочитаю обычный.

— Хорошо, — Ясмينا поднялась и позвонила в колокольчик, лежавший на столе. Тонкий голосок призвал одного из молодых волчат-послушников, который, едва войдя и получив приказание принести чай, покраснел при виде Рэва и в восхищении застыл на месте.

— Иди уже, — усмехнулся Рэв отроку. Тот покраснел ещё больше и удалился, низко поклонившись обоим.

— А в лазари всегда идут те, кто не отличается выдержкой? — спросил Рэв у Ясмины, дождавшись, пока торопливые шаги затихнут вдали.

— А в Совет берут только тех, кто сотрудничает с Древними?

— Что ты имеешь в виду? — Рэв сделал вид, что не понимает о чём идёт речь. Но сердце ёкнуло: либо лазарь каким-то неведомым образом прознала о роли в недавней истории Леонтины, либо снова взялась выговаривать за Боану.

— Сам знаешь: помощница из тех, кто не так давно использовал магию, ставит под сомнение твои прежние взгляды на жизнь.

— Боана выявила многих врагов Ордена, — уже успокоившись, возразил Рэв. — И тебе известно, что магию она давно не использует.

— А как, позволь узнать, ты раскрыл заговор в твоём собственном доме? — улыбка Ясины стала ещё приветливее.

— Где полно согладатаев, работающих на Боану. Я не обязан держать перед тобой ответ, но так и быть, скажу, чтобы снять нелепые подозрения и прекратить шушуканья за моей спиной. Мы давно разрабатывали эту ячейку Ордена и ждали, пока все попадутся в расставленные силки. Совет одобрил моё решение разделаться с заговорщиками по-тихому, чтобы не вызвать паники и не обострять воинственные настроения накануне подписания договора с Огнедышащими. По официальной версии, часть из них сбежала, другие подались туда, где им предложили более выгодные условия.

— А горничная, значит, пыталась обокрасть твою наложницу?

— Именно так. Жёлтые топазы очень редки в Илиосе, да и женская зависть Сильвии была не чужда. Поэтому казнили её тихо. Но тебе, Ясмина, всё это и так известно из личных источников.

— Брат не обсуждает со мной дела Совета, — женщина потупила взгляд всего лишь на пару секунд, но их хватило Рэву, чтобы понять: догадка верна. Хранмер, конечно, его соратник и почти друг, но иногда бывает не в меру болтлив с близкими, а старшую сестру ещё и побаивается.

Впрочем, Рэв был рад, что Ясмина подняла этот вопрос: к мнению лазарей общество прислушивалось не меньше, чем к рекомендациям Старейшин. А возможно и больше: в конце концов, те, кто разменял сто пятьдесят лет, порой безнадежно застряли в прошлом и не желали принимать веяния времени. В частности, для Старейшин сама возможность брака с присланной в качестве дани девушкой была неслыханной дерзостью.

— Вот видишь, свои секреты есть у каждого, — мирно заключил Рэв и, подождя, пока служка поставит на стол дымящийся чай в глиняных бокалах и выйдет, продолжил: — Так что скажешь, Ясмина?

— У меня не причин отказывать герою минувшей войны и члену Совета Стаи в такой малости.

Женщина встала, давая понять, что разговор окончен.

— Присылай девушку утром, обряд назначим, — Ясмина подошла к столу и порылась в собственных бумагах: — Когда растущая Луна наберёт силу. Я верю в успех. С минувшего праздника Плодородия все три девушки понесли.

Рэв кивнул и направился к двери.

— Позволь спросить ещё кое-что, — нерешительным тоном остановила его Ясмина. На её лице промелькнуло обычное любопытство. Рэв про себя усмехнулся: все они одинаковые, и на какой бы ступени и должности ни стояла самка, а женское естество берёт своё: ну как не посплетничать о личной жизни других!

— Говори.

— Асейя попросила семена с кустарника лютеи. Это последнее средство, к которому прибегают бесплодные. Ты собираешься сойтись с ней снова? Я спрашиваю не из праздности. Если твоя наложница понесёт, треволнения могут навредить будущему ребёнку. Древние и так слабы здоровьем...

— Она для меня чужая, и это не изменится. Тем более ты знаешь про метки.

Рэв ещё раз кивнул и поспешил удалиться. Главное — он своего добился, а планы Асейи пусть волнуют того, кто собрался её обрюхатить!

Глава 26

Я готовилась к обряду с таким воодушевлением, словно речь шла о пышной свадьбе, которая навсегда отдаст меня любимому.

И пусть алтарные камни и брачные обряды мне не грозили, но всё-таки я оставлю частичку себя Рэву. Загадывать о том, что будет после родов, казалось мне глупым занятием. Первоочередной задачей стало — понести с первого раза, тем самым доказав свою состоятельность как женщины и утереть нос волчицам хозяина, которые этого не смогли.

— Я готова! — спустившись по лестнице с сумкой в руках, я застыла на середине пути, желая запомнить этот момент. Я покидаю дом хозяина рабыней, а вернусь... тоже рабыней, только носящей под сердцем желанного ребёнка.

Боана ждала меня внизу, то и дело бросая взгляд на часы. Сопровождать в дом лазарей меня вызвался её муж, которого нигде не было видно.

— Спускайся! Что ты стоишь?

Я вздохнула и с глупой улыбкой выполнила приказ. Сегодняшним утром у меня не было сил злиться и печалиться, а настроение слуг и вовсе перестало волновать.

На залитом солнцем крыльце я поехала от утреннего холода, воздух казался чистым и прозрачным, предвещая наступление осени.

Сейчас там, откуда я родом, готовятся к празднику Первого урожая. На улицах и площадях ставятся длинные столы с фруктами и вином, а за городом начинаются танцы для молодёжи, смелые парочки уединяются в беседках для тайных свиданий... Через пару месяцев приходит пора свадеб.

Здесь такое бы посчитали безыдейным распутством. Людоволки не одобряли оргий и встреч ради удовольствия, всему у них находилось оправдание интересами Стаи.

Томас сухо поприветствовал меня и открыл дверь экипажа с затемнённым стеклом. У всех присутствующих были такие лица, будто та, кого они видели перед собой, недостойна оказанной милости. Я решила вести себя так, будто снова свободна и вольна принимать такие решения, какие сочту нужными.

Всю дорогу я примеряла на себя новую роль сильной и уверенной в том, что она творит, женщины. Мне стало легче дышать, с души наконец спал груз чужого долга. А будущее представлялось столь далёким, что можно беззастенчиво наслаждаться сегодняшним днём.

Теперь белокаменное здание станет мне временным домом. Утешало только то, что лазари дали комнату по соседству с Феонитой.

Зеленоглазая фея выглядела ещё более усталой, чем в прошлый раз. Под тонкой тканью летнего платья уже был заметен небольшой аккуратный живот.

— Это сложно, носить ребёнка? — спросила я после того, как первые волнения улеглись.

— Я всё время устаю. Хочется спать и совсем не тянет на еду.

— А что они говорят? — спросила я, понизив голос до шёпота и оглядываясь на дверь. Мы сидели в моей комнате на одноместной кровати, поставленной у окна. Дверь была плотно закрыта, но мне везде мерещились подслушивающие.

Феонита улыбнулась и пожала плечами:

— Ничего. Именно поэтому я считаю, что всё в порядке. Меня регулярно осматривают, лица у лазарей всегда довольные. Но я вижу, ты устала. Да и мне не мешает вздремнуть после обеда. Увидимся завтра, — Феонита встала и с вымученной улыбкой выскользнула из комнаты.

Я и впрямь испытывала потребность в отдыхе. Поэтому, не распаковывая вещи, переоделась в белую тунику, приготовленную для меня на стуле рядом с кроватью, и с наслаждением вытянулась на хрустящих простынях, сразу погрузившись в глубокий сон без сновидений.

Следующие дни были похожи один на другой. После завтрака нас, девушек, живущих на втором этаже, осматривали лазари. Каждой было выделено особое время.

К обнажённому животу и груди цепляли маленькие круглые диски, похожие на мёртвых чёрных жуков, от которых шли тонкие нити. Я лежала, отгороженная занавесью от лазаря, изучающего

меня, и гадала, сколько времени я ещё здесь пробуду.

После обеда меня осматривали женщины, в том числе и там, где считалось неприличным. Они были очень аккуратны и тактично молчали, пока длилось это унижение. К счастью, больше оно не повторялось.

Зато начались иные уроки. Меня выводили и заставляли задерживать дыхание, смотря на полную Луну. Я почти теряла сознание, обливалась потом, но старательно выполняла все указания. Только так можно было приблизить долгожданный день.

Физические занятия изматывали так сильно, что вечером не было сил на пустую болтовню. С Феонитой мы перебрасывались парой фраз за обильным обедом. Вечером же пища была так скудна, что самым разумным оставалось быстрее лечь спать, чтобы обмануть тягу к сладостям, которых здесь давали очень редко.

Не обошли лазари вниманием и метку на бедре. Никто не стремился причинить мне боль и искромсать пятно на мелкие кусочки, как я опасалась сначала. Все попытки отбелить кожу странно пахнущими порошками не увенчались успехом. Я скептически хмыкала, понимая, что столь примитивные методы не могут изменить магического дара. Я воспринимала метку на бедре, как подарок судьбы, ведь благодаря ей знала, что Рэв по мне скучает.

И вот спустя неделю мне объявили, что я готова. В то утро никаких осмотров и упражнений больше не было, казалось, о моём существовании все забыли. Я принялась паковать скудные пожитки, предвкушая встречу с Рэвом.

Как он там? Ждёт ли моего возвращения? Всё-таки метка — штука удобная, но полноты картины не даёт. Буду ли я так же интересна Рэву после родов? Я впервые задумалась об этом, и мне стало страшно. Холодно, будто зима уже не за горами.

Задумавшись, я, готовая к отъезду, присела на заправленную постель. Скоро за мной придут. Но минуты тянулись слишком медленно.

Наконец, дверь отворилась. Женщина средних лет с зализанными волосами, собранными в пучок на затылке, как и требовали традиции лазарей приветливо улыбнулась мне и молча приказала следовать за ней.

Я подчинилась, считая ступеньки, ведущие вниз, по пути взглядом прощаясь с опостылевшими казёнными коридорами. На улице снова сияло солнце, и стояла знойная духота, предвещающая очередной жаркий день, несмотря на то, что приближался конец лета.

Увидев знакомый чёрный экипаж, я устремилась к нему, как путешественник после долгой дороги спешит к показавшейся на пути харчевне. Внутри всё такое знакомое, шепчущее о моём доме. Да, пожалуй, я впервые произнесла это вслух:

— Мой дом...

Экипаж остановился, внутри ёкнуло: слишком скоро, мы не могли так быстро доехать до дома Рэва. Может он ждал меня в этом здании, шпилем протыкающем синеву неба на окраине города. Оно казалось временно нежилым. Окна первого этажа заколочены, изнутри не доносилось ни звука.

Я застыла в недоумении, держась за дверь экипажа, как за спасительный круг. Возница, закутанный в чёрное, сидел не шелохнувшись и не отвечая на мои робкие попытки заговорить. Прохожих не было видно: в этот тупик, где приютился таинственный дом, вряд ли кто заходил по своему желанию.

Вздохнув и кинув взгляд по сторонам, я решила. Подняться на крыльцо, не оглядываясь назад, стоило мне некоторых усилий. Экипаж тут же тронулся с места и через мгновение скрылся из виду.

Робкий стук в дверь остался без ответа. Взявшись за кольцо, приделанное к металлической пластине, я обнаружила, что вход открыт.

— Есть здесь кто? — мой окрик гулко отразился от стен широкого коридора, освещённого тусклыми масляными лампами. Внутри дурманяще пахло лавандой и чабрецом.

Я прошла вперёд, прикрыв за собой дверь. Мне казалось, что я вернулась в детство, когда ступила на Путь Посвящения. Тогда ещё была жива моя мать, которая изо всех сил противилась моему приобщению к жреческому служению. А потом родилась Виктория, и мама растворилась в предрассветном тумане. Мне нравилось думать именно так. Слово “смерть” для меня дурно пахло уже тогда...

И сейчас я ступила на иной путь, для которого и была предназначена. От судьбы не уйдёшь, наша

задача — правильно понять её знаки. Её метки.

Коридор закончился обычной деревянной дверью, за которой могло скрываться что угодно. Но пока было тихо. Я повернула ручку и оказалась в просторной комнате. Свежий воздух делал мысли ясными, а чувства предельно понятными. Я поняла, для чего пришла сюда.

Но эту женщину я ожидала увидеть последней.

— Проходи! — коротко приказала Ясмينا. Она сильно изменилась с нашей последней встречи в столовой дома хозяина, когда я лишилась чувств после её опытов. Женщина похудела, время нанесло на её лицо новые знаки, которые нельзя стереть. Обычно свободно ниспадающие густые волосы глава лазарей забрала в пучок на затылке. Причёска делала её похожей на отслужившую свой век воспитательницу, в силу возраста вынужденную кутаться в чёрные балахоны.

Я подчинилась, кинув любопытный взгляд на большую кровать в центре комнаты.

— Да, ты всё правильно поняла, — Ясмينا подошла ко мне ближе. В её руках появилась чёрная повязка. Испугавшись, я отшатнулась, в ответ получив лишь снисходительную улыбку. — Не бойся, глупая! Сначала надо переодеться.

В соседней комнате стояла готовая ванна, до краёв наполненная тёплой водой с плавающими лепестками роз кремового цвета.

— Ровно семь минут, — пояснила Ясмينا, указав взглядом на песочные часы, стоявшие возле белоснежной раковины. — Наденешь то, что приготовлено. И только это.

Не дав вставить ни одного вопроса, Ясмينا вышла.

Ванна с тёплой водой расслабила затёкшие от напряжения мышцы. Хотелось нежиться в ней как можно дольше, но песчинки неумолимо оседали на дне стеклянного сосуда острой горкой. Я наскоро вытерлась и облачилась в полупрозрачную кружевную рубашку серебряного цвета, доходившую мне до колен.

Не удержавшись, кинула взгляд в зеркало, чтобы тут же смущённо отвести взор: впервые я была одета и раздета одновременно. Облегающая рубашка только подчёркивала естественные изгибы тела, казалось, я завёрнута в тончайшую паутину.

Время вышло. Я вернулась в полутёмную комнату. Два канделябра на тонких ножках по обе стороны кровати освещали изголовье. Я огляделась в поисках лазаря, но не увидела ничего, кроме темноты.

— Не бойся, — послышался голос Ясмины. Не успела я подивиться, каким образом она оказалась у меня за спиной, как на глаза опустилась тёмная пелена. Шёлковая лента холодила кожу, слепота обостряла обоняние и слух. Воск, стекающий по подсвечникам, удаляющийся шелест платья Ясмины и ворвавшийся после запах осенних яблок.

Холодная девичья ладонь обвила мои пальцы и потянула за собой, к свету который я не видела, но чувствовала жар свечей.

— Не бойся, — повторил слова Ясмины мелодичный женский голос. Я подчинилась и последовала на зов. Меня уложили на постель, словно хрупкую вазу. Руки, пахнущие розами, погладили по голове:

— Подчинись и молчи, пока я не приду за тобой. Одно слово — и всё напрасно, — прошептал тот же голос. На последнем слове он слегка дрогнул. Я испугалась не меньше той, что говорила мне это и позволила шёлковым лентам обвить запястья, обездвигив руки.

Вскоре движение вокруг меня прекратилось. Тишина вновь стала безгласной и бездушной. Лишь метка на бедре слабо пульсировала.

Я лежала в пустоте и ждала, считая минуты и вспоминая все наши встречи и первый поцелуй, подаренный мне в столовой. Первое соединение в густом парке, походившем на настоящий лес. “Слабым нет места в обществе”, — произнёс тогда Рэв, и я пообещала себе стать достаточно сильной, чтобы выносить ребёнка, который будет зачат сегодня.

Я почувствовала запах Рэва, его аккуратные прикосновения. Рубашка из тонкого кружева задралась, оголив бёдра. Метка на бедре потеплела, внизу живота родился знакомый пожар.

Я была готова и не только физически. Я шла к этому дню слишком долго, возможно, ещё до того, как осознала свою истинную сущность.

Рэв резко вошёл в меня, я памятуя о необходимости молчать и не имея возможности обнять

мужчину, крепче сжала его тело бёдрами. Движения оборотня стали резкими, он вминал меня в простыни, но мне этого было мало. Страсть обжигала кожу и сгущала воздух вокруг, делая его похожим на предгрозовое обещание, кружева рубашки превратились в цепи, удерживающие меня, не давая соединиться со своим вторым "я".

Наши дыхания слились воедино, я кусала губы, жаждущие ещё поцелуев.

Моё тело хотело сейчас звериной грубости и отвергало всякий намёк на нежность. Рэв не останавливался, не давал мне передышки, и я была рада этому.

"Ещё, сильнее," — кричала полуволчица, запертая в глубине моего сознания. Я балансировала на грани дикого наслаждения и острого удовольствия напололам с тянущей болью в глубине лона. Так не могло продолжаться долго, боль взорвалась внутри, разбив меня на тысячу маленьких звёздных точек над головой. Освободившаяся сила потекла по жилам. Рубашка треснула на груди, как и стальные прутья клетки в гаснущем сознании.

Последнее, что я ощутила истерзанным и изнурённым наслаждением телом, было горячее семя, заполнившее моё плодоносное чрево. Последнее, что я подумала, перед тем, как упасть в пропасть: "Я теперь тоже как Он. Мы стали равными".

Глава 27

После обряда Соединения Рэв долго избегал меня. Мне уже казалось, что он жалеет о своём согласии, поэтому спустя пару дней после соития, призванного сделать меня матерью, я заперлась в спальне и решила не выходить из неё, пока не узнаю точно, что понесла.

Меня грызла обида, я часто плакала и вела себя как дева из тонких романов о бессмертной любви, которые встречались в доме моего отца. Я и сама понимала, что поступаю глупо и недальновидно, но ничего не могла с собой поделать.

Потом пришло раздражение, а за ним и наступил день первой тошноты. Тогда в моей спальне и появился Рэв.

Оборотень присел на постель и взял меня за руку, другая ладонь легла сверху. Дурнота немного опустила. Мы смотрели в глаза друг другу, и на душе сделалось чуточку светлее.

— Поспи, моя вера, — произнёс наконец Рэв и, наклонившись, поцеловал меня в лоб. Я так устала от изнуряющей дурноты, что только слабо улыбнулась в ответ и прикрыла веки. Я даже не видела, как мужчина вышел.

Дни складывались в недели, а те в месяцы. Пролетело лето, разноцветные листья осени в одночасье опали, тронутые первыми ночными заморозками. Я часто гуляла в саду, и только потому, что Рэв вытаскивал меня на улицу, заставлял больше двигаться и впускать в спальню студёный воздух, который пах скорой зимой.

Мы подолгу говорили на отвлечённые темы. Оборотень рассказал мне во всех подробностях, как прошла встреча с послами Огнедышащих, как был подписан мирный договор и объяснил, что это начало новой эпохи.

Я понимала, что Рэв неспроста обходит стороной все разговоры о будущем ребёнке. Его цель — отвлечь меня от растущих подозрений. В глазах лазарей я видела отражение своей тревоги: что-то шло не так.

Тошнота усиливалась день ото дня, полностью лишая меня сил. Не помогали ни специальные снадобья, ни леденцы, выдаваемые врачами. Ела я через силу и понемногу.

Боане не разрешали посещать меня. Видимо, Рэв опасался, что она, памятуя о прошлом, применит на мне лечебную магию. Будущий ребёнок должен быть достаточно сильным, чтобы выжить в родах без посторонней помощи. Я обязана справиться со всем сама.

В редкие минуты отдыха от недомоганий, я сидела в удобном кресле, ради меня вынесенном в сад, под ветви раскидистой липы. Теперь голые и обледенелые. Несмотря на приближающийся холод, мне здесь нравилось: тихо, благодаря ковру из почерневших листьев я могла заблаговременно услышать чужих.

С зачатием ребёнка слух и другие чувства обострились ещё больше. Пока я никому об этом не говорила, считая новые способности как минимум странными. Вкус, нюх, зрение... Я и впрямь стала как Рэв. Почти.

В дальнем углу сада в летнюю беседку вошли двое. Несколько недель я сидела день за днём в саду только ради них. Мой мужчина говорил Боане, что встреча состоится здесь. Это идеальное место: двое волков услышат, если зашуршат пожухлые листья.

Прозрачный морозный воздух хорошо проводил звук, и всё же до меня долетали только обрывки фраз:

— Что можно сделать? — спросил Рэв. В его голосе мне почудилась мольба, и от этого волна жара прокатилась по телу. Ответ мне был уже не важен. В глубине души я его знала: ничего, что должно произойти — то и случится. В своё время.

— ...наблюдать и молиться, — ответила спутница. Я так и представила рассудительную Ясмину, которая возносит молитвы в Соборе верховного Волка. Улыбка придала мне сил. Я почти перестала ощущать дурноту.

Задумавшись, перестала вслушиваться. Поднявшийся промозглый ветер не был сильным, но заставлял кутаться в шаль. Я медлила и хоть уши замёрзли, не спешила надевать шапку.

— ... живот слишком велик... срока, — донеслось до меня. Лазарь нервничала и что-то скрывала. — Возможно, плод ...неправильно.

— Но ты не уверена?

— Будет позже, — произнесла Ясмина задумчиво. — Я сама проведу тесты.

Накатившая паника напололам с тошнотой заставили встать. Ковёр из чёрных листьев предательски зашелестел. Разговор стих.

Я ещё не успела дойти до крыльца, как рядом оказался Рэв. Бодрым голосом он произнёс:

— Что ты так долго здесь делаешь? Совсем замёрзла. Пойдём в дом.

— Да, я задремала в кресле, — ответила я и посмотрев на мужчину, постаралась беззаботно улыбнуться.

— Я недавно разговаривал с лазарями, — продолжил Рэв, когда мы поднялись наверх, ко мне. — Недомогания скоро должны уйти. Давай я позову Иветту, чтобы она помогла тебе раздеться.

— Нет! — я перехватила его холодную руку, потянувшуюся к шнуру с колокольчиком, прикрепленному к кровати столбу, держащему балдахина. — Побудь со мной. Пожалуйста.

Рэв долгим взглядом посмотрел на меня, а потом бережно подхватил на руки и, словно больного ребёнка, отнёс в постель.

— Ты стала совсем лёгкой. Потому что не ешь ничего, — с сожалением произнёс он, ослабив мне на груди корсет платья. — Надо сказать Эосии, чтобы приготовила на ужин пирожных с кремом, как ты любишь.

— Но мне же нельзя... — слабо возразила я. При одной мысли о сладостях, которые презирали людоволки, отдавая предпочтение мясным блюдам, рот заполнился вязкой слюной. Впервые за несколько дней, полных непреходящей дурноты, я почувствовала голод.

— Иногда нужно идти против правил ради чего-то большего.

Рэв погладил меня по голове и улыбнулся. На лбу и в уголках его глаз прибавилось морщин. Я, разумеется, тоже не стала краше. Может, иных беременность и преображала но ко мне это не относилось.

— Полежи со мной, — повинувшись порыву, попросила я. Так хотелось ощутить рядом тело мужчины, ради которого я забыла страну и собственную расу. Рэв больше не бывал со мной как с женщиной. Запреты лазарей, родовое табу, страх перед изменениями моего тела или что иное тому виной, но последнее время мы физически отдалились друг от друга.

Я уже ожидала отказа и внутренне примирилась с ним, как внезапно оборотень согласился. Он обнял меня сзади за расплывшуюся талию и аккуратно прижал к себе. Пятно на бедре потеплело, и тошнота совсем прекратилась. Мне стало спокойно и хорошо, я тут же заснула, уверенная, что время недомогания безвозвратно прошло.

С приходом зимы началась новая страница моей жизни: без тревог и недомоганий.

Даже Рэв часто терпеливо сидел рядом у камина в гостиной, время от времени бросая неприязненный взгляд на весело потрескивающий огонь. Я только смеялась над страхами оборотня, хотя иногда и разделала его опасения.

Мой живот сильно вырос, теперь я могла спать только на боку и вообще стала грузной и неповоротливой. Но оборотня, казалось, его размеры совсем не беспокоили. От прикосновений отца моего ребёнка на душе становилось радостно, и на щёки ненадолго возвращался румянец.

Немая Иветта каждый вечер помогала мне купаться и мыть волосы. Несмотря на все ухищрения из зеркала на меня смотрела бледная девушка с запавшими глазами и щеками.

Аппетит улучшился, ела я часто и много, словно навёрстывая время, которое потеряла из-за недомоганий. По разрешению лазарей Рэв снова посещал меня как женщину. Я полагала, что он делает это из жалости. К счастью, в темноте я не видела его лица, боясь обнаружить на нём тень отвращения к моему распухшему животу и потолстевшим ногам.

— Я противна тебе? — спрашивала его в который раз. Рэв в ответ только целовал меня в макушку или нос. Если я настаивала и принималась плакать от выдуманных обид, то прикусывал плечо или шею. Это стало нашим условным знаком, что я перехожу границу. И гармония восстанавливалась.

О разговоре, подслушанном в саду, я предпочитала не вспоминать. Моя жизнь наладилась, и ничто не предвещало беды.

Пока однажды вечером нас не посетила рыжеволосая интриганка.

Я почувствовала её запах из коридора второго этажа, когда ночью решила спуститься в кухню, чтобы выпить холодного молока, помогающего бороться с жжением за грудиной.

Сначала я подумала, что новый нос подвёл меня. Однако решила проверить. Запах можжевельных веток слишком сильно бил в нос. Почему она пришла тайком и ночью? Неужели они с Рэвом возобновили отношения?

Я тихонько, стараясь не шуметь, спустилась по дальней лестнице. Отсюда можно разобрать, что говорят в кабинете хозяина. Всё было тихо. Да и зачем бы любовники сидели в кабинете?

В малую гостиную, если Рэв и Асейя отдыхают там, мне доступа нет. И разговор не подслушать. Я уже начала было кусать ногти на руках от досады и возбуждения, как услышала разговор на повышенных тонах, доносившийся из гостиной. Подойти ближе мешали гордость и страх. Они обнаружат меня, и что тогда?

Расплакаться и убежать? Вот уж воистину, будет радость для Асейи. Я сделала несколько шагов по коридору в направлении гостиной, стараясь ступать как можно тише.

— Ты ведь хочешь меня, как и прежде? — засмеялась соперница с торжеством в голосе.

Ответ Рэва я не разобрала.

— Я не против её присутствия. Всё понимаю. Тебе нужен сын, а она всего лишь средство, — продолжила Асейя. Дальше слушать я не стала, всё было понятно и без того.

Переждав пока перестанет кружиться голова, я поднялась к себе и судорожно принялась бросать вещи в сумку. Куда я пойду, меня в тот момент не волновало. Только бы подальше отсюда! Они не получат моего ребёнка!

Сумка получилась увесистой, хоть вещей у меня было и немного. Впереди третий месяц зимы и холодное начало весны, поэтому запас тёплых вещей просто необходим.

За лихорадочными сборами я старалась не думать о том, куда пойду. К лазарям нельзя. Я всё ещё собственность Рэва, меня тут же вернут обратно! В целом городе у меня не было заступников!

План, если задуматься, никуда не годился, но эмоции в тот момент заслоняли разум. Взяв поклажу, которая оказалась тяжелее, чем можно было ожидать, я кое-как спустилась вниз.

В прихожей громко хлопнула дверь. Я вздрогнула и поспешила к лестнице чёрного входа. Но дорогу мне перегородил Рэв. По его глазам, сверкающим жёлтым огнём я поняла, что мужчина очень зол и лучше бы на пути ему сейчас не попадаться.

— Куда собралась? — холодно спросил он, поворачивая моё заплаканное лицо за подбородок к свету.

Я молчала, боясь, что если заговорю, то захлебнусь в слезах.

— Пошли наверх, быстро!

Рэв схватил меня за руку, сумка, вырванная из рук, отлетела прочь, под лестницу. Оборотень потащил меня за собой наверх.

Я очнулась и попыталась вырваться. Сделать это было не легче, чем освободиться из железных тисков.

— Отпусти меня! Я здесь не останусь! — закричала я, но Рэв не удосужился оглянуться и дальше поволок меня по коридору второго этажа.

Только когда дверь спальни закрылась, он повернулся лицом:

— Что ты устраиваешь балаган? Чего тебе не хватает? Решила из меня цепную собаку сделать?

Он выдернул меня из шубы, ткань верхнего платья затрещала и порвалась по швам, но Рэв не успокоился, пока я не осталась в одном корсете и нижней юбке.

— Так-то лучше, — спокойно сказал он и отшвырнул разорванную одежду, превратившуюся в тряпки.

Я, сдержав слёзы и сжав кулаки, вскинула подбородок и проговорила сквозь слёзы:

— Вам не достанется мой ребёнок! Я лучше убью себя и его, чем...

Рэв помрачнел и вмиг оказался рядом, сильно встряхнув меня за плечи:

— Не смей так говорить, — медленно произнёс он, делая паузу после каждого слова. От него запахло волком, я понимала, что оборотень находится на грани обращения и готов разорвать меня на куски, но мне было мало его боли. Я хотела причинить ему больше страданий.

— Могли бы и подождать, пока я умру, — произнесла я, заливаясь слезами. Рэв посмотрел на меня внимательным взглядом и ослабил хватку:

— А может, мне стоит подождать, пока ты поумнеешь?

Я молча глотала слёзы, но продолжала стоять, несмотря на слабость в ногах. Мной владело только одно желание: забиться в угол и исчезнуть без следа.

— Я снова должен оправдываться и отчитываться? Ты этого ждёшь? Сколько раз мне повторять, что либо ты мне веришь, либо постарайся поверить, — неожиданно заключил Рэв, перестав мерить шагами спальню. — Что ты замолчала?

Я совсем его не слушала, полностью погрузившись в новые для меня ощущения

— Что случилось? Тебе плохо? — подскочил ко мне Рэв, увидев, что я оперлась на один из прикроватных столбов, держась за живот. — Присядь! Вот так!

Я послушалась и посмотрела на Рэва, наверное, ошарашенным взглядом:

— Где болит? Не молчи! Я сейчас привезу Ясмину! — заметался он, направляясь к двери. — С тобой побудет Боана.

— Нет! — произнесла я неожиданно громко и улыбнулась. — Подойди ко мне, пожалуйста.

Оборотень с сомнением посмотрел на мою улыбку, но перечить не стал.

— Так что случилось? — отрывисто спросил он, видимо, считая, что я всё выдумала для того, чтобы его разжалобить.

— Толкнулся, — прошептала я и снова прислушалась. Толчки повторялись, они были несильными, но частыми. “Мой ребёнок нормальный!” — радостно думала я, сбросив с плеч груз сомнений, грызших меня последние месяцы.

Рэв продолжал смотреть на меня, не понимая смысла сказанного:

— Ребёнок толкается, — пояснила я и, взяв его руку, положила на свой живот. Рэв на секунду посмотрел мне в глаза, а потом рывком прижал к себе и поцеловал в закрытые глаза.

— Не бойся, всё будет хорошо! Я тебе обещаю. Асейю я прогнал, никто не сможет встать между нами, — прошептал он, и я безоговорочно поверила. Наверное, потому что мне очень хотелось так думать. Метка на бедре потеплела, и я в который раз уверилась, что всё идёт, как надо.

И всё же кое-что меня тревожило. Но Рэву об этом знать было необязательно. Я надеялась, что Ясмина развеет мои тревоги.

Первое таяние снегов я встретила в постели. Моё самочувствие ухудшилось. Толчки ребёнка стали очень болезненны, казалось ещё чуть-чуть, и он разорвёт мои внутренности. Каждую ночь меня посещали кошмары без сюжета и смысла. Но лазари, к которым я навевывалась каждую неделю, никаких опасений в отношении моего состояния не выказывали.

До родов оставалось чуть больше двух лунных месяцев, а я торопила время и молила всех Богов, прошлых и нынешних, помочь мне доносить и родить здорового малыша.

В очередной визит я как обычно поднялась к Феоните. Она очень поддерживала меня. Видя, как соратница по счастью или несчастью, безропотно сносит все недомогания, связанные с беременностью, я и сама старалась держаться и не хандрить.

В то утро выглядела Феонита так, будто не спала пару ночей. Её мучили боли в спине и ногах. Зелёные глаза почти потухли, но увидев меня, она улыбнулась и показала рукой, чтобы я садилась рядом. Ходила она в последнее время с трудом из-за опухших суставов.

— Это, наверное, наша последняя встреча, — сказала она, когда мы обменялись дежурными фразами о самочувствии. — Со дня на день я должна родить. Прямо в канун Нового года.

— Боишься?

— Нет, жду с нетерпением. Больше никто не заставит меня снова забеременеть!

Я понимающе кивнула. Жаль, что чистокровные плохо вынашивали детей от Волкодлаков. Я родилась среди народа, который считал мистерию необходимым средством для поддержания вида. Людские женщины хорошо рожали и легко переносили тяготы бремени. Наверное поэтому пренебрежительное отношение к полукровкам считалось оправданным.

Сейчас мне было за это стыдно.

— Что слышно о Клариссе? — спросила я, чтобы переменить тему и отвлечь Феониту от грустных мыслей.

Оказалось, это была неудачная идея.

— У неё случился выкидыш, — вздохнула бывшая феяри. Разговор совсем завял. Я решила попрощаться, а иначе и сама поддамся апатии.

— Жаль, мы с ней в последнее время не ладили, но я думаю, у неё всё получится в следующий раз.

— О да, я уверена в этом, — Феонита тоже поднялась меня проводить. — Она заходила на прошлой неделе, строит новые планы.

— По захвату нового мира!

Мы обе посмеялись и расстались по-доброму. Я пожелала Феоните счастливого разрешения от бремени и скорейшего восстановления. Ведь она сможет стать свободной и ни в чём не будет нуждаться. В том числе и в муже.

Но посещение подруги было не единственной моей целью. Сегодня я решила навеститься к главной здесь и узнать ответы на вопросы, которые меня волновали.

Ясмина согласилась меня принять и даже пару раз улыбнулась как равной. Пока разговор не коснулся животрепещущей темы:

— Что со мной не так? — спросила я прямо, и Ясмина, прежде чем ответить, отвела глаза:

— Тесты говорят, что всё в порядке.

— Это неправда, мы обе знаем.

Ясмина откинулась в кресле, встряхнула копной волос и задумалась, с сомнением глядя на меня.

— В Кодексе сказано, что я имею право знать об угрозе жизни во время родов, если она существует, — выложила я на стол ещё один аргумент.

— И когда это ты так хорошо изучила наш Закон? — улыбнулась Ясмина в третий раз.

— Вы же знаете, кто мой хозяин, а я люблю читать.

— Тогда ты должна понимать, что Кодекс защищает волков, а не их рабов.

— А разве есть разница между беременной волчицей и рабыней? Физически мы во многом схожи. Рабыне даже сложнее, мы ведь слабее. Я раньше тоже делила мир на своих и прочих. Это и есть путь к вырождению. Думаю, вы это сами поняли, поэтому, такие как я и нужны людоволкам.

Ясмина сложила руки перед собой и отвернулась к окну, раздумывая над моими словами. Я про себя молила, чтобы волчица поддалась уговорам.

В итоге, после нескольких минут напряжённого молчания оборотень повернулась ко мне с прежним безмятежным и исполненным достоинства выражением лица:

— Признаться, я удивлена твоими речами. От женщин Древних такое редко услышишь. И за это удовольствие я не могу не ответить тебе тем же. Я выполню твою просьбу и скажу правду, но она вряд ли тебя порадует. Уверена, что хочешь её знать?

Внутри меня всё похолодело.

— Что-то с ребёнком? — спросила я, сплетя пальцы между собой так, что костяшки побелели.

— Нет. С детьми всё в порядке. У тебя близнецы. От этого длительное недомогание и болезненные шевеления.

Я с облегчением выдохнула и провела рукой по животу. Дети тут же отреагировали лёгкими, почти

нежными толчками. Словно говорили: «Мама, мы здесь».

— А Рэв знает?

— Нет, — по лицу Ясины пробежала тень. — Случай редкий, и никто не может предсказать, выживут ли они в родах. Вполне возможно, что ты не родишь ни одного.

Сердце ухнуло вниз. Я же чувствовала, что что-то идёт не по плану лазарей!

— Дети лежат не совсем верно. Впрочем, может природа тебя и пощадит. Ещё есть немного времени.

Мы обе встали, лазарь сама вызвалась проводить меня до входа.

— Подумай, стоит ли твоему хозяину знать об этом. Иногда неведение важнее правды. Мы приложим все силы, чтобы ты родила здоровых детей. Но ты ведь знаешь Кодекс, а значит, понимаешь, что в случае неизбежного выбора спасают ребёнка, а не женщину чуждого нам вида. Несмотря на легенду и прочие обстоятельства.

Я кивнула и от души поблагодарила Ясину за то, что та не осталась безучастной к моей просьбе. Теперь, зная правду, я использую отведённое до родов время с большей пользой, чем планировала. Смерти я не боялась, наверное, и впрямь для меня не может быть другого исхода. Но зато я смогу сделать всё, чтобы спасти детей, запертых внутри моего чрева. И через них останусь жить там, где нашло себе приют моё сердце.

Глава 28

Роды Леонтины начались немного раньше срока. В этом не было ничего необычного или предвещающего дурной исход, но Рэв испытывал нарастающую тревогу.

Уже через сутки он, наконец, станет отцом. Это ведь самое главное, а природа и лазари подскажут его женщине как себя вести во время разрешения от бремени. Эти слова оборотень так часто говорил своим друзьям и соратникам по Стае, что они превратились в набор бездушных звуков, не отражающих глубины страданий родильницы и тревоги её супруга.

Рэв сел за свой стол и выдвинул нижний ящик. Там, в секретном отделении он и хранил последние месяцы от посторонних глаз круглую, с блестящим красным камнем, похожим на глаз демонического волка, тайну. После того как Леонтина оправится от родов, он сделает её равной себе не только по жизни, но и по закону Стаи. Старейшины и Совет больше не смогут ничего возразить.

Пятно на бедре зажгло ещё сильнее. Рэв встал и плеснул себе очередную порцию янтарной воды, разгоняющей кровь и притупляющей боль. Истинная пара всё делит поровну. Его много раз ранили на поле боя и после, на состязаниях, но эти раны сейчас казались волку слабыми царапинами.

“Волчица должна родить не меньше трёх раз”, — гласили старые правила, которые сейчас представлялись Рэву идиотскими догмами. Нет, хватит с него и одного сына. Даже если он будет дочерью. Главное — пусть они все будут здоровы и сильны. Хотя разве может быть иначе?

— Что ты молчишь? — Рэв резко поднял голову и тяжёлым взглядом посмотрел на вошедшую. — Есть вести?

— Нет, хозяин, — мягко ответила Боана и опустила глаза.

— Сколько уже прошло? — голос Рэва прозвучал глухо.

— Почти двое суток.

— И до сих пор ничего... Скажи Томасу, чтобы был готов. Через полчаса едем, — Рэв поднялся со стула, стараясь не обращать внимания на ноющую ногу и прихрамывая, отправился переодеваться. Был бы он в обличии зверя, наверное, отгрыз бы её себе. А ведь алкоголь уменьшал боль, да и Леонтина чувствовала её острее. Значит, дела и впрямь плохи.

Всю дорогу Рэв возносил молитвы Фенриру, чтобы Верховный волк помог появиться на свет своему новому ребёнку и вдохнул в него звериную силу. К своему стыду, оборотень даже попробовал обратиться к нечестивым Богам своей второй половины, они ведь могли помочь его женщине благополучно пережить испытание. Она же столько лет была предана их заветам, не вина Леонтины, что ей пришлось отвернуться от прежней жизни!

Усилием воли оборотень не позволял отчаянию завладеть душой, в которой прочно обосновалась надежда и хрупкая вера в то, что у истинной пары всё не может вот так закончиться! Словно в подтверждение его мыслей, метка на бедре болеть почти перестала.

Храм Фенрира, где была пристройка для рожениц, встретил его зловещей тишиной. Дальше первого закутка его не пустили, отведя сразу в большое светлое помещение. Ясмина сама вышла ему навстречу с радостной улыбкой и зелёными отблесками в глазах:

— Поздравляю тебя, Рэв Торгский! У тебя родилось сразу два сына. Здоровые и крепкие, настоящие волчата. Фенрир поистине ценит твои заслуги перед Стаей и вознаграждает отвагу и ум, проявленные на поле боя и в здании Совета!

— Два? Разве это возможно? — прервал её высокопарные похвалы мужчина. — Почему ты мне раньше не сказала, что их будет двое? Она знала?

— Успокойся! Никто не может предсказать, как в таком случае пройдут роды. А рассчитывать на двоих и получить в итоге одного — очень жестокое испытание. И да, я сказала Леонтине совсем недавно. Это её решение не ставить тебя в известность. Мудрое, на мой взгляд. Она вообще была очень разумна и мыслила почти как волчица.

— Что значит была? — Рэв схватил Ясмину за плечи. — Она жива, почему ты говоришь в прошедшем времени?

Волчица оцетинилась, черты лица исказились, из горла вырвался звериный рык. Оборотень оттолкнул её, не дав обратиться. Сейчас ему надо было получить ответы на вопросы и узнать, что с Леонтиной:

— Говори, я спокоен.

Ясмина встряхнула копной волос и несколько раз глубоко вздохнула, прикрыв веки. Потом открыла глаза, вновь принявшие прежний вид.

— Она без сознания. Плоха. Жар сильный.

— Я хочу её видеть, — сказал Рэв, отойдя к окну, за которым занимался рассвет. Луна поблекла и почти исчезла с небосклона.

— А детей?

— Позже, — мужчина повернулся к лазарю и пристально на неё посмотрел: — Почему ты не хочешь ей помочь? Вы ведь в силах?

— Сам понимаешь, почему. Правила нельзя нарушать! Стоит вытянуть из лап Фрейи одного, как он в свою очередь принесёт своему роду потомство еще слабее, чем был когда-то сам. Позволь хилой матери выжить с помощью магии, она родит больного дитя. И наша раса выродится, растеряет силу и выносливость, дарованные нам Фенриром. Это и случилось с Древними. Поэтому их женщины такие нестойкие, духом и телом.

— Я не говорю о магии Древних!

— Согласно Кодексу мы помогаем только Волкодлакам.

Рэв повернулся и, не говоря ни слова, вышел в общий коридор.

— Где она? — прорычал мужчина на первого попавшегося под руку послушника. Тот, дрожа, указал в сторону третьей двери по правую сторону.

Перед тем как войти, Рэв собрал волю в кулак и, готовый к самому худшему, открыл дверь.

Внутри было светло, прохладно и тихо. Несколько лазарей и послушница столпились возле кровати. Увидев оборотня, они молча поклонились и отошли. “Дают попрощаться”, — подумал Рэв и присел на тёмные простыни.

Леонтина была бледна и лежала так тихо, будто уже отошла. Мужчина взял любимую за руку и поднёс ту к губам.

— Я придумаю, как тебя спасти, — сказал он чуть слышно и поцеловал спящую в горячий лоб.

Покинув территорию храма, Рэв махнул Томасу, чтобы тот не ждал его, а сам отправился к главным воротам. Не обращая внимания на заспанные удивлённые лица привратников, вышел из города и быстрым шагом добрался до леса.

Деревья ещё не очнулись от зимней спячки, раннее утро выдалось не по-весеннему морозным. Снег только недавно сошёл, оголив чёрную стылую землю.

Рэв остановился и огляделся, затем быстро снял одежду и, в два счёта, размяв затёкшие мышцы, обернулся. Переход в зверя давно давался ему безболезненно. Даже приятно дать выход копившимся внутри эмоциям.

Ветки хрустели под лапами. Сначала волк ступал осторожно, чувствительные уши улавливали тысячи звуков, не слышимых в ином обличье. Лес снова стал родным и понятным, в этом мире не существовало своих и чужих, тех, кому можно помочь и тех, кто должен выжить самостоятельно.

Волк перешёл на бег. Деревья проносились мимо, мелькали перед глазами, мелкие животные в страхе затаивались в тени, крупные шарахались в сторону от злобного жёлтого взгляда. Сейчас оборотень понимал тех, кто предпочёл навсегда остаться в зверином теле. Ни мыслей, ни изматывающей боли, которую нельзя зализать шершавым языком.

Стремительная гонка завершилась, когда Рэв выбился из сил. Он вернулся на то же самое место, отдышался и принял изначальный вид, даже не почувствовав боли. Только сожаление.

Зато теперь оборотень был уверен в сделанном выборе. Тот казался ему единственно правильным. Сын Луны сдержит обещание.

Рэв обратился к единственной женщине, которая могла помочь.

Бывшая жрица вначале изумлённо смотрела на него, но потом задумалась и кивнула.

— Вы правильно сделали, хозяин. Не сомневайтесь! — сказала Боана, глядя в глаза. — Только

Древние Боги могут её спасти. Но я не обладаю силой чистокровных. Только их знаниями.

— Значит, нам нужен и чистокровный? — Рэв в задумчивости ходил по кабинету, изредка останавливаясь у окна, и бросал взгляды на хмурое небо, словно искал там ответы.

— Я этого не сказала. У вас есть часть той силы, которая нам нужна.

Оборотень резко обернулся:

— Объясни прямо.

— Уж не знаю как, но с тех пор, как Леонтина стала вашей женщиной, я вижу в вас отблеск её силы. Её Дара. Конечно, он не такой яркий как у чистокровных, но для зелья вполне хватит.

— Что это за ерунда?! — сама мысль, что их магия могла затронуть и его, корбила и приводила в ужас.

— Хозяин, я не знаю, почему так получилось. Да это и не важно, главное — у нас есть всё, что нужно. Но за возвращение Леонтины в мир живых вы отдадите часть жизненной энергии. Вы проживёте меньше, чем могли бы.

Рэв кивнул и дал знать Боане, что согласен. Жизнь без Леонтины представлялось ему бессмысленной. Одно дело — знать, что она жива и, возможно, счастлива где-то. На это оборотень ещё мог бы пойти, но видеть, как смерть забирает любимую совсем молодой, да ещё и по его вине...

— Тогда я начну приготовления. Мне понадобится ваша кровь, совсем немного.

— Когда снадобье подействует? — оборотень старался сосредоточиться на результате, игнорируя врождённое отвращение к магии Древних.

— Никто этого не знает. Оно может и не помочь. Будем надеяться на лучшее.

Рэв был уверен: план сработает. Он сам не мог объяснить, откуда взялась подобная уверенность, но твёрдо решил, что другого пути нет.

Весь день он провёл как на иголках, каждый час посылая слуг в храм Фенрира узнавать, нет ли изменений в состоянии Леонтины. К счастью, девушка всё ещё боролась за жизнь.

«Подожди немного, Тина! — шептал он, радуясь, что хотя бы тому, что она больше не испытывает сильной боли. Клеймо на бедре жгло еле ощутимо. — Скоро я помогу тебе».

Едва на Вервик опустилась ночь, они с Боаной молча вышли из ворот дома и пешком направились к храму. Оба сосредоточенные, помнящие о том, что по дороге туда и обратно нельзя произносить ни звука, как и отвлекаться на посторонние вещи. У них есть только одна попытка!

У постели девушки дежурила послушница. Она удивлённо округлила глаза, увидев две молчаливые фигуры в дорожных плащах с наброшенными на головы капюшонами. Узнав Рэва, послушница поклонилась и выскользнула из жарко натопленной комнаты.

«Побежала докладывать Ясмине, — усмехнулся про себя оборотень. — Без разницы, лишь бы не мешали».

Он подошёл к окну и распахнул створки, впустив свежий воздух. И лишь после этого решился взглянуть на спящую.

Черты лица Леонтины заострились, дыхание было еле слышным, на щеках горел лихорадочный румянец. Болезнь потихоньку забирала её жизнь.

«Успели вовремя», — подумал Рэв и дал понять спутнице знак начинать обряд. Сидя с закрытыми глазами, он вслушивался в незнакомые слова, которые шептала над зельем Боана и чувствовал себя так, словно от него то тут, то там отщипывают по кусочку плоти. Оборотень ощутил непривычную для волка усталость, ему захотелось лечь навзничь и уснуть на тёплой от нагретого солнца земле. И пусть луговые травы над головой тихо переговариваются о чём-то с ласковым ветром.

Боана тронула мужчину за плечо, он с трудом разлепил веки и подошёл к постели Леонтины. Дыхание девушки стало ровнее и глубже, сейчас она выглядела заснувшей от усталости после тяжёлой работы. Рэв вытер платком выступивший на её лбу пот и погладил по спутанным за время болезни волосам.

Бросив ещё один взгляд на спящую и убедившись, что ей немного легче, он поспешил вслед за Боаной, державшей для него дверь и сердито поглядывающей на часы. Прохладный ночной воздух придал сил, Рэв стряхнул с себя вялость и бодрим шагом направился к дому, радуясь весеннему

запаху, который уловил его чувствительный нос.

Зима окончательно покидала эти края до следующего года. Всюду торжествовала жизнь.

Глава 29

После тяжёлых родов я восстановилась довольно быстро. Силы возвращались, и уже через несколько дней я самостоятельно гуляла в парке при храме.

Каждый день меня навещал Рэв. Вместе с ним мы впервые увидели наших детей. Сыновья унаследовали глаза их отца, оба мальчика были крепкими и сильными, что меня невероятно радовало. Прикладывая их по очереди к груди, я гладила тонкие шелковистые волосики на макушках и мурлыкала колыбельную, которую мне самой пела в детстве няня.

Через неделю Рэв забрал нас с детьми домой. Теперь я жила в комнате по соседству с хозяином, мне определили послушницу из лазарей, которой предстояло прожить в нашем доме, пока сыновьям не исполнится год.

Я была счастлива и наслаждалась каждым мгновением жизни, наполненной новым смыслом. Рэв относился ко мне очень нежно и трепетно, каждую ночь, как только прекратила идти кровь, мы проводили вместе. Иногда просто лежали рядом обнявшись и разговаривали.

— Ты дурманяще пахнешь молоком, — говорил мне Рэв каждый вечер, заглядывая в глаза. — Так бы и выпил тебя всю, без хлеба.

Затем он подхватывал меня на руки и относил в постель, где мы любили друг друга как в первый раз. Когда он проникал в меня, я ощущала себя его королевой, способной дарить радость и причинять боль. Мои ощущения во время соития стали глубже и острее, я чувствовала Рэва так, будто была им, а он — мной.

После одной из таких ночей, когда мы, лёжа без сна, встречали рассвет, я принесла проснувшихся детей для кормления. Рэв любил смотреть на нас и молчать, словно боялся нарушить таинство момента.

Сегодня же он изменил традиции и, дождавшись, пока малыши заснут в своих колыбелях, сказал без всякого вступления:

— Выходи за меня замуж!

Я вздрогнула, мне показалось, что я не так его поняла, но оборотень повторил снова, потом ещё раз и ещё, пока я не спросила:

— Зачем это тебе нужно? Я ведь и так твоя.

— Я хочу, чтобы ты была равной всем нам перед Законом. Чтобы в случае моей смерти ты получила всё, что тебе причитается по праву, а не полагалась на милость новых хозяев.

— Только поэтому, да? Это из благодарности? — слёзы щипали глаза. — Прости, Рэв, но я не приму твой дар. И я не собираюсь сидеть и ждать твоей смерти. Может, вообще, это я покину тебя первой.

Я хотела уйти, но оборотень перегородил мне дорогу и сильным движением прижал к себе, заставив посмотреть в глаза.

— Нет. Ты молода и будешь жить очень долго!

— Кто знает, как пройдут следующие роды? — шмыгнула я носом, сдерживая слёзы из последних сил.

— Никаких следующих не будет. Я не позволю тебе, — прошептал он, нежно поцеловав меня в губы. — Я люблю тебя, Леонтина. Ты и так сделала для меня чудо. Ты и есть мой Дар.

Слёзы градом катились по щекам, но я больше не старалась казаться сильной и самодостаточной. Всё это стало неважным, наносным. Я отвечала на поцелуй, снова чувствуя жар в теле и желание служить хозяину до последнего вздоха. Как и он будет служить мне.

— Подожди! — Рэв отстранился и строго посмотрел на меня. — Сначала ответь! Ты будешь моей женой?

— А ты и правда любишь меня?

— Ты ещё сомневаешься?

Рэв улыбнулся и вышел из комнаты, накинув домашний халат, чтобы через минуту вернуться снова. Оборотень посмотрел на меня, требуя ответ, который уже давно был ясен для меня:

— Конечно, да. Я тоже тебя люблю, — сказала я, больше не пряча глаза и ни в чём не сомневаясь.

Мой мужчина подошёл близко и с улыбкой надел мне на палец тонкий серебряный ободок с кроваво-красным зрачком.

— Нравится? — спросил Рэв меня с тревогой.

— Я никогда не видела ничего более красивого, — ответила я искренне и сама поцеловала суженного в полной уверенности, что больше мне ничего не нужно.

В кабинете главного лазаря работа кипела даже ночью. Ясмина любила проводить здесь это время суток. Одиночество с годами становилось всё более тяжёлой ношей. Здесь же от неё многое зависело, и страх отступал за порог.

В дверь постучали.

— Входи, Трения! — ответила Ясмина, не поднимая головы от бумаг.

Помощница неслышно проскользнула внутрь и прикрыла дверь. Важное качество, когда ты служишь облечённым властью — уметь быть незаменимой и одновременно незаметной.

— Вы всё ещё работаете, — произнесла Трения, молодая волчица с вздёрнутым носиком и веснушками, щедро рассыпанными по щекам. Ясмина всегда полагала, что помощница проявляла рвение к работе именно по причине физической непривлекательности. Каждая черта её лица, если рассматривать её отдельно от остальных, была милой, но все вместе они делали внешность Трении странной и малопривлекательной для противоположного пола. С тех пор как Волкодлаки обязали Древних ежегодно отдавать им десять дев в качестве дани, её шансы найти пару и вовсе устремились к нулю.

Отсюда происходила и ненависть Трении к чистокровным, особенно молодым и красивым.

Вот и теперь она с плохо скрываемой досадой заговорила об обряде:

— Вы пойдёте на завтрашнюю свадьбу?

— Да, меня пригласили в качестве почётного гостя.

— Ну, ещё бы! — фыркнула помощница. — Обряд без вас вообще не состоялся бы!

Ясмина потёрла уставшие глаза и отложила работу в сторону. Разговор давно назрел и откладывать его и дальше было чревато для них обеих:

— Присядь, Трения! Прошу, нам надо кое-что прояснить, — и дождавшись, пока девушка займёт кресло напротив, продолжила: — Возможно, однажды ты займёшь моё место и должна чувствовать некоторые нюансы работы. Ты ведь, как и многие посвящённые, упрекаешь меня в том, что я позволила спасти рабыню Торгского? Только ответь прямо.

— Я всегда так и говорю с вами. Да, мне кажется это неправильным. Наш Кодекс ясно говорит, что мы не должны идти на поводу у чувств, но действовать только в интересах своего вида.

— Именно так я и поступила. Действовала в интересах Стаи, хоть для многих это неочевидно.

Ясмина собралась с мыслями:

— Быть главой такой большой службы, как наша, иногда означает уметь делать неочевидные выводы.

— Я не понимаю, вера, к чему вы клоните.

— Ты изучала легенду об истинной паре?

— Конечно, — Трения самодовольно кивнула, полагая, что Ясмина просто уводит её в сторону.

— Тогда ты должна помнить, что «жизни пары тесно переплетены и разорвать их не в силах даже смерть». И что это по-твоему значит? Разве не то, что смерть одного вскорости может повлечь и смерть другого? Разве Стая выиграла бы от преждевременной кончины Рэва Торгского? Или его сыновьям было бы лучше без родителей?

Девушка потупила глаза, но промолчала. Ясмина понимала её лучше многих и не стала задевать гордость Трении.

— Вот видишь. Надо смотреть между строк. Мы имеем дело с уникальным явлением, которое

нескоро повторится. И упускать возможность понаблюдать за ним — непростительная глупость.

— Прошу простить меня, вера. Я всё поняла, — Трения торопливо поднялась со своего места и откланялась. На лице девушки выступили бордовые пятна, делавшие её внешность совсем отталкивающей.

— Иди. А я ещё немного поработаю, — мягко произнесла Ясмينا и улыбнулась. — И помни: то, о чём мы здесь разговариваем, сейчас или потом остаётся строго между нами. До самой моей смерти.

Трения посмотрела на главу службы с искренней преданностью и склонила голову в знак согласия.

Уже минуло несколько часов с тех пор, как меня готовили к обряду Брачевания. Специально приглашённые пожилые волчицы плели свадебную диадему из мирта и мелких белых цветов. Я должна была молчаливо сидеть в той же комнате, сложив руки на коленях, и воспитывать в себе терпение, которое пригодится в семейной жизни.

Я вслушивалась в заунывные песнопения, которыми женщины сопровождали работу, и думала о предсвадебном подарке Рэва. В знак доверия он показал мне все собранные сведения касательно Ордена Сопротивления и роли моего отца в нём. Прочитала я и страницы, относящиеся к выбору девушек, предназначенных в качестве дани и, наконец, поняла, почему именно я оказалась в их числе.

Старшие сёстры были замужем и не годились на роль шпионок. Младшей дочери, согласно нашим традициям, доставалось нетронутое мужем приданое её матери, в случае смерти последней. Это были земли на границе с округом нашего соседа, моего будущего свёкра. Они-то, скорее всего, и приглянулись отцу Найтвелла, желающему расширить границы своих владений.

Несмотря на всё, я не чувствовала к ним злости. Сложись всё иначе, и я прожила бы обычную, ничем не примечательную жизнь. Не испытала бы любви, граничащей с самопожертвованием, не нашла бы истинную пару, не родила двух прекрасных сыновей. Я верила, что им предстоят великие дела.

Так что я без сожаления закрыла страницы своего прошлого, чтобы никогда к ним не возвращаться, и от своей души пожелала счастья своей младшей сестре и бывшему жениху.

После того как Рэв добился от Совета Стаи разрешения взять меня в жёны, у меня не стало ни минуты свободного времени. Оказалось, что подготовка к обряду Брачевания занимает много времени. Меня вместе с замужними женщинами усадили за шитьё свадебного платья из чёрного шёлка, переливающегося как шерсть первого волка Фенрира. На это потребовалось пять недель.

И вот этот день пришёл.

Наконец, диадема была готова и торжественно водружена мне на голову. Я стояла перед зеркалом в расклешенном книзу платье, украшенном невероятной красоты белым кружевом, и не узнавала себя, хотя все говорили, что традиционный свадебный наряд Волкодлаков очень мне к лицу. Это, мол, хорошее предзнаменование, верховный Бог одобряет сей союз.

Торжество началось после заката, за городом, на большой поляне, расчищенной специально для церемонии. Неподдалёку слышалось тихое журчание ручья. Погода была безветренной, и огромная полная Луна висела прямо над аркой, украшенной такими же мелкими белыми цветами, что умелицы вплели в мою диадему, больше походившую на аккуратный венок.

Гости собирались в тишине и усаживались на скамьи, поставленные перед аркой. Я же стояла к ним спиной и ждала, пока придёт Рэв. Но почувствовала его задолго до того момента, как он коснулся рукой моей спины.

Обернувшись, я приняла от суженого маленький букет фиолетовых цветов. Старейшина Стаи, облачённый в красную тунику, начал обряд.

Мы поклялись в верности друг другу, этой земле, воде, которая на ней течёт, ветру, обдувающему поля и леса и, конечно, Луне, под знаком которой пройдут наши жизни. Теперь мы, как и руки, связанные атласной лентой, будем всегда вместе.

— Ты счастлива? — спросил меня Рэв чуть позже, когда все вокруг шумели и предавались сдержанной радости. Столы были поставлены тут же, рядом возведены разноцветные шатры. Слуги разносили гостям мясные блюда, обильно посыпанные зеленью.

— Да, — ответила я искренне. — Ты изменил меня так, что я вообще удивляюсь, как жила раньше.

Мы о очереди отхлебнули из бокала сливочного эля и сплели пальцы рук в знак нерушимости нашего союза.

Позже, когда на горизонте занимался рассвет, а праздник близился к завершению, меня схватила за руку Боана и, не говоря ни слова, увлекла за собой в один из крайних шатров. Внутри было пусто: ни мебели, ни слуг.

— Садись прямо на ковёр, — Боана первой показала пример и достала из кармана бобовые зёрна. Чёрные и белые. — Ночь на исходе, но я не могла оставить тебя без подарка.

— Как ты можешь? А если кто зайдёт? — я попыталась встать, с опаской поглядывая в сторону занавеси, служащей дверью. — Не хватало только, чтобы меня поймали за гаданием!

— Успокойся! — Боана перехватила мою руку, ухватившуюся за ткань, прикрывающую вход внутрь. — Никто не войдёт, пока мы здесь. Я позаботилась об этом.

И многозначительно посмотрела на меня. Я колебалась, поскольку экономка права: узнать свою судьбу я могла только в эту ночь. Соблазн был слишком велик, и я поддалась ему.

— Вот и славно! — Боана собрала бобы и принялась раскачиваться из стороны в сторону с закрытыми глазами. Потом резко выбросила бобы на ковёр передо мной и долго в них всматривалась. Моё сердце готово было выскочить из груди. Я с нетерпением ждала её вердикта.

Наконец, бывшая жрица заговорила таким тоном, будто рассказывала историю, случившуюся так давно, что она уже успела превратиться в легенду:

— Вы проживёте вместе долгую и счастливую жизнь. Воспитаете достойных сыновей Стаи. Через много-много лет ты родишь ещё раз, последний. Вашей дочери предстоит необыкновенная судьба, как в книге, но вы не сможете прочесть в ней много страниц. Рэв отдал за твоё выздоровление часть своей жизненной силы, он умрёт первым. Так, как и мечтал: в облике зверя, бегущего по лесу. К тому времени твоя жизнь уже будет клониться к закату, и вскоре ты последуешь за ним. Но на этом ваша история не закончится, потому что истинную пару не может разлучить даже смерть.

Боана замолчала и затихла, шепча очистительную молитву волчьим Богам. Она просила прощения за то, что на краткий миг снова вернулась в веру Древних.

Я, не желая мешать, вышла на свежий воздух и посмотрела на восток. Туда, где уже розовела заря, возвещая начало нового дня. Я была благодарна Боане за её подарок, потому что теперь твёрдо уверилась в том, что Рэву не удастся ускользнуть от меня в темноту и холодный чертог Смерти. Мы ещё встретимся с ним за гранью этого мира, где я смогу принять тот же облик, что и моя истинная пара. И будем вечно бежать рядом по лугам и лесам обители Фенрира, где не бывает болезней и долгих разлук, вечно молодые, любящие и любимые.

Конец.